

# ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1982

9





Начался новый учебный год. Урок Основ Советского государства и права в восьмом классе школы № 380 Куйбышевского района г. Москвы ведет отличник народного образования Валентина Степановна Муковозова.

Фото В. Зимина.

# ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

9 (141) СЕНТЯБРЬ 1982  
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

---

**Научно-популярный  
журнал  
Министерства  
юстиции СССР**

**Издательство  
«Известия  
Советов народных  
депутатов СССР»  
Москва**

**РЕДАКЦИОННАЯ  
КОЛЛЕГИЯ:**

**В. М. Сиренко**  
(главный редактор),  
**Н. А. Гаврилова,**  
**И. В. Гранкин** (заместитель  
главного редактора),  
**И. К. Ковалев, И. Н. Кузнецов,**  
**Г. П. Политыко**  
(ответственный секретарь),  
**А. М. Рекунков, П. И. Седугин,**  
**Ю. С. Семенов, А. Я. Сухарев,**  
**А. М. Филатов, Ю. М. Чурбанов.**

---

**Адрес редакции:**  
129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский просп., 22.  
Телефон 281-68-12.

---

## В НОМЕРЕ

К 50-летию образования СССР

А. ТЮЛЬПИН. Новополоцкая быль 4

■

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Беседы о Конституции

М. НЕКРАШИОС. Закон есть закон 14

М. ПАНКИН. Совмещение профессий (должностей) 22

■

В Министерстве юстиции СССР

Ответственные задачи органов, учреждений юстиции и судов 30

■

Продовольственная программа — всемирное дело

М. ИВАНОВ. Ваше мнение, юрисконсульт? 32

■

СОБЕСЕДНИК:

А. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ, Л. ЦЕСАРКИН. Я сам виноват 41

А. СИМКИН. Мы для вещей или вещи для нас? 48

Н. ВОРОТНИКОВ. Оправдать нельзя 49

Беседу ведет судья

Ю. СЛОБОДКИН. В прятки с законом 50

С. ПАВЛОВ. Судят вымогателей 54

■

С. БОРИСОВА. Им до всего есть дело. Очерк 57

■

---

## НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница

*Передовики производства — лучшие дружинники. Бригада операторов ордена Трудового Красного Знамени нефтеперерабатывающего завода в городе Новополоцке. Слева направо: Борис Колисниченко, Алексей Мусатков, Митрофан Ромашкевич (в центре), Николай Пилипенко и Виктор Чернов.*

Четвертая страница

*После инструктажа участкового инспектора старшины Сергея Георгиевича Зорина на привычный маршрут по новополоцким улицам вшли дружинники производственного объединения «Полимир» Владимир Клементенок, Таисия Гридюшко и Валентина Демьяненко (слева направо).*

(Читайте материал «Новополоцкая быль»).



<b>В. ЕВДОКИМОВ. Возвращенное детство. Записки директора школы</b>	63
<b>МАРИНА СОКОЛОВА. Добрый дом. Послесловие писателя</b>	77
■	
<b>ЕВГЕНИЙ ВИСТУНОВ. Чужое имя. Хроника одного расследования</b>	83
■	
<b>Судебный очерк</b>	
<b>В. ФРАНЮК. Старый мотоцикл</b>	90
■	
<b>СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:</b>	
<b>Наши консультации</b>	
<b>Е. ХЛЫСТОВА. Нештатные работники</b>	97
<b>Л. СЕМЕНОВА. Выселение граждан из жилых помещений в административном порядке</b>	99
<b>Читатель на приеме у юриста</b>	
<b>О мерах воздействия, применяемых товарищеским судом</b>	102
■	
<b>А. ХОХЛОВ. Каштаны из огня... Для кого?</b>	103
■	
<b>Важные задачи лекторов. О работе секции правовых знаний и нравственного воспитания на VIII съезде Всесоюзного общества «Знание»</b>	109
■	
<b>Время. Законы. Люди</b>	
<b>А. ЛЕВАНДОВСКИЙ. «Мазер де Латюд, узник Бастилии»</b>	110
■	
<b>Зарубежная мозаика</b>	128
<b>По протесту прокурора</b>	62
<b>Судебная хроника</b>	61

Главный художник Н. И. ЛАДЫГИН.  
Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.  
Корректоры Л. М. ЕРМИЛОВА, Б. С. ТУМЯН.

Сдано в набор 25/V-82 г. Подписано в печать 9/VIII-82 г. А12234  
Формат 84 × 108<sup>1/2</sup>. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 10,86.  
Тираж 4 745 600 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.). Цена 60 коп. Зак. 300.

Отпечатано 1 945 600 экз. (из общего тиража 4 715 600 экз.) с матриц  
Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова в типографии  
ордена Ленина комбината печати издательства «Радянська Україна»,  
Киев, Анри Варбюса, 51/2. Зак. 03450.

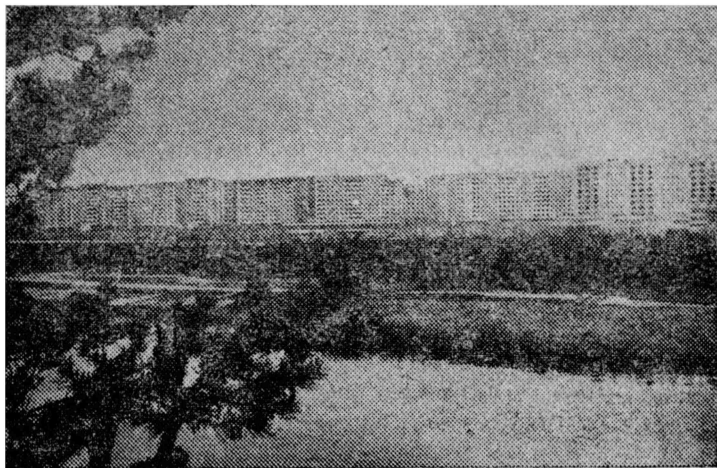


## Новополоцкая быль

Всего двадцать с небольшим лет назад здесь ходили по перелескам грибники да сидели на берегу Двины немногочисленные рыболовы-любители из Полоцка. Редкие, очень редкие деревеньки и хутора — места вольные, но почти совсем необжитые... А вот теперь стоит тут белокаменный красавец город — Новополоцк, взявший имя от своего ближайшего соседа с тысячелетним стажем...

Начиналось все летом 1958 года, когда страна стала ускоренными темпами развивать химическую промышленность. По пятилетнему плану первенцем белорусской нефтехимии должен был стать завод, построить который после сложных изысканий решили на левом лесистом берегу Западной Двины, недалеко от Полоцка. О первых шагах этого удивительно красивого, рационально спланированного и зеленого города, что вырос рядом с заводом, самозабвенно вспоминает нынешний председатель Новополоцкого горисполкома Владимир Владимирович Бичанин. Он городской старожил, как говорится, с колышка первой палатки. На стройку пришел сразу после окончания десятилетки — так что почти вся его сознательная жизнь связана с Новополоцком.

— Кажется, совсем недавно это и было, — улыбаясь чему-то своему, говорит он. — Первостроители прибыли на место, помнится, на лодках. Тогда моста через Двину еще не было. Вначале палаточный городок поставили. А в ноябре пятьдесят восьмого уже



*Рассказ о молодом белорусском городе  
комментирует председатель горисполкома  
Владимир Владимирович Бичанин*

сдали в эксплуатацию восемь общежитий. Одновременно начали строить теплоэлектроцентраль, первые установки нефтеперерабатывающего завода. А люди все прибывали — ехали из разных уголков страны на нашу Всесоюзную ударную комсомольскую стройку молодые парни и девчата. Мы вот подсчитали: работали у нас представители 47 национальностей! Работали сноровисто, жили дружно, гордились своим братством. Многие остались здесь жить...

Когда ближе познакомишься с новополочанами, с их заботами, радостями, традициями, побываешь на предприятиях, в клубах, музеях, а то и просто у кого-нибудь в гостях, начинаешь понимать, — сказал это Владимир Владимирович не просто для красного словца, — в судьбе Новополоцка, действительно, зримо, ярко видна сама сущность великого братства народов нашей страны. Здесь нашли свою вторую родину тысячи людей разных национальностей: нефтяники Азербайджана, Татарии, Башкирии, строители из Москвы, Украины, Армении, химики из Прибалтики, Грузии, Молдавии. Сюда, на помощь молодым нефтепереработчикам Белоруссии, только еще осваивавшим новую для республики специальность, приехали многоопытные химики из Уфы, Перми, Орска, Баку... Еще шире география тех адресов, откуда шли в Новополоцк оборудование и механизмы: Ташкент, Нальчик, Казань и Новочеркасск, Бугульма и Луга, Саранск и Ленинград...

— Что и говорить, — как бы продолжил эту мысль Бичанин, —

благодаря братской бескорыстной помощи и наши заводы были введены быстрее, и город рос, благоустривался, становился краше, удобнее для жителей. А ведь от этого и соответственный настрой у людей складывался — приподнятость духа, желание работать и жить лучше, интереснее. Поддерживать, укреплять всеми силами такой бодрый, здоровый нравственный климат в городе, благородные традиции первостроителей считаем своим перейшим долгом...

Бодрый, здоровый климат... Что ж, явные, очевидные его приметы в Новополоцке налицо. Каждый, кто побудет здесь хоть недолго, сразу отметит какую-то естественную предупредительность прохожих, к которым обращаешься с вопросом, отменную вежливость пассажиров в автобусах и трамваях, продавцов — в магазинах, безукоризненную чистоту на улицах... И совсем не из «квасного» патриотизма мои собеседники — рабочие и инженеры заводов, студенты политехнического вуза, школьники, врачи, преподаватели говорили в один голос: «В нашем городе нам хочется и нравится жить».

Высокая эта оценка, прямо надо сказать. И подтверждается она довольно солидно: за последние семь-восемь лет текучесть рабочей силы на новополоцких предприятиях практически сведена на нет, за то же время в городе значительно сократилось количество правонарушений.

Когда мы с Бичаниным обсуждали эти данные, он вдруг улыбнулся:

— Жду извечного журналистского вопроса — в чем секрет успеха? Решился предупредить его, поскольку секретов никаких нет, да и об успехах говорить не стоит. Поговорите с людьми — они лучше, на примерах из собственной жизни расскажут и покажут все. А цифры вещь сухая...

И вот беседа с рабочими ордена Трудового Красного Знамени нефтеперерабатывающего завода — в бригаде Героя Социалистического Труда Аркадия Степановича Козлова. Самого бригадира не застал — он уехал в Индию налаживать установку на таком же заводе в городе Матхура. После знакомства — обстоятельный разговор о работе. А она далеко не простая и не легкая — на установке первичной обработки нефти. Сырье — тюменская нефть, поступающая сюда по нефтепроводу «Дружба». Продукция — бензины и дизельное топливо, различные технические масла, компоненты для соседей-химиков из ордена Трудового Красного Знамени производственного объединения «Полимир» имени 50-летия Белорусской ССР.

С зарплаты речь перешла на свободное время, условия труда, жизни, удобства, городские проблемы. И сразу же все говорят в один голос:

— Новополоцк любим за чистоту, красоту, благоустроенность быта: все, как говорится, под боком, много зелени, хороший транспорт...

Да, все верно, Горсовет при самой активной, действенной поддержке партийных органов строит город с наибольшими удобствами для людей. Нередко бывало трудно — ведь средства на строительство дают министерства. Не раз и не два приходилось доказывать, что строить нужно не только жилье, но и одновременно магазины, детские сады, клубы. Ведь все это и есть дальновидная социальная политика, которая самым непосредственным образом



влияет на настроение людей, их здоровье и, конечно, трудоспособность. Взять хотя бы транспорт — до завода ходит скоростной трамвай. Этим почти снята проблема опозданий на работу, а значит, укрепляется трудовая, производственная дисциплина...

Очередная беседа с работниками еще одного крупнейшего предприятия города — производственного объединения «Полимир». Основная продукция: полиэтилен и нитрон (заменитель шерсти). В цехах много автоматики, механизмов, облегчающих труд людей, но вместе с тем — ряд производств с вредными условиями. Однако это почти не влияет на текучесть рабочей силы. Коллектив здесь, в основном, молодежный — поэтому речь сразу зашла о досуге.

— Вы были в наших городских бассейнах? А на стадионах? Слышали про новополицкую лыжню и тропу? — в этих вопросах-приглашениях как бы уже был заложен ответ. Комсомольцы приводили массу цифр, которыми доказывали исключительную массовость спорта в объединении. Приведу лишь одну: две трети рабочих и служащих «Полимира» — значкисты ГТО. И, судя по всему, никакого формализма тут нет и в помине. Спортивные сооружения, беговые дорожки стадионов, спортзалы на удивление общедоступны, и всегда там люди. Особенно в бассейнах. На наших глазах первоклашек сменили на голубой дорожке рабочие, потом пришли студенты, за ними — пенсионеры. Вот некоторые данные статистики: 26 тысяч новополицчан регулярно занимаются в спортивных секциях, в городе восемь детско-юношеских спортивных школ, несколько стадионов, три бассейна, в том числе Дворец водного спорта международного класса. Да, видимо, недаром с легкой руки одного журналиста Новополиц стали называть еще и спортоградом.

— Тут ваш брат, может быть, прав, — удовлетворенно замечает Бичанин. — Много пришлось поработать исполкому и его комиссиям, чтобы убедить хозяев-владельцев в необходимости расширения спортивной базы города. Что ни говорите, а основная масса людей работает у нас на «химии», так что дополнительные меры укрепления здоровья людей приносят неоценимую пользу. Это раз. Второе — чем займет свой досуг человек после работы! Разве тут можно быть безразличным. А занятия спортом — это уже проверено на практике — становятся важным средством борьбы против распущенности, пьянства и связанных с ними безнравственных, а то и противозаконных поступков.

— Но согласитесь, Владимир Владимирович, — не утерпел я, — ведь приобщением человека к спорту никак нельзя заменить его нравственное, правовое воспитание.

— Безусловно! Однако одно другому не только не мешает, но органично дополняет. Решение многих социальных проблем — от строительства удобного жилья, учреждений быта и культуры, спорта до рационального размещения транспортных маршрутов — это, на наш взгляд, и есть одно из материальных условий для создания порядка и здоровой моральной атмосферы в городе. Ну, а главным я считаю тут воспитание сознательного интереса, чувства хозяина ко всему, что происходит рядом. Это дело посложней, но в нем даже самый малый успех воздается сторицей.

Такой ход мысли Владимира Владимировича невольно заставил вспомнить небольшой эпизод, что произошел накануне около гостиницы. Из ресторана вышли двое подвыпивших парней. Прямо от подъезда один из них истошно завопил: «Эй, шеф, сюда подавай», — хотя на площади не было ни одного такси. Другой достал



*В городском бассейне «Садко» всегда много детей.*



*Старожилы Новополюцка: председатель Новополюцкого горисполкома Владимир Владимирович Бичанин и секретарь горкома партии Галина Николаевна Фроленко.*

из кармана пачку сигарет, стал неловко прикуривать. Не получилось, взял другую, третью — тот же результат. Тогда с'1 порвал всю пачку и бросил на газон. И сразу же почти все окружающие остановились. В глазах — недоумение. А еще через мгновение к парням подошел прохожий, их ровесник. Он что-то говорил, но не было слышно. Юнцы моментально убрали с газона бумажки и тут же скрылись за стеклянными дверями гостиницы. А часа два спустя я случайно увидел их в холле. По обрывкам разговора понял: вчера в местном дискоклубе им уже кто-то сделал серьезное внушение. Одна фраза прозвучала отчетливо: «Что у них тут, все дружинники, что ли!»

Я далек от мысли представить дело таким образом, будто ново-



*Александр Багрец и Казимир Сапун (справа) — командирь лучших комсомольских оперативных отрядов дружинников Новополоцка.*

полоцким дружинникам только и дел, что утихомиривать приезжих «озорников». Есть тут, к сожалению, и свои. Но этот случай просто лишний раз показал, что здешние дружинники выполняют свои общественные обязанности на совесть. То есть они всегда там, где в них есть нужда.

...Общественный пункт охраны порядка третьего микрорайона — база народной дружины «Полимира». Звонит телефон.

— Приезжайте, успокойте соседа, он выпивши, грозит побить жену. Она пока у нас в комнате...

Срочно отправились по указанному адресу. Через полчаса группа возвращается, люди смущенно улыбаются. Оказывается, размолвка в семье произошла на почве мнимой... ревности. Появление дружинников быстро охладило воинственный пыл местного «Отелло», спутавшего с кем-то родного брата жены.

На маршрут выходит следующая группа. Несколько тихих переулков, уютных дворов и довольно внушительный участок центральной, оживленной улицы Молодежной — их территория. То и дело дружинникам приходится раскланиваться, здесь много знакомых. Но вот у журнального киоска шум, возня. Направились туда. Играл дети. Ребята так увлеклись, гоняясь друг за другом, что вот-вот рззобьют стекло в киоске. Подошли. Взлохмаченные, в растерзанной одежде подростки как по команде прекратили беготню, стали быстро одергивать свои куртки, приглаживать непослушные вихры.

— Извините, мы маленько забылись, — виновато улыбались они. Нет, ребята не испугались, не разбежались кто куда, а как-то по-домашнему доверительно попросили прощения. Дружинникам даже не пришлось ничего объяснять — по лицам этих шестиклассников было видно: они вполне уразумели, что еще минута-другая их

бурной игры — и витрина могла не уцелеть. Совсем маленький (и последний) в этот вечер инцидент был исчерпан. Все было спокойное.

— Так, собственно, и должно быть, — комментирует Бичанин мои впечатления, — ведь у нас полгорода знают друг друга, работают или учатся рядом. Но все равно мы очень ревностно следим, чтоб дружинники были не только (а может, и не столько!) грозой для хулиганов и пьяниц, но и, главное, живым примером для окружающих, как в культуре поведения, так и исполнении гражданского долга. Умение вести себя корректно, чтобы не превысить прав и в то же время не быть беспомощным, — согласитесь, для этого необходима определенная юридическая и нравственная подготовка. И тут, надо сказать, работники нашего народного суда, прокуратуры, милиции времени не жалеют. Пока кандидат в дружинники своих обязанностей и прав досконально знать не будет — его в этой общественной должности не утвердят. Почему, спросите, такая строгость! Да потому, что на дежурстве всякое может быть.

...В конце прошлого года шофер автобуса дружинник Владимир Крюков, проявив находчивость и оперативность, помог задержать двух преступников, которые совершили нападение и смертельно ранили таксиста. Быстро, умело действовали и другие новополоцкие дружинники — Александр Попыкин и Владимир Филимончик, преследуя двух заезжих квартирных воров. Преступников поймали, судили. Конечно, в конце концов произошло бы это и без помощи общественников. Но сколько бы воры могли еще принести бед людям, не помоги дружинник милиции...

К счастью, такого рода находчивость, инициативу новополочанам проявлять приходится до чрезвычайности редко. Это, конечно, не означает, что прокуратура, суд, милиция почивают на лаврах из-за идеального порядка в городе (хотя в уголовной практике они чаще сталкиваются не с местной, а «приезжей» преступностью). Дело все в том, что здесь работа по предупреждению правонарушений не сводится лишь к лекциям и беседам на юридические темы. Ищут такие формы морально-правовой профилактики, которые естественно входят в жизнь каждого человека...

— Наверное, не в одном Новополоцке заметили, — размышляет Бичанин, — что в заботах — вполне оправданных и безусловно перво-степенных — о здоровом климате и порядке в трудовых коллективах подчас упускали из виду поведение и жизнь людей после работы. Даже когда речь шла о досуге, и то все делалось, так сказать, по цеховой линии. А ведь дома, в семье, среди соседей по двору — в так называемом бытовом коллективе проходит большая часть жизни человека. И хорошо ли, что, прожив с соседом на одной лестничной клетке лет пять-семь, человек даже не знает как его звать-величать. Или что вы впервые за это же время узнали о большой одинокой старушке, которая живет этажом выше, лишь после того, как к вам зашел врач «скорой помощи» и попросил заглянуть к ней иногда. И уж совсем негоже, когда рядом, через стену, человек буянит в семье и никто его не пристыдит, не поговорит с ним, не одернет, пока дело не дойдет до крайности...

Собственно, мысль-то о создании сплоченного бытового коллектива сама по себе не нова, однако как это сделать неформально, поделкатнее — тут было над чем и подумать, и поработать...



«По соседству мы живем»... С веселого праздника под таким названием в одном из дворов Школьной улицы и началось в Новополоцке укрепление соседских, бытовых коллективов. Веселая клоунада, исполнителями которой были сами жильцы, дала заряд непринужденности празднику. Во двор вышли все от мала до велика, даже самые отпетые домоседы. Да и усидеть в квартире было невозможно. Импровизированный концерт, песни в честь самых почетных соседей — ветеранов Великой Отечественной войны Зои Степановны Баратинской, Лидии Казимировны Красновой, Татьяны Яковлевны и Павла Федоровича Егоровых, сменила беседа с депутатами городского совета. А потом была интересная выставка: местные хозяйки показали здесь свою лучшую кулинарию: от роскошного «наполеона» до соленых грибов и маринованных патиссонов... «Ешьте на здоровье», — угощали мастерицы.

Теплая, домашняя обстановка таких дворовых праздников в Новополоцке, ставших уже традиционными, дает своеобразный импульс к сближению соседей, помогает им не только познакомиться, но и, объединившись, стать действенной силой в микрорайоне.

Провести субботник во дворе, приглядеть за тем, чтоб ребячья шалость не перешла черту дозволенного, провести больного, деликатно помочь строптивым молодоженам сохранить семью, приструнить пьяного буяна — разве пройдут мимо всего этого добрые, внимательные соседи! Так или примерно так заканчивались обычно мои беседы в новополоцких домкомах, товарищеских судах, советах общественности микрорайонов.

— Главное, — продолжает эту мысль Бичанин, — чтоб в работе общественников не было казенщины. В моральном и правовом воспитании это страшный бич. Если человека, совершившего аморальный поступок или мелкое правонарушение, на общественном пока урвке не убедить и не доказать, что он виноват перед людьми, толку не будет.

Взять вот товарищеские суды. Ведь хоть он и суд, а совсем не зря называется товарищеским. Нарушителя на нем судят те, с кем он изо дня в день сталкивается на работе, в бригаде или дома. Сумеют ли они, соблюдая необходимые формальности, в то же время по-товарищески принципиально, честно, не унижая достоинства человека, осудить его проступок. И не просто осудить, а чтоб назначенной мерой воздействия пробудить в человеке совесть. Если да — то это и есть настоящее воспитание нравственности, подлинная профилактика правонарушений.

Убедительное подтверждение тому — практика рассмотрения так называемых «бытовых» дел новополоцкими товарищескими судами. Борьба с «кухонными» безобразиями некоторых супругов, никогда и ни за что не позволивших бы себе нарушить правила приличия на улице или на работе, — вот одно из направлений профилактической работы здешней общественности. Дела, конечно, неприятные, но, принципиально и тактично решенные, приносят немалые моральные дивиденды. Покой, уважительные взаимоотношения в семье и между соседями — это не только хороший отдых и настроение, но и благоприятная обстановка для воспитания детей...

— Раз уж заговорили о семье, детях, — размышляет Бичанин, — то вам стоило бы побывать сегодня на исполкоме. Там как раз обсуждались проблемы укрепления семьи и воспитания подростков. Нас по-прежнему волнует высокий процент разводов. Одна из основных причин такого положения — неподготовленность молодежи

к браку, и нравственная, и правовая, и, так сказать, практическая. Трудновато нынешние, зачастую забалованные родителями сыновья и дочки привыкают к непростым семейным обязанностям. Надо их готовить к этому...

Да, сложные проблемы укрепления семьи не обошли и Новополоцк. При молодом возрасте здешних жителей это вполне объяснимо: свадеб справляется значительно больше, чем в любом другом белорусском городе с таким же населением. В прошлом году, например, здесь родилась без малого тысяча новых семей. Однако новополочане из этого факта спасительного статистического шита не делают. Еще три-четыре года назад в городе стали создавать специальные клубы молодых хозяек и молодых семей для тех, кто собирается вступить в брак или уже стал супругом. Интересные, богатые необычной и нужной информацией программы клубов собирают сегодня сотни и тысячи молодых людей. Они получают тут не только сведения об основах внутрисемейных отношений, ведении домашнего хозяйства, но и необходимый запас юридических знаний о правах и обязанностях супругов, их ответственности за воспитание детей... В этой важной профилактической работе активно участвуют сотрудники городского народного суда и отдела загса. Кому, как не им лучше знать, из-за чего чаще всего распадаются молодые семьи, на что нужно обратить особое внимание будущих супругов и как полезным советом, а может, и практической помощью предупредить зачастую не оправданный серьезными причинами развод. Глубокий аналитический подход городского суда к проблемам укрепления семьи позволяет и горисполкому влиять на складывающуюся ситуацию своими конкретными социальными мероприятиями. В особенности, когда дело касается благополучия и судьбы детей... Ведь от того, в насколько полноценных — нравственно и физически — условиях они воспитываются, зависит и будущее города, судьба его прекрасных гражданских традиций...

Дети... Как их много в Новополоцке! От разноцветных колясок на скверах буквально пестрит в глазах. А ближе к вечеру, когда ребяташки возвращаются из детских садов и школ, приезшему может показаться, что он попал в колоссальный детский городок. О ребятах горисполком позаботился солидно: проблем с устройством в дошкольные, музыкальные, художественные и спортивные учреждения — нет! Школы новые, добротные и все имеют шефов. Больше того, силами горсовета, педагогической общности и инспекции по делам несовершеннолетних создано множество подростковых клубов и так называемых комнат школьника. «Никакой заорганизованности» — вот девиз педагогов-воспитателей и энтузиастов-общественников, которые внимательно учитывают интересы своих подопечных, поощряют их самостоятельность, инициативу. Короче говоря, очень тактично, умело направляя в нужное русло естественные ребячьи устремления, с успехом используют их в воспитательных (и перевоспитательных!) целях.

Особенно благотворно сказывается педагогическая атмосфера клубов на тех ребятах, которые в силу разных причин оказались на учете в милиции. Общая увлеченность делом захватывает их, невольно заставляет думать о своих поступках — прежних и теперешних, сравнивать. Процесс этот сложный, подчас длительный и болезненный, но на то в клубах и наставники. И можно лишь порадоваться за новополоцких ребят: чутких, умных наставников, таких, как педагоги-организаторы Лилия Константиновна Якубович, Ольга

Васильевна Воронцовская, командир комсомольского оперативного отряда производственного объединения «Полимир» Володя Багрец, в их городе немало. Да и круг занятий велик — спорт, техника, художественное творчество, тимуровская забота о пожилых людях и инвалидах войны, походы по родному краю, поисковая работа...

— О патриотическом воспитании как важнейшей составной части гражданского, нравственного воспитания,— говорит Бичанин,— хотелось бы упомянуть особо. Край наш белорусский, куда бы вы ни приехали, отмечен суровой памятью войны. Уж сколько лет прошло с тех пор, а мы все узнаем новые имена героев, сложивших голову на белорусской земле. И за это благородное дело земной поклон нашим ребятам-следопытам...

Никто не забыт... Эти слова, ставшие для всех нас клятой верности подвигу погибших в Великой Отечественной, обретают в Белоруссии стократную силу. Ведь даже в юном Новополоцке, родившемся спустя десятилетия после войны, есть ее зримые приметы, ставшие неотъемлемой частью истории города, всей его духовной жизни. Вот у школы памятник партизанке Лилии Костецкой, сражавшейся с врагом и героически погибшей в здешних лесах. А на выезде из города — другой обелиск: тут при выполнении особого задания командования был сбит самолет с разведчиками. Еще один мемориал — на территории нефтеперерабатывающего завода...

Раньше на их месте были просто безымянные могилы. Теперь на плитах подлинны фамилии героев: русские, украинские, белорусские, казахские, грузинские... Их восстановили после долгих (порой уже казавшихся безнадежными) поисков местные школьники — красные следопыты. А подняла и вдохновила ребят на поиск учительница Евгения Анатольевна Трапезникова, человек редких педагогических способностей и щедрой души. Собравшиеся вокруг нее школьники вернули Родине свыше трехсот имен неизвестных солдат и партизан, воевавших на Полотчине...

Так на настоящем, волнующем любого подростка деле в Новополоцке воспитывают у молодого поколения чувство советского патриотизма и интернационализма, высокие нравственные качества и стремление быть достойными погибших в бою за их нынешнюю счастливую жизнь и тех комсомольцев-добровольцев, что построили на Двине этот великолепный город.

...Как и в каждом советском городе, поселке, селе, жители Новополоцка не остаются в стороне от тех больших задач, которые решает весь наш народ.

— Активность жизненной позиции,— говорит В. Е. Бичанин,— проверяется делами, сдержанностью людей. С какой, например, огромной силой заинтересованности восприняли новополоцкано-постановление майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС о Продовольственной программе СССР. И ответили на ее принятие совершенно конкретно: коллектив завода белково-витаминных концентратов обязался дать сверх плана около 5000 тонн кормовых дрожжей. Развивается система подсобных хозяйств, садовых участков...

Одним словом, для каждого жителя города всенародная забота о реализации Продовольственной программы стала заботой личной, кровной... И в этом еще одно свидетельство его истинного патриотизма, высокой сознательности и гражданской активности.

# ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

---



**И. НЕКРАШЮС,**  
председатель  
Пакруойского районного  
народного суда Литовской ССР

## ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН

**Гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию СССР и советские законы, уважать правила социалистического общежития, с достоинством нести высокое звание гражданина СССР.**

**Из статьи 59 Конституции СССР.**

В повседневной жизни с правовыми нормами нам приходится сталкиваться постоянно — на работе, дома, в общественных местах. В них заключена совокупность требований, обязательных для каждого из нас. Законы устанавливают тот единственно целесообразный порядок, который позволяет сочетать наши личные интересы с интересами всего общества. Не случайно с понятием «закон» у нас совпадает понятие «справедливость», которая, как утверждает народная мудрость, для человека является насущной потребностью.

Безусловно, четкое выполнение требований закона во многом зависит от знания правовых норм, понимания их сути и механизма



действия. То есть от определенной юридической грамотности. Советские законы, как правило, просты и вполне доступны для понимания каждого гражданина. Элементарная юридическая грамотность позволяет людям правильно регулировать взаимоотношения, свое поведение, помогает избегать многих ошибок. Нелишне сказать, что незнание закона или неправильное понимание его никоим образом не освобождает человека от ответственности за правонарушение.

«Сейчас, когда прошло полтора года моего пребывания здесь, я мысленно возвращаюсь назад и проклиная тот день, когда решил пойти на «дело». Думал ли я о последствиях, о том, что за это «по головке не погладят»? Нет! Откровенно говоря, я и не знал, что закон так строг и что есть в нем конкретные статьи, называющие наши действия преступлением. И только находясь перед судом, стал вникать в понятия «закон», «преступление», «наказание». Не думайте, что я не слышал этих слов раньше. Но содержания их просто не знал. А теперь считаю оставшиеся дни... Еще два года до окончания срока, назначенного судом. Как хочется на свободу! Если бы я знал закон раньше, я не совершил бы своей ошибки...»

Это отрывок из письма близким, которое написал несовершеннолетний преступник, отбывающий наказание в воспитательно-трудовой колонии.

«Если бы я знал закон...»

Подобное сетование нередко можно услышать от подростков. К сожалению, порой оно бывает запоздалым, когда человеку уже приходится отвечать за свои неблагоприятные действия. Как показывают судебная практика, результаты исследований ученых и педагогов, одной из причин правонарушений, совершаемых подростками, зачастую является слабая правовая осведомленность, искаженное представление о требованиях советских законов и ответственности за их нарушение.

...На скамье подсудимых сидит юноша в том возрасте, когда за свои действия приходится отвечать уже самому, за родительские спины не спрячешься. Он угнал чужую машину, чтобы покататься. Спрашиваю: что заставило его совершить преступление? Невозмутимо отвечает:

— Я не знал, что это преступление. Я же не украл машину. Покатался бы немного, а потом поставил на место...

Вот так! Он, конечно, знал, что брать чужую вещь, даже не «насовсем», временно, но без ведома владельца — нехорошо. Однако шел на это сознательно, обдуманно, полагая (поверим ему на слово), что не совершает ничего противозаконного. Отсюда и берется пресловутое «я не знал, что это считается преступлением...»

Конечно, от человека, не имеющего специального юридического

образования, нельзя требовать, чтобы он до тонкостей знал все законы. Но элементарная правовая грамотность необходима. Ведь любой советский человек — член семьи, определенного коллектива, общества. Это наделяет его правами и в то же время налагает на него определенные обязанности, которые он должен выполнять.

Но всегда ли достаточно только одного знания закона, чтобы четко и безупречно его выполнять?

Приведу случай из собственной судебной практики.

— Я возмущен! Это насилие! Я этого так не оставлю,— с трудом сдерживая гнев, шумит солидный гражданин, доставленный работником милиции в зал суда.

— Успокойтесь, ответчик,— говорю я.— Объясните суду, чем вы возмущены?

— Как же не возмущаться! Кто дал право меня, как какого-то преступника, приводить в суд?

— Вы ознакомились с определением суда о принудительном приводе?

— Да, ознакомился...

— Суд дважды приглашал вас явиться на заседание по делу о взыскании с вас алиментов на содержание детей, но вы не приходили, хотя повестки вручались вам вовремя.

— Я знаю, что вызов в суд носит обязательный характер, но явиться никак не мог. В конце квартала на заводе, сами знаете, какая обстановка. «Горит» план. Это поважнее всяких судебных заседаний.

— А содержать своих детей — разве это не важно?

Ответчик молчит. Нечего ему сказать.

Приведенный пример лишний раз свидетельствует, что некоторые граждане, даже зная свои обязанности, порой уклоняются от выполнения их. Так что само по себе знание закона еще не исчерпывает проблемы. Надо, чтобы знание становилось убеждением, осознанным руководством к действию.

Да, закон на то и закон, чтобы его соблюдать при любых обстоятельствах. Нарушению закона нельзя подобрать какие-либо оправдания. Но некоторые люди тем не менее стараются это сделать. Обратили вы внимание, чем мотивировал упоминавшийся выше ответчик неисполнение им законного требования суда о явке на заседание? Интересами выполнения плана!

Подчеркиваю это потому, что нам, судьям, порой приходится сталкиваться именно с такой мотивацией противоправных деяний. Некоторые хозяйственные руководители понятие о так называемой «производственной необходимости» используют как повод для игнорирования правовых норм. Закон, мол, обойден не в корыстных целях, а... «в интересах производства».

В одном из колхозов ремонтировали дорогу. Для этого выделили щебень и гравий. Возникла проблема: как доставить их на место? Колхоз необходимым транспортом не располагал. Председатель обратился в автотранспортную организацию. Там развели руками: дескать, свободных машин сейчас нет, все в рейсах, подождите. А ждать председателю не хотелось. Он обратился за помощью к нескольким водителям этой же организации в частном порядке:

— Парни, выручайте. В долгу не останусь...

Ударили по рукам. В тот же день шоферы приступили к перевозке щебня и гравия. Правление колхоза вынесло постановление: выплатить за каждый рейс с грузом по 25 рублей. Был оформлен соответствующий подряд, в результате чего водителям было начислено свыше двух тысяч рублей.

По требованию прокурора незаконная сделка в судебном порядке была признана недействительной, потому что правление колхоза, заключая подрядный договор частным образом, грубо нарушило интересы государства и права автотранспортной организации. Договоры о перевозке груза можно заключать только с предприятиями, учреждениями, организациями, но не с частными лицами. Тем более если речь идет о грузоперевозках на ведомственных транспортных средствах. Незаконно полученные деньги были взысканы с водителей в пользу государства. Кроме того, их обязали рассчитаться за часть использованного ими горючего. Наказали и председателя колхоза.

А ведь на поверхности явления, собственно говоря, что лежало? Желание колхозного руководителя как можно скорее пострсить дорогу, столь нужную хозяйству. Благое стремление? Безусловно! Но при этом забыли об одном: как бы ни было объективно нужно и полезно затеваемое дело, для его осуществления хороши только те средства и пути, которые согласуются с законом.

Казалось бы, аксиома. Но, к сожалению, не для всех. В своей судебной практике мне не раз приходилось сталкиваться с людьми, которые совершенно искренне считали, что в отдельных случаях, «для пользы дела», можно обойти требования закона. Иной, действительно, всей душой болеет за план, за трудовую дисциплину, за благо родного коллектива. Но вот что-то стало не ладиться. И человек сознательно идет на отступление от правовой нормы, чтобы «спасти положение», «проучить нарушителя», «не упустить случая». Смотришь, грань уже перейдена. А итог? Нарушены чьи-то законные интересы. Начинается судебное разбирательство, отнимающее время и силы. Кроме того, одно нарушение нередко порождает другое — они растут, как снежный ком...

Закон обязателен для всех — это конституционное требование.

Каждый советский гражданин должен быть уверен в том, что его жизнь и здоровье, права и свободы, его достоинство и честь, имущество находятся под надежной охраной государства. И отклонения от закона, чем бы они ни были продиктованы, совершенно недопустимы.

Человеку же, наделенному административной властью, при любых обстоятельствах нельзя впадать в амбицию, переходить ту черту, за которой кончается служебная взыскательность и начинается беззаконие. При решении организационно-технических и в особенности кадровых вопросов каждый руководитель обязан быть осмотрительным, соизмерять свои действия и намерения с законами, договорами, нормативными актами. И уж, во всяком случае, не рубить с плеча под воздействием нахлынувших чувств.

Не менее опасна другая крайность. Иногда руководитель, стремясь избавиться от пьяниц и прогульщиков, заключает с ними своеобразную «делку»: дескать, уходите «по собственному желанию». И те пишут заявления. Беседуешь с иным руководителем хозяйства на эту тему, а он лишь рукой махнет: «Да уж бог с ними, с непутевыми. Пусть сами увольняются. А то ведь по судам затаскают, большие знатоки в этом деле». Вот и выходит, что нарушитель дисциплины — знаток, а руководитель коллектива в юридических вопросах якобы невежда. Хотя вопрос, видимо, в другом — не хотят иные руководители лишних хлопот. Потому и идут на уступки прогульщику и пьянице...

Замечу, однако, что в судебной практике (в других ситуациях это, видимо, менее заметно) достаточно часто приходится сталкиваться с фактами юридической малограмотности представителей администрации предприятий, учреждений, организаций. Далеко не везде кодекс законов о труде, другие сборники нормативных актов стали настольной книгой руководителей. И многие юридические ошибки в области трудовых правоотношений объясняются незнанием или неумением применять соответствующие требования закона.

Разумеется, для того чтобы возглавлять предприятие, учреждение, организацию, вообще какое-то хозяйство, не обязательно быть юристом. Однако, перефразируя известные слова поэта, хочется сказать так: «Юристом можешь ты не быть, но знать законы ты обязан». Иначе как же выполнять на практике требования статьи 4 Конституции СССР, в которой говорится: «Государственные и общественные организации, должностные лица обязаны соблюдать Конституцию СССР и советские законы?»

Когда человек оказывается в сложной ситуации, он непременно вспоминает о законе, хочет на него опереться, заручиться его поддержкой. Это, конечно, естественное стремление. Но почему-то инто-



да вспоминают о нем, когда уже дело сделано и исправить положение либо трудно, либо невозможно. Гораздо разумнее обращаться к закону заблаговременно, перед серьезным шагом в жизни. Тогда закон мог бы оградить человека от обмана, предостеречь его от неверного шага, поспешного решения.

...На судебное заседание они пришли порознь и в зале сидели, разделенные расстоянием. Два молодых, красивых и в недалеком прошлом близких человека явились в суд чужими людьми, испытывающими не просто взаимную отчужденность, а и неприязнь.

Она — истица, он — ответчик. И еще было третье лицо, «заинтересованное» в рассматриваемом деле. Это трехмесячный ребенок, крохотная девочка, чьи интересы тоже должен был защитить народный суд...

Ее мать, едва перешагнувшая порог совершеннолетия, утверждала, что ответчик и есть отец ребенка. А тот категорически отрицал свое отцовство. За всем этим стоит прежде всего нравственная сторона дела: молодая женщина кровно заинтересована в том, чтобы в свидетельстве о рождении ребенка был записан его действительный отец. Не менее существенна и другая сторона — экономическая, поскольку с установлением отцовства ответчик обязан будет выплачивать алименты на ребенка. И наконец, чувствуется зыбкая надежда молодой матери, что с помощью суда ей удастся вернуть покинувшего ее человека...

В строго определенном законом порядке идет судебное разбирательство. Стараемся проникнуть во все детали происшедшего. И постепенно перед нами открывается грустная история взаимоотношений этих двоих...

— Я дружила с ответчиком, любила его, — говорит молодая мать. — Он приходил ко мне домой, оставался ночевать. А после рождения ребенка порвал со мной отношения.

Ответчик, стараясь сохранить независимый вид, объясняет:

— Да, я иногда заходил к ней в гости

— Оставались ночевать? — спрашивает один из народных заседателей.

— Если только задерживался допоздна. — И скороговоркой, обнаруживая вдруг известную юридическую осведомленность, добавляет: — Но совместно мы не проживали и общего хозяйства не вели. Я постоянно живу со своими родителями. Поэтому к рожденному ею ребенку, — кивает в сторону поникшей истицы, — не имею никакого отношения...

— Ну как же не имеешь! — сквозь слезы восклицает молодая женщина. — Как ты можешь такое говорить? Да я кроме тебя ни с кем никогда не встречалась!

Успокаиваю ее. Потом спрашиваю:

— Почему вы раньше не оформили брак с ответчиком?

— Я предложила ему однажды зарегистрироваться. Но он сказал, что мы и без этого счастливы. Обещал жениться, как только появится ребенок.

— Ничего я не обещал,— говорит ответчик.— Выдумывает она все.

Разрубить узел этих противоречивых утверждений могут только бесспорные доказательства правоты какой-либо из сторон. По закону при установлении отцовства принимается во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка или совместное воспитание либо содержание ими ребенка. Ничего этого в данном случае не было. Но суд, помимо названных, может учесть и другие доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства. Может, имеются они?

— Когда я лежала в родильном доме, он присылал мне записки, называл меня жenuшкой, беспокоился о здоровье моем и ребенка,— вспомнила истица.

И на судейский стол ложится стопка исписанных тетрадных листов, извлеченных ею из сумочки.

— Ваши письма? — спрашиваю у ответчика.

Тому ничего другого не остается, как ответить утвердительно.

Рассматриваемое дело подходит к своему логическому и правомерному завершению. Суд признает отцовство ответчика доказанным и, согласно статье 55 Кодекса о браке и семье Литовской ССР, обязывает его выплачивать на содержание дочери алименты. В акт регистрации рождения ребенка загс внесет соответствующую запись об отце.

Но можно ли сказать, что такой исход дела вполне удовлетворил истицу? Да, она выиграла судебную тяжбу. Но эта «победа» досталась ей ценой огромной душевной боли и разочарования. Наверняка она втайне мечтала, что добьется большего, чем алименты. Не из одного лишь материального интереса затевала она все это, а в надежде на то, что у дочери будет, и не только на бумаге, отец, у нее — муж. Не получилось...

В своей судебной практике мне нередко приходится сталкиваться с таким явлением, как «неофициальные» брачные отношения. Регистрация брака, понятно, дело добровольное. И благополучие двоих зависит отнюдь не от того, оформлен брачный союз между ними или нет. Но нельзя забывать о том, что только в результате зарегистрированного брака между мужчиной и женщиной возникают взаимные права и обязанности. Жизнь есть жизнь. В ней трудно все предугадать. Регистрация брака создает определенные гарантии

справедливого разрешения всех возникающих внутрисемейных проблем. Если один из супругов пренебрегает своим родительским долгом, закон заставляет вспомнить о нем. Или, скажем, муж покидает больную, беспомощную жену — суд вправе обязать его выплачивать ей материальное содержание. И раздел имущества возможен лишь между супругами, брак которых зарегистрирован в установленном законом порядке.

Незарегистрированный брак порой создает совершенно непредвиденные трудности. Вот с каким случаем мне пришлось столкнуться. В. состояла в «неофициальном браке» с П., 16 лет. У них родились четверо детей. В семье царили лад и согласие, и супруги любили при случае подчеркнуть это обстоятельство в кругу близких и знакомых: мол, у вас брачные союзы «законные», а живете не так дружно, как мы. Но вот неожиданно-негаданно пришла беда: П. скоропостижно умер.

Когда В. обратилась в райсобес за назначением пенсии детям, ей отказали на том основании, что отцовство П. не имело официального подтверждения. Так к горю невосполнимой утраты у осиротевшей семьи прибавились еще и переживания, связанные с установлением в судебном порядке факта отцовства умершего.

Так что регистрация брака в загсе — не только красивая, по-праздничному обставляемая традиция, которая уже сама по себе в известной мере способствует благополучному зачину семьи. Это и юридическое ее признание. Не случайно в кодексах о браке и семье подчеркивается, что регистрация брака устанавливается как в интересах государственных и общественных, так и с целью охраны личных и имущественных прав и интересов супругов и детей.

Советские законы гуманны и справедливы, они охраняют наши права и законные интересы. Они одновременно суровы и добры. И за какое бы дело мы ни принимались, каждый из нас всегда должен помнить о них и руководствоваться ими в своих действиях.

**М. ПАНКИН,**  
начальник сектора  
юридического отдела  
Госкомтруда СССР

# Совмещение профессий (должностей)

Вот уже много лет в большинстве городов нашей страны на пассажирском транспорте действует прогрессивная форма работы без кондуктора. Простое техническое приспособление — кассы-копилки в салонах автобусов, троллейбусов и трамваев — и доверие к пассажирам позволили освободить от малопродуктивного труда тысячи людей, обучить их новым профессиям и направить на другие участки производства. Теперь водитель в порядке совмещения профессий выполняет обязанности кондуктора. Он «заряжает» катушкой с билетами кассы-копилки, продает абонементные книжки и талоны, напоминает пассажирам о необходимости оплатить проезд, сообщает о ближайших остановках.

Это выгодно государству, поскольку экономятся трудовые и финансовые ресурсы. Выгодно и водителю, зарплата которого увеличивается за счет доплаты в определенном размере за выполнение дополнительных обязанностей. Бывают, конечно, издержки. Кто-то забыл опустить в кассу пятак, чья-то монета затерялась в пути от пассажира к копилке. Но в целом такая форма организации труда полностью оправдала себя.

Можно привести и другой пример, когда водитель автомобиля одновременно выполняет функции почтальона, собирающего корреспонденцию из уличных ящиков. И в этом случае водитель получает прибавку к заработку.

Разумеется, этими двумя простыми вариантами не ограничивается все многообразие совмещения профессий (должностей), с которыми можно встретиться на фабриках, заводах, в совхозах, учреждениях. Их мы привели только для того, чтобы понятней была сущность совмещения. А она заключается в том, что работник в течение установленной законом продолжительности рабочего дня наряду со своей основной работой выполняет на одном и том же предприятии, в учреждении, организации дополнительную работу по другой профессии или должности. Поскольку рабочим в соответствии с законодательством присваиваются профессии, а инженерно-технические работники (ИТР) и служащие занимают определенные должности, такая форма у рабочих получила название «совмещение профессий», а у ИТР и служащих — соответственно «совмещение должностей».

Совмещение профессий (должностей) допускается только по соглашению между работником и администрацией и может устанавливаться как при приеме на работу, так и впоследствии на определенный срок или без указания срока. Это правило не распространяется на случаи, когда совмещенная профессия (должность) предус-

мотрена организацией производства и труда и не может быть разделена. Например, матрос I класса — моторист I класса на судах морского флота; кассир-контролер в магазинах самообслуживания; секретарь-машинистка в учреждении. Здесь у работника есть только право поступать или не поступать на эту работу, но он не может выбрать для себя только одну составную часть работы (например, секретаря) и отказаться от другой (машинистки).

Совмещение вызвано прежде всего обострением проблемы трудовых ресурсов. Как отмечалось на XXV и XXVI съездах КПСС, для успешного решения многообразных задач, стоящих перед страной, надо будет полагаться не на привлечение дополнительной рабочей силы, а на повышение производительности труда, с тем чтобы обеспечить на действующих предприятиях весь прирост продукции, как правило, при той же или меньшей численности работников. Поэтому необходимо развигать эффективные формы поощрения коллективов за выполнение и перевыполнение плановых заданий с меньшей численностью рабочих и служащих, используя экономию фонда заработной платы на стимулирование роста производительности труда и улучшение качества работы.

К сказанному надо добавить, что совмещение, как показывает многолетняя практика, стимулирует работников к овладению несколькими профессиями и видами работ и тем самым устраняет узость профессионального труда, делает его разнообразным, увлекательным. Оно способствует наиболее полному использованию рабочего времени, содействует взаимозаменяемости работников, повышению их квалификации и на этой основе — росту производительности труда, повышению эффективности всего общественного производства.

Иногда совмещение смешивают со сходным словом «совместительство». Но сходство лишь внешнее. Между этими понятиями имеется принципиальная разница. Совмещение осуществляется в рамках рабочего дня нормальной продолжительности и на одном и том же предприятии. Работа же по совместительству протекает, как правило, на другом предприятии и лишь в отдельных случаях на одном и том же предприятии, в учреждении (так называемое внутреннее совместительство), но во всех случаях только после окончания основной работы или освобождения от основной работы. Предусмотрен и специальный порядок разрешения совместительства.

4 декабря 1981 года Совет Министров СССР принял постановление «О порядке и условиях совмещения профессий (должностей)», в котором обобщен многолетний опыт этой прогрессивной формы организации труда, упорядочены и введены новые нормы, отвечающие потребностям развития народного хозяйства.

Для правильного применения законодательства о совмещении важно прежде всего знать, где и кому оно разрешается. Совмещение профессий рабочих и должностей младшего обслуживающего персонала (МОП) разрешено на всех без исключения предприятиях, в учреждениях, организациях как производственных, так и непроизводственных отраслей народного хозяйства, а также в научно-исследовательских, иных учреждениях и в органах государственного и хозяйственного управления, то есть практически везде.

Совмещение должностей инженерно-технических работников, других специалистов и служащих допустимо на предприятиях, в учреждениях и организациях производственных и непроизводственных отраслей народного хозяйства, а также в опытных (экспери-

ментальных) производствах, цехах, мастерских, на участках и установках, в геологических, изыскательских, поисково-разведочных экспедициях и партиях. Совмещение возможно также в конструкторских, технологических и проектных организациях.

Вместе с тем данное постановление Правительства СССР не распространяется на руководителей предприятий, учреждений и организаций, их заместителей и помощников; главных специалистов; руководителей структурных подразделений, отделов, цехов, служб и их заместителей. Не распространяется оно также на научных, инженерно-технических работников, других специалистов и служащих, занятых в научно-исследовательских учреждениях либо в органах государственного и хозяйственного управления.

Выше упоминались производственные и непроизводственные отрасли. Поскольку порядок совмещения и размер оплаты за дополнительную работу в этих отраслях несколько отличаются друг от друга, разясним, какие предприятия и организации относятся к производственным отраслям, а какие — к непроизводственным (которые часто называют сферой обслуживания). В данном случае в основу деления отраслей положены установленные в них условия оплаты труда работников. Исходя из этих условий, к производственным отраслям народного хозяйства относятся предприятия и организации промышленности, сельского, водного и лесного хозяйства, строительства, транспорта всех видов (железнодорожного, авиационного, автомобильного, морского, речного), связи, гидрометеорологической службы и некоторые другие.

К непроизводственным отраслям относятся предприятия, учреждения, организации здравоохранения, просвещения, торговли, общественного питания, жилищно-коммунального хозяйства, бытового обслуживания населения, спорта, культуры, научно-исследовательские учреждения, проектные, конструкторские, технологические и тому подобные учреждения и организации.

Здесь же необходимо отметить, что порядок и условия совмещения, установленные постановлением Правительства СССР от 4 декабря 1981 года для самостоятельных предприятий, учреждений и организаций производственных и непроизводственных отраслей народного хозяйства, применяется независимо от их ведомственной подчиненности. Например, в системе бытового обслуживания населения имеются специализированные предприятия по ремонту и изготовлению по заказам населения одежды, обуви, меховых, трикотажных и других изделий, ремонту бытовых машин и приборов, транспортных средств, мебели и прочие, на которых применяются условия оплаты труда, установленные для работников предприятий производственных отраслей народного хозяйства. Поэтому на таких предприятиях службы быта все вопросы совмещения должны решаться так же, как и на предприятиях этих же отраслей.

Может быть и наоборот. В состав производственного предприятия входят подразделения непроизводственной сферы, например детские учреждения, жилищно-коммунальный отдел. В них вопросы совмещения должны решаться в порядке и на условиях, установленных для непроизводственных отраслей народного хозяйства. На таких же условиях следует решать вопросы, связанные с совмещением всех категорий работников в проектных, конструкторских, технологических и других организациях, которые мы упоминали выше, а также совмещением профессий рабочих и должностей младшего об-

служащего персонала в научно-исследовательских учреждениях и органах государственного и хозяйственного управления.

Право разрешать совмещение предоставлено руководителю предприятия по согласованию с профсоюзным комитетом, если это экономически целесообразно и не ведет к ухудшению качества продукции, выполняемых работ, обслуживания населения. Здесь же заметим, что совмещение возможно как по профессиям и должностям работников, высвобождаемых в связи с совмещением, так и по вакантным профессиям и должностям, то есть по таким, на которые исполнители еще не приняты.

В последнем случае можно, например, оформить совмещение на какой-то определенный срок с тем, чтобы проверить возможность выполнения дополнительного объема работы и решить вопрос о целесообразности перехода на постоянное совмещение по данной профессии (должности). Но можно решить вопрос о постоянном совмещении и без предварительной проверки.

Здесь же особо отметим, что Инструкцией по применению постановления Совета Министров СССР от 4 декабря 1981 года, утвержденной Госкомтрудом СССР, Министерством финансов СССР и ВЦСПС 14 мая 1982 года, предусмотрено, что уменьшение численности работников в результате совмещения профессий (должностей) не может служить основанием для изменения установленного предприятия, учреждения или организациям лимита численности и утвержденного для них штатного расписания, упразднения подразделений, одним из условий создания которых является наличие определенной численности работников, уменьшения доплат бригадам за руководство бригадами, снижения размера премий коллективам — победителям в социалистическом соревновании, изменения групп предприятий (цехов и участков) по оплате труда руководящих и инженерно-технических работников и в других аналогичных случаях.

Может возникнуть вопрос: допустимо ли совмещение по профессиям (должностям) временно отсутствующих работников, например ввиду их болезни, отпуска, командировки, выполнения государственных или общественных обязанностей и по другим причинам. В постановлении Правительства СССР от 4 декабря 1981 года этот вопрос решен положительно только в отношении рабочих и младшего обслуживающего персонала. Им разрешено в таких случаях совмещать обязанности работников той же категории персонала (рабочих и МОП) в производственных отраслях народного хозяйства и в отдельных непроизводственных отраслях (в торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении, сбыте и заготовках, жилищно-коммунальном хозяйстве, бытовом обслуживании населения и в некоторых других непроизводственных отраслях народного хозяйства, где они установлены отдельными решениями Правительства СССР).

Формы совмещения могут быть различны: профессии рабочих совмещаются с другими профессиями рабочих или младшего обслуживающего персонала; инженер может совмещать иную инженерную должность или должность служащего либо даже сочетать умственную работу с физической, и так далее. Кто же выбирает варианты совмещения?

Многолетняя практика показывает, что наибольший эффект достигается, когда работа в порядке совмещения выполняется лицами, имеющими необходимые знания, навыки и опыт, позволяющие им

успешно выполнять обязанности как по основной, так и по дополнительной работе, а это чаще достигается, когда совмещение идет в пределах одной категории персонала. Вот почему в постановлении Совета Министров СССР указывается: «Совмещение профессий, должностей разрешается, как правило, в пределах той категории персонала, к которой относится данный работник». Например, основная профессия — слесарь, совмещаемая — электромонтер; основная должность — инженер-технолог, совмещаемая — нормировщик; основная должность — бухгалтер, совмещаемая — счетовод; основная работа — гардеробщик, совмещаемая — уборщица служебных помещений. В пределах одной и той же категории персонала возможные разновидности совмещения в производственных отраслях народного хозяйства утверждает руководитель предприятия по согласованию с профсоюзным комитетом.

Варианты сочетания профессий (должностей) работниками разных категорий персонала в производственных отраслях народного хозяйства (например, рабочий с младшим обслуживающим персоналом, ИТР со служащим и так далее), а также совмещение профессий (должностей) по всем категориям персонала в непроизводственных отраслях народного хозяйства утверждаются Советами Министров союзных республик или в устанавливаемом ими порядке и министерствами и ведомствами СССР по согласованию с соответствующими профсоюзными органами. Так, Совет Министров РСФСР установил, что такие перечни утверждаются республиканскими министерствами и ведомствами РСФСР, Советами Министров автономных республик, крайисполкомами, облисполкомами, Московским и Ленинградским горисполкомами по согласованию с соответствующими профсоюзными органами. Из этих вариантов руководитель предприятия может выбрать любой, который отвечает условиям данного предприятия.

Может случиться, что утвержденные разновидности совмещения не подходят для данного предприятия, а условия диктуют необходимость совмещения. В таких случаях администрация по согласованию с профсоюзным комитетом может представить в орган, который утвердил варианты сочетаемых профессий и должностей, свои разновидности и применять их только с разрешения этого органа.

А как же производится доплата работнику за его дополнительный трудовой вклад?

За совмещение профессий (должностей) рабочим и младшему обслуживающему персоналу в производственных отраслях народного хозяйства, а также рабочим, занятым в порядке совмещения на погрузочно-разгрузочных работах во всех отраслях народного хозяйства, установлена доплата в размере до 50 процентов тарифной ставки (оклада) по основной работе.

В таком же размере производится доплата рабочим и младшему обслуживающему персоналу, которые наряду со своей основной деятельностью выполняют обязанности временно отсутствующих работников из числа этих же категорий персонала. Им доплата допустима при условии, если на основную и дополнительную работы установлены межотраслевые, отраслевые и другие технически обоснованные нормы трудовых затрат (нормированные задания, нормы обслуживания, нормы времени, нормативы численности, штатные нормативы) или если эти работы выполняются по должностям, предусмотренным в штатах, утвержденных на основании типовых штатов.



Иногда спрашивают: могут ли выполнять работу по другой профессии рабочие-сдельщики, и как оплачивается их труд? Общие нормы законодательства о труде и постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1981 года для рабочих-сдельщиков никаких ограничений не устанавливают. При сдельной оплате исполнители полностью получают заработную плату за выполненную ими работу или изготовленные изделия по соответствующим сдельным расценкам.

Термин «доплата за совмещение» к ним не применяется. Если же рабочие-сдельщики наряду со своей работой выполняют функции рабочих-повременщиков, то им производится доплата за совмещение на общих основаниях с другими рабочими.

Инженерно-техническим работникам и другим специалистам, а также служащим производственных отраслей и всем категориям персонала непроизводственных отраслей народного хозяйства (за исключением тех, на которых постановление от 4 декабря 1981 года не распространяется) доплата за совмещение профессий (должностей) производится в размере до 30 процентов тарифной ставки (оклада) по их основной работе.

Конкретные размеры доплат в указанных пределах (до 50 или до 30 процентов) определяются администрацией предприятия по согласованию с профсоюзным комитетом каждому работнику отдельно в зависимости от сложности, характера, объема выполняемых работ и степени использования трудового времени. Указанный размер доплат для одного человека является предельным, независимо от того, выполняется ли работа по одной или двум совмещаемым профессиям (должностям).

Источником доплат является экономия фонда заработной платы, полученная в результате работы с меньшей численностью персонала. Причем на доплату при совмещении профессий (должностей) может быть использована вся экономия фонда заработной платы, полученная от высвобождения численности работников по сравнению с межотраслевыми и отраслевыми нормативами численности, штатами, утвержденными на основании типовых штатов, нормами обслуживания, нормами выработки (времени), а также нормативами (штатными нормативами) и нормами трудовых затрат, утвержденными вышестоящей организацией. На вновь вводимых в действие предприятиях, объектах и в цехах на доплаты разрешено расходовать всю экономию фонда заработной платы, полученную в результате выполнения работ с меньшей численностью персонала по сравнению с проектной (с учетом нормативных сроков освоения мощностей).

Здесь следует особо подчеркнуть, что межотраслевые и отраслевые нормы и нормативы нельзя применять механически. Если на предприятии в результате организационных, технических и хозяйственных мероприятий, а также применения передовых методов труда созданы условия для разработки более прогрессивных, технически обоснованных норм труда, руководители предприятий совместно с профсоюзными комитетами должны заменить устаревшие нормы новыми.

На установление доплат за выполнение обязанностей временно отсутствующих работников может быть использовано не более 50 процентов тарифной ставки (оклада) отсутствующего работника, независимо от числа лиц, между которыми распределяются эти доплаты.

Например, по штату в цехе завода предусмотрены два уборщика производственных помещений с окладами 75 и 80 рублей в месяц. Один из них — с окладом 80 рублей — заболел. Исполнение его обязанностей возложили на другого (с его согласия). За эту дополнительную работу он может получить до 50 процентов своего оклада, но не более 50 процентов оклада отсутствующего уборщика. В данном примере доплата может составить до 37 рублей 50 копеек в месяц, что составляет 50 процентов его оклада и не превышает 50 процентов оклада отсутствующего уборщика.

На следующей таблице показан размер доплат за совмещение профессий и должностей.

Категории персонала	Максимальные размеры доплат (в процентах к месячным тарифным ставкам (окладам) по основной работе) независимо от количества совмещений	
	в производственных отраслях	в непроизводственных отраслях
рабочие (кроме занятых на погрузочно-разгрузочных работах)	до 50 процентов	до 30 процентов
рабочие, занятые на погрузочно-разгрузочных работах	до 50 процентов	до 50 процентов
младший обслуживающий персонал (МОП)	до 50 процентов	до 30 процентов
инженерно-технические работники, другие специалисты и служащие	до 30 процентов	до 30 процентов
рабочие и МОП за выполнение обязанностей временно отсутствующих работников из числа этой же категории персонала	до 50 процентов	до 50 процентов (в отдельных отраслях)

Чтобы избежать ошибок в применении доплат за совмещение, следует иметь в виду, что до принятия указанного постановления отдельными решениями Правительства СССР для некоторых категорий работников были установлены иные условия, порядок применения и размер доплат за выполнение работ с меньшей численностью персонала. Эти условия, порядок и размер доплат сохраняются, кроме тех норм, которые признаны утратившими силу. Например, водителям автобусов, выполняющим одновременно обязанности кондукторов, установлена доплата в размере до трех процентов от общей суммы сданной ими выручки за проданные разовые билеты и абонементные книжки, а также месячные проездные билеты. Доплата в таком размере они будут получать и дальше.

Доплаты за совмещение профессий (должностей) могут быть уменьшены или полностью отменены при пересмотре норм в установленном порядке, а также при ухудшении качества работы. Об

уменьшении или отмене доплат в связи с пересмотром норм работник должен быть предупрежден не позднее, чем за месяц. Если пересмотр норм произведен по предложению самих работников, получающих дополнительный заработок, то эти доплаты сохраняются за ними в течение 6 месяцев после введения новых нормативов.

Доплаты не устанавливаются, когда совмещаемая работа предусмотрена в нормах трудовых затрат или обусловлена трудовым договором, то есть входит в круг обязанностей работника. Например, для секретаря-машинистки, кассира-контролера и так далее.

Наряду с совмещением профессий (должностей) постановлением Правительства СССР от 4 декабря 1981 года разрешается расширение зон обслуживания или увеличение объема выполняемых работ с меньшей численностью персонала. Они отличаются от совмещения тем, что производятся по одной и той же профессии (должности). Термины «расширение зон обслуживания» и «увеличение объема выполняемых работ» равнозначны. Термин «расширение зон обслуживания» применяется в отношении рабочих и младшего обслуживающего персонала. Например, расширение технической работницей зоны уборки помещения. Для инженерно-технических работников и служащих используется понятие «увеличение объема выполняемых работ». Например, можно говорить об увеличении нормировщику объема выполняемых работ. Порядок и условия совмещения профессий (должностей), о которых мы рассказали, полностью применяются во всех этих случаях.

Соглашение о совмещении профессий (должностей), расширении зон обслуживания и увеличении объема выполняемых работ может быть расторгнуто по инициативе как администрации, так и работника на общих основаниях, предусмотренных для прекращения трудового договора. Освобождение работника от совмещения по любым причинам не может служить препятствием к продолжению основной работы.

Доплаты за совмещение профессий, расширение зон обслуживания или увеличение объема выполняемых работ включаются в средний заработок во всех случаях его исчисления, то есть для оплаты отпуска, при командировках, назначении пособий по временной нетрудоспособности, государственных пенсий и так далее.

## ОТВЕТСТВЕННЫЕ ОРГАНОВ, УЧРЕЖДЕНИЙ

В начале августа состоялось расширенное заседание коллегии Министерства юстиции СССР. На заседании коллегии был обсужден доклад министра юстиции СССР В. И. Терехилова «О задачах органов, учреждений юстиции и судов в свете решений майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС и доклада на нем Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева «О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации».

Участники заседания единодушно отметили, что одобренный Пленумом комплекс мер, направленных на ускоренное и эффективное развитие агропромышленного комплекса, ставит перед органами юстиции чрезвычайно ответственные задачи по правовому обеспечению Продовольственной программы СССР на период до 1990 года. Необходимо прежде всего, подчеркивали докладчик и выступающие, их активное участие в оперативной подготовке проектов нормативных актов и предложений об изменении действующего законодательства, вытекающих из решений Пленума.

На новый, более качественный уровень должна быть поднята деятельность судов в борьбе с бесхозяйственностью, расточительством, очковтирательством, хищениями и иными правонарушениями в сельском хозяйстве. В более последовательном применении на практике нуждаются требования закона о строгом наказании виновных в потерях урожая, гибели скота, порче кормов, удобрений, сельхозтехники...

Признано необходимым улучшить работу по исполнению судебных решений, с тем чтобы обеспечить безусловное возмещение материального ущерба, причиненного предприятиям агропромышленного комплекса.

## ЗАДАЧИ

# ЮСТИЦИИ И СУДОВ

В целях дальнейшего укрепления законности в хозяйственных отношениях, подчеркивалось на коллегии, следует постоянно совершенствовать работу судебно-экспертных учреждений, улучшать качество и сокращать сроки проведения судебно-бухгалтерских, планово-экономических, товароведческих и технологических экспертиз по делам о преступлениях в сельском хозяйстве и обслуживающих его отраслях.

Выступившие детально обсудили также мероприятия по методическому руководству правовой работой в агропромышленном комплексе, направленному, в частности, на повышение роли юридической службы в интенсификации производства, четкое соблюдение договорных обязательств, укрепление трудовой и технологической дисциплины.

Большое внимание было уделено на коллегии вопросам повышения культуры правового обслуживания сельского населения органами государственного нотариата, адвокатуры, загсов. Участники заседания указали также на необходимость усиления правовой пропаганды на селе и улучшения правового обучения руководителей и специалистов предприятий агропромышленного комплекса.

В работе коллегии приняли участие: заместитель заведующего отделом административных органов ЦК КПСС В. И. Гладышев, первый заместитель Председателя Верховного Суда СССР С. И. Гусев, первый заместитель Генерального прокурора СССР Н. А. Баженов, Главный государственный арбитр СССР Е. В. Аписимов, ответственные работники Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, органов юстиции и ряда научных учреждений.

## ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА — ВСЕНАРОДНОЕ ДЕЛО



# Ваше мнение, юрисконсульт?

Автобус притормозил у самой кромки пешеходной дорожки. Едва Марина Георгиевна Кулехина зашла в него, дверца сразу же закрылась, и автобус поехал дальше. Пассажиры встретили ее приветственными возгласами. Все здесь хорошо знают друг друга. Ничего удивительного: вместе приходится ездить на служебном автобусе до работы. А путь неблизкий: чтобы добраться от Чиланзара — одного из крупнейших жилых микрорайонов узбекской столицы — до производственного объединения Ташкентский тракторный завод имени 50-летия СССР, надо проехать через весь город. Сколько уж раз Кулехиной представлялась возможность устроиться поближе к дому, но, поразмыслив, отказывалась от заманчивых предложений. Каждый день поднимается чуть свет и едет на свой тракторный: настолько прикипела душой к заводу, где трудится уже свыше десяти лет. Вначале была юрисконсульт, сейчас — начальник юридического отдела.

В открытое окно влетает ветерок, который в эти ранние утренние часы еще не обжигает, а ласково обдувает лицо мягкой свежестью, накопленной за ночь. А мимо проплывают улицы, скверы, фонтаны, сады. Как все-таки похорошел за последние годы Ташкент!

Почти полностью исчезли низенькие глинобитные дома, которые остались в памяти Кулехиной еще с тех времен, когда она, будучи студенткой юридического факультета, спешила на лекции. Запомнилось ей и то тревожное апрельское утро 1966 года, когда город содрогнулся от подземных толчков. Терпкий запах пыли от потрескавшихся стен и обвалившихся потолков поднимался над улицами, смешиваясь с ароматом только начавшей цвести сирени.

Город оказался в беде. Но уже через несколько дней сюда со всех концов страны пошли эшелоны. Везли продовольствие, строительные материалы. Ехали люди. И невольно напрашивалось одно сопоставление. В далекие военные годы Ташкент приютил многие сотни тысяч эвакуированных, накормил, обогрел их, помог пережить лихолетье. Теперь же, когда его самого постигло несчастье,

все союзные республики пришли на помощь. Прочными символами этой дружбы останутся микрорайоны, построенные москвичами, ленинградцами, украинцами, белорусами...

И, словно бросая вызов стихии — а подземные толчки продолжаются и по сей день, — город пересекла линия метро. А в самом его центре, величественно возвышаясь над древними чинарами, поднялась многоэтажная гостиница «Узбекистан». Подлинными произведениями архитектуры стали Дворец дружбы народов СССР имени В. И. Ленина, уникальный Дом кино, где проводятся международные кинофестивали стран Азии, Африки и Латинской Америки. Да что говорить, куда здесь ни глянь — всюду новостройки. Пережив тяжелое испытание, Ташкент в полном смысле этого слова возродился и молодеет прямо на глазах. И приложили к этому руки люди разных национальностей. Не случайно его называют городом дружбы.

...Остались позади широкие площади и проспекты, по обе стороны дороги потянулись одноэтажные домики, утопающие в садах и виноградниках. И когда уже начинает казаться, что город кончился, вдруг среди буйной зелени вновь возникают многоэтажные жилые корпуса. Это микрорайон тракторостроителей, раскинувшийся на окраине узбекской столицы. А вот и корпуса Ташкентского тракторного. Автобус остановился неподалеку от проходной, к которой шли люди, спешащие к началу смены.

На лифте Кулехина поднялась на четвертый этаж, где находится юридический отдел. Просторная комната залита лучами солнца. Пока здесь тихо. Молчат телефоны. Этот первый относительно спокойный час можно посвятить разбору поступившей сегодня почты. Ого, целая стопка писем! Впрочем, что тут особенного — объединение связано договорными обязательствами со многими предприятиями страны. Достаточно сказать, что только на сбыт готовой продукции здесь ежегодно заключается свыше 350 договоров. Объединение единственное в стране выпускает тракторы хлопковой модификации и прицепы для бестарной перевозки хлопка-сырца. Кроме того, здесь производятся запчасти к сельскохозяйственным машинам. Вся эта продукция пользуется повышенным спросом в хлопкосеющих республиках. Особенно — прицепы. Грузят в такой прицеп хлопок, как говорится, сколько поместится. Затем включается гидравлический уплотнитель, пыльная хлопковая масса сжимается в плотный тюк и в таком виде, безо всякой дополнительной тары и, естественно, без потерь в дороге драгоценное сырье доставляется на хлопкоочистительный завод. Один из таких прицепов был удостоен серебряной медали ВДНХ СССР. А сейчас в объединении осваивается выпуск тракторных поездов, которые будут способствовать дальнейшему облегчению труда хлопкоробов.

\* Не раз приходилось Кулехиной видеть заводскую технику на колхозных полях. Сама убеждалась: надежные машины. И сельские труженики их хвалят. Об этом, к слову сказать, свидетельствует и такой факт: в минувшем году по качеству тракторов хлопковой модификации не было ни одной претензии от потребителей. Значит, стали они надежными помощниками сельских тружеников в их нелегком труде.

Недавно Пленум Центрального Комитета КПСС принял Продовольственную программу СССР на период до 1990 года, ставшую

большим событием в жизни нашей страны. Важнейшим условием ее реализации является ускорение научно-технического прогресса, высокоэффективное использование производственного потенциала и укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, всех отраслей агропромышленного комплекса на основе дальнейшего развития механизации и химизации производства, широкой мелиорации земель. Таким образом, предполагается значительно увеличить производство сельскохозяйственных машин. В том числе и тех машин, которые выпускаются на Ташкентском тракторном.

Узбекская земля на редкость щедра к человеку. Под жарким солнцем в изобилии растут фрукты, виноград, овощи, производство которых в ближайшее десятилетие должно значительно возрасти. Но, конечно, главное богатство республики — хлопок, который справедливо называют «белым золотом». Но и он имеет самое непосредственное отношение к Продовольственной программе. Судите сами. Возьмем всего лишь одну тонну хлопка. Из нее можно получить три тысячи метров тканей и еще 90 видов различной продукции. Кроме того, эта тонна после промышленной обработки дает около 170 килограммов растительного масла, обладающего высокими калорийными и вкусовыми качествами. Заметим, что в Продовольственной программе в разделе, посвященном Узбекистану, записано, что наряду с выпуском цельномолочной продукции и плодоовощных консервов в предстоящем десятилетии надо в 1,3 раза увеличить производство растительного масла. Но и это еще не все. После переработки той же тонны остается жмых и шелуха — хороший корм для скота, что способствует развитию животноводства.

Так что и ташкентские тракторостроители, поставляющие хлопкоробам столь необходимую для них технику, тоже активно участвуют в выполнении Продовольственной программы.

А заводские юристы, возглавляемые Кулехиной, заботятся о том, чтобы связь между объединением и потребителями была четкой, бесперебойной, не осложнялась какими-либо недоразумениями. Иными словами, точно соответствовала требованиям закона. Вовремя надо заключить договор поставки. А в дальнейшем следить, чтобы строго выполнялись все его условия. Дело это тонкое, кропотливое. Малейшая неточность может привести к неоправданным потерям рабочего времени и средств.

Месяц назад юридический отдел разработал проекты договоров на поставку тракторов, прицепов и запчастей к сельскохозяйственным машинам на следующий год. Согласовали их с плановым отделом, который установил за продукцию цены по прейскуранту. С финансовым отделом утрясли форму оплаты. Затем проекты договоров побывали в производственном отделе, который проверил соответствие установленного для объединения плана выпуска продукции с количеством техники, которую необходимо поставить. После этого проекты договоров направили потребителям.

И вот стали приходиться ответы. Кулехина открыла одно из писем, присланное из Туркмении. Большинство предложенных условий договора туркменских хлопкоробов вполне устраивает. Вот только хотелось бы продукцию первого полугодия получить в первом квартале. Если, конечно, можно. Кулехина знает, чем вызвана эта просьба. Хозяйства стремятся пополнить свой тракторный парк к началу пахоты. Для Туркмении с ее сухим жарким климатом это особенно



важно. О поступившей просьбе доложим руководству объединения. Если позволят производственные возможности, конечно же, предприятие постарается помочь туркменским труженикам.

Следующее письмо — из Казахстана. Потребитель пожелал сам вывезти предназначенную ему продукцию. Что ж, здесь, думается, не возникнет особых затруднений, если вам так удобнее — вывозите сами.

А вот это письмо — от поставщика. В нем один вопрос нельзя ли изготавливаемые там агрегаты поставлять не по месяцам, как настаивают тракторостроители, а одним махом в конце второго квартала? Кулехина усмехнулась. А что мы будем делать до этого? Выпускать тракторы без вашего агрегата? Нет, нас устраивает предложенный вами порядок поставки продукции. Надо сегодня же дать ответ.

Вообще с поставщиками у Ташкентского тракторного отношения особые. Многие предприятия поставляют сюда агрегаты и узлы. И тут порой возникают недоразумения. Недавно приходит в юридический отдел контролер бюро внешней приемки Галина Ивановна Павлова.

— Понимаете, поступила к нам с завода тракторных агрегатов партия насосов. Открыли ящики, стали проверять — есть брак.

— Пошли, вместе посмотрим, — сказала Кулехина.

Не потому, что не поверила контролеру, а просто чтобы самой убедиться, в чем заключаются дефекты, и потом со знанием дела доказывать правоту требований своего объединения.

Пришли на склад. Осмотрели насосы. Действительно, имеются дефекты. Кулехина качала головой:

— Ну и работа!

— Что будем делать?

— Для начала составим акт о браке. А потом предъявим претензии изготовителю.

В тот же день поставщику послали срочную телеграмму, что его продукция забракована. Спустя некоторое время пришел ответ: вышлите насосы обратно для перепроверки и возможной замены. Легко сказать! Пока насосы уйдут к поставщику, пока на месте разберутся, сколько времени пройдет. А для объединения дорог каждый день. Снова поставщику ушла телеграмма: вышлите своего представителя — сами же провинились! Чтобы он на месте решил: или заменить изделия, или доделать их силами объединения за счет поставщиков. На этот раз ответа вообще не последовало.

Что оставалось делать? Только одно: обратиться в арбитраж с просьбой разрешить возникший конфликт. Кулехина составила исковое заявление. Приложила к нему акт о забракованной продукции и всю переписку с бракоделами. Вскоре состоялось разбирательство. Поставщик возразил против предъявленного ему иска. Дескать, истец сам во многом виноват. Вместо того чтобы поднимать шум, ему следовало бы сразу отослать насосы, их бы быстро отремонтировали бы — и не возникло бы никаких споров. Довод, конечно, малоубедительный. Поставщик прислал бракованную продукцию и тем самым грубо нарушил договор поставки. Да и в дальнейшем не проявлял особой заинтересованности в том, чтобы выправить положение. С виновного предприятия была взыскана стоимость продукции. Кроме того, ему пришлось заплатить штраф.

Раздался телефонный звонок. Кулехина подняла трубку и услышала знакомый голос секретаря директора завода:

— Марина Георгиевна! Вы не забыли о том, что через десять минут вам надо быть у Ирика Харасовича?

— Сейчас иду.

Отложив бумаги в сторону, Кулехина поспешила в кабинет директора.

Здесь уже начали собираться начальники цехов и отделов. Сегодня — день качества. Речь пойдет о продукции, выпускаемой объединением, об имеющихся недостатках и о том, как не допускать их в будущем. Вообще о стиле работы. Такие дни качества проводятся регулярно. Они выливаются в откровенные нелицеприятные обсуждения наболевших производственных вопросов.

Когда начальники цехов и отделов расселись, директор объединения Ирик Харасович Мусин оглядел собравшихся и сказал:

— Приступим к работе. Начнем с тридцать первого механосборочного цеха...

Поднялся начальник цеха Анатолий Петрович Казаков. Неторопливо, с расстановкой начал рассказывать о положении дел в своем коллективе. В тридцать первом выпускаются тракторы хлопковой модификации. Претензий к их качеству у потребителей нет: машины отменные. Слесари-сборщики сумели добиться этого благодаря правильной организации производственного процесса, строгому соблюдению технологической и трудовой дисциплины, ответственному отношению к своим обязанностям. Отсюда и высокие показатели.

Один за другим выступают начальники автоматного цеха, цеха горячих штамповок...

После того как многие высказались, директор повернулся к Кулехиной:

— Теперь послушаем начальника юридического отдела. Имеются у вас, Марина Георгиевна, по работе цехов замечания правового характера?

— Да, имеются.

И Кулехина стала рассказывать. От одного из поставщиков в объединение поступили комплектующие изделия для тракторов. При проверке в них обнаружили некоторые недоделки. Поскольку детали нужно было срочно отправить на конвейер, цех, в который они поступили, быстро отремонтировал их своими силами. Была составлена калькуляция о произведенной работе, которую направили поставщику, благо он находится по соседству. Вскоре оттуда пришел ответ. Поставщик полностью соглашался со всеми предъявленными к нему претензиями. А вот калькуляция показала ему несколько завышенной. Получив такое письмо, Кулехина сразу же направила его в цех с просьбой еще раз все проверить и дать поставщику обоснованный ответ. С тех пор прошло достаточно много времени, но начальник цеха, несмотря на неоднократные напоминания юридического отдела, так и не выяснил отношения с поставщиком.

— Думаю, это характеризует нас не с лучшей стороны, — закончила Кулехина. — В денежных вопросах особенно нужны четкость и аккуратность.

— Полностью с вами согласен, — кивнул директор.

Повернулся к начальнику цеха и спросил:

— Справедливы претензии к вам поставщика?

— Да,— ответил тот.— При первоначальных подсчетах и в самом деле вышла небольшая ошибка.

— Почему же сразу не составили новую калькуляцию и не выслали поставщику?

— Текущие дела замотали. Тем более, ошибка-то пустяковая.

— В нашей работе пустяков нет и не может быть,— веско заметил директор.— К завтрашнему дню составьте новую калькуляцию и согласуйте ее с поставщиком. Об исполнении доложите мне в юридический отдел.

Директор легонько пристукнул карандашом по столу, как бы подводя итог этому разговору и, уже обращаясь ко всем остальным, добавил:

— И вообще, еще и еще раз прошу руководителей цехов и отделов прислушиваться к советам и рекомендациям наших юристов. Нельзя забывать о том, что в своих требованиях они исходят прежде всего из интересов государства, а значит, и объединения.

После того, как закончилось совещание у директора, Марины Георгиевны забежала в заводскую столовую, наскоро пообедала и отправилась в отдел кадров. Здесь ее уже дожидался Сафар Ильясович Ваисов, машинист тепловоза железнодорожного цеха и кроме того — председатель заводского общественного отдела кадров. Поздоровавшись с ним, Кулехина спросила:

— Сколько сегодня заявлений?

— Три.

— Люди все пришли?

— Да.

Присев к столу, Кулехина начала просматривать заявления. Везде стандартные формулировки: «Прошу уволить по собственному желанию». Но что кроется за этим «по собственному»? Не устраивает работа? Не сложились отношения с начальством? Или имеются какие-то иные причины? Это предстоит сейчас выяснить. Общественный отдел кадров действует в объединении уже больше десяти лет. Кулехина — член комиссии по вопросам увольнения. Ее юридические знания здесь просто необходимы. Но далеко не всегда в подобных случаях приходится обращаться к Кодексу законов о труде. Порой доверительная беседа приносит больше пользы. Многие рабочие и служащие, подавшие заявления об уходе, после встречи с ней, юристом, остались на предприятии.

Из сегодняшних трех заявлений одно было написано женщиной. Кулехина обернулась к Ваисову:

— Рассмотрим его первым?

— Не возражаю.

Через минуту в комнату вошла женщина лет тридцати. Бледное, немного усталое лицо. Взгляд встревоженный. Работница опустилась на стул и замерла в ожидании, положив руки на колени.

— Значит, надумали уходить с завода? — мягко спросила Кулехина, стараясь хоть немного разрядить возникшую напряженность.

— Надумала,— эхом отозвалась женщина.

— Почему?

— Да как вам сказать...— женщина неопределенно развела руками.

— Вы уже восемь лет работаете у нас. Можно сказать, сроднились с заводским коллективом. И вдруг — решили уйти. Видимо, для этого должна быть очень веская причина?

— Причина, конечно, есть...

И по тому, как были произнесены последние слова, как женщина при этом внутренне вся напряглась, Кулехина почувствовала: с ее собеседницей и в самом деле что-то случилось. То, что порой срывает человека с насиженного места и заставляет уехать куда-нибудь подальше, постараться забыть о происшедшем. Придвинув стул поближе, Кулехина сказала:

— Расскажите, пожалуйста, о себе.

— Что рассказывать-то?

— Все.

В голосе Кулехиной было столько участия, что женщина, постепенно оттаивая, поведала грустную историю своей неудавшейся семейной жизни. Приехала сюда из сельской местности. Поступила на завод. Потом познакомилась с одним парнем. Думала, нашла свое счастье. Поженились. Стали жить у его родителей, имевших собственный дом. После рождения ребенка отношения с мужем испортились. Он и раньше любил выпить, но хоть знал меру, а тут совсем распоясался: что ни день — пьяный. Долго терпела выходки мужа, а потом не выдержала и подала на развод. Забрав ребенка, ушла из дома. Живет сейчас у знакомых. Но ведь нельзя же без конца пользоваться чужой добротой. Вот и решила уехать обратно в свой поселок.

— Где работать собираетесь? — спросила Кулехина.

— Пока не знаю.

— Ну хоть по специальности?

— Вряд ли. У нас поселок небольшой, предприятий нет. Где-нибудь устроюсь.

— Но разве можно вот так терять профессию, которая приобреталась годами?

— А что остается делать? Здесь жить негде. Ребенок неустраиваемый.

— В профсоюзную организацию за помощью обращались?

— Как-то не решилась...

— Напрасно. У нас ведь сейчас особых проблем с жильем нет. Имеется семейное общежитие — вас могли бы поселить туда. А там, глядишь, и квартиру получите — объединение ведет большое строительство. Ребенка можно устроить в детский сад — у нас их несколько. Со временем и личная жизнь наладится.

— Вы думаете? — с надеждой спросила женщина.

— Я уверена в этом, — сказала Кулехина. — Значит, так! Ваше заявление об уходе мы отложим в сторону, а вы завтра заходите ко мне, мы вместе пойдем к руководству и постараемся решить все волнующие вас вопросы. Договорились?

— Хорошо, я приду.

Лицо женщины осветилось слабой улыбкой.

— Спасибо вам!

После ее ухода Кулехина пометила в блокноте, с кем надо встретиться завтра, чтобы помочь попавшему в беду человеку.

Дверь снова открылась, и в комнату вошел парень лет двадцати в солдатской гимнастерке, перепоясанный ремнем.

— Можно?

— Заходите.

Кулехина полистала его документы.

— Та-ак! Пришел к нам после армии. Проработал всего полгода и решил уйти.— Взглянув на парня, спросила: — Чем вызвано такое решение? Не понравилось у нас, что ли?

— Неинтересно,— ответил парень.

Ваисов удивленно воскликнул:

— Это на нашем-то тракторном?

— Да я не о заводе. Работа, говорю, у меня неинтересная. Ну что это за профессия — разнорабочий? Бери больше, кидай дальше.

— Ну, тут уж многое от тебя самого зависит,— сказал Ваисов.— Завод у нас — вон какая махина, десятки различных специальностей требуются. Выбери ту, которая тебе по душе, несколько месяцев подучись — и займешься настоящим, интересным делом.

Кулехина уже не вмешивалась в разговор, сразу поняв, что Ваисов, кадровый рабочий, быстрее найдет общий язык с этим парнем.

— Ну так как решим? — спросил Ваисов.

— Н-не знаю,— ответил парень, немного смущенный таким поворотом разговора.— Подумать надо.

— Думай,— согласился Ваисов.— Если возникнут какие-то затруднения — приходи прямо ко мне в железнодорожный цех, вместе что-нибудь сообразим.

Покосившись на лежащее на столе заявление, парень встал, попрощался и вышел из комнаты.

Кулехина и Ваисов переглянулись.

— Уйдет? — спросила Кулехина.

— Вряд ли. Просто человек еще не определился в жизни — вот и мечется. Займется настоящим делом — тогда и завод для него станет родным. А парень, чувствуется, хороший.

Ваисов поднялся, чтобы пригласить для беседы третьего..

Из отдела кадров Кулехина, не заходя к себе, отправилась к заводским подъездным путям. Туда сегодня прибыл состав — надо проверить, как идет разгрузка. Везде глаз да глаз нужен. Без этого нельзя. Уж ей-то, заводскому юристу, хорошо известно, во что может обойтись предприятию даже малейший простой вагонов. Два часа провела на солнцепеке, среди пыли и копоти. Но зато убедилась: вагоны будут разгружены в срок. Значит, в дальнейшем не возникнет никаких осложнений с железной дорогой.

Усталая, возвращалась Кулехина в отдел. По пути взглянула на заводские часы и удивилась: скоро семь. Вот времечко бежит — день промелькнул, словно миг. Ладно, сейчас надо быстренько собраться и ехать домой, а то ее там, наверное, уже совсем потеряли.

Возле дверей отдела Кулехину встретил пожилой мужчина:

— Я к вам, Марина Георгиевна.

— По какому вопросу?

— Видите ли, в скором времени я собираюсь уходить на пенсию, и мне хотелось бы с вами проконсультироваться, какие для этого нужны документы.

Наверное, можно было сказать неожиданному посетителю, что рабочий день ее, начальника юридического отдела, давно закончился, ей нужно спешить домой, к семье. Но Марина Георгиевна Кулехина привычным усилием воли подавила в себе это желание, и, открыв дверь, сказала:

— Проходите, поговорим!..

М. ИВАНОВ

# СОБЕСЕДНИК

## Трибуна Читателя

### ЕСЛИ НЕТ ЧУВСТВА ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ...

Читайте заметки  
А. Загребельного  
и Л. Цесаркина «Я сам виноват».

### ОПРАВДАТЬ НЕЛЬЗЯ

*Мнение читателя по поводу  
публикации  
«Собеседника».*

### Человек обратился в суд...

Беседу ведет судья Ю. Слободкин.

### ЗА ПОБОРЫ — К ОТВЕТУ!

Рассказываем  
по просьбе читателей.



Своими размышлениями о судьбах подростков, ставших правонарушителями по вине или недогляду взрослых, очень часто делятся с «Собеседником» наши читатели. Их мнения, советы, предложения, подкрепленные жизненными примерами,— все это своеобразный вклад в копилку народного педагогического опыта, рассказывать о котором редакция будет и впредь. В заметках А. Загребельного и Л. Цесаркина речь идет о личной ответственности подростков за свои поступки, о воспитательной роли суда, о нравственном прозрении юноши...

## Я САМ ВИНОВАТ

Судебное заседание шло уже несколько дней. И с каждым днем сомнения народного судьи Андрея Ивановича Точилина все больше превращались в уверенность: не так все просто. Казалось бы, что еще нужно? Подсудимый сознался, улики и вещественные доказательства налицо. Материалы дела, поведение подсудимого и, наконец, огромный опыт — все говорило Точилину: Алексей Поляков не мог совершить это преступление в одиночку. Как объяснить запутавшемуся парню, что за судейским столом собрались люди, искренне желающие помочь ему, стремящиеся восстановить истину и наказать подлинного преступника...

— Расскажите о себе, Поляков,— сказал на суде Точилин.— Как вы жили, чем занимались?

Задавая этот вопрос, он надеялся, что Поляков, оглянувшись на свою прошлую жизнь, сам неизбежно увидит те ошибки, которые привели его на скамью подсудимых, толкнули на преступление.

Алексей встал. Он не мог поднять головы, не мог посмотреть в зал, на мать, на своих товарищей. Вот он и подсудимый, это его судят за воровство. А с чего же началось?



...Все время, свободное от учебы в профтехучилище, Лешка пропадавал на голубятне. Семилетний Димка, его сосед по квартире, с завистью смотрел на голубятника. Вот бы ему так же погонять. Да куда там. Свистеть надо, а он сколько раз пробовал — ничего не получается.

— Леш, а Леш, дай погонять,— клянчил он.

— Тихо,— зашипел Алексей,— не видишь, что ли, чужие. Сейчас поймаем.

И правда, вместе с его стаей кружились два чужих голубя. Лешка нырнул в голубятню, схватил в одну руку птицу, в другую — горсть пшена; стал приманивать. Голуби сделали еще круг и резко пошли вниз. Он дернул за веревку, и сетчатая крыша голубятни захлопнула двух «чужаков».

В воскресенье Лешка довез их на птичий рынок. Чего тут толь-

ко не было! И рыбки, и птицы, и собаки, и кошки. Конечно, бродить по рынку было очень интересно, но Лешка сразу же отправился на площадку, где продавали голубей. Птиц этих он любил страстно. Вот чиграши, а вот крестовые монахи, чаечки и дутыши, хохлатые, трубастые и даже простые сизари. Не успел он показать свой товар, как вдруг кто-то потянул его за рубашку. Лешка обернулся и увидел незнакомого рябого мужчину.

— Что продаешь, покажь! — спросил он, дохнув на парня густым перегаром.

Алексей вынул из-за пазухи голубей.

— «Чужаки» небось? Сколько просишь?

— Червонец за пару.

— Ладно, пойдем договоримся.

Незнакомец крепко взял Лешку под руку и, прихрамывая, потащил за собой. Через несколько минут они уже сидели за столиком маленькой закуской. Незнакомец заказал два пива и бутерброды. Потом покосился на висевшее на стене объявление: «Приносить с собой и распивать...», криво ухмыльнулся и достал из кармана четвертинку.

— Ну, давай со знакомством!

— Да я не пью!

— Ну-ну, мы по маленькой. А еще голубятник.

Водка обожгла горло, глаза заслезилась. Лешка замахал руками. Мужчина услужливо подавал ему пиво.

Через полчаса захмелевший Лешка уже уверял своего нового друга, что сделает для него все. А нужно было Прохору (так он назвался) немного: встретиться с ним завтра на Зацепском рынке. И все.

— А что делать будем, я тебе объясню. Работа не пыльная, но денежная, — услышал он над ухом хриплый голос. — А это вот тебе два червонца — задаток.

Алексей не помнил, как добрался до дома и упал одетый на кровать. Все качалось и плыло перед ним. «Как на качелях», — подумал он. Потом показалось, что кровать встала дыбом и начала куда-то проваливаться. Алексей забылся тяжелым сном.

Проснулся Алексей поздно. Болела голова. Он встал и, пошатываясь, побрел на кухню — попить. У плиты стояла бабушка и укоризненно смотрела на него.

— Ты что же это, Лешенька? — запричитала она. — Я прихожу вчера, а ты одетый на кровати. Уж будила тебя, будила. Куда там. Смотри, мать вернется — все расскажу.

— Ладно, баб, больше не буду, дай поскорей чего-нибудь поест, — не поднимая лица от раковины, попросил он.

— Сейчас, сейчас, не терпится все. Небось опять во двор к своим голубям помчишься, — ворчала она.

«...Голуби, рынок. Прохор... — мелькнуло в голове у парня. — А во сколько же я обещал ему быть за Зацепе? В десять? Или в одиннадцать?»

Он посмотрел на часы — на них было половина одиннадцатого.

«Так идти или не идти? Пойду, ждет вель. А может, не надо? Пойду, может, правда, подработаю чего...»

...Рынок жил своей обычной жизнью. Между рядов ходили женщины с хозяйственными сумками, придиричиво разглядывали огурцы и помидоры, пробовали на вкус квашеную капусту, вертели в руках



желтые дыни и полосатые арбузы. Лешка несколько раз обошел весь рынок.

«Где же Прохор?» — подумал он и вдруг увидел его. Рябой стоял в цветочном ряду и держал в руках букет. «Что ж он, цветы продает, что ли?» И Лешка решил понаблюдать издали. Несколько раз к Прохору подходили люди, что-то шептали, и он, воровато оглядываясь, совал им в руки какие-то свертки. Заинтересовавшись, Лешка подошел к хромому и тронул его за рукав.

— Что? Кого? — испуганно забормотал тот. — А, ты, чего ж подкрадываешься сзади, как шпик.

— Так что за дело? — спросил Алексей. — Цветы, что ли, тебе помочь продавать? — Тут только он разглядел, что букет в руках хромого из искусственных цветов. — Так их все равно никто не купит, вон кругом живых сколько хочешь.

— Какие там цветы, — зашептал Прохор. — Это у меня так. Пойдем на уголок, поговорим.

Через полчаса Лешка был в курсе дела. В свертках у Прохора оказались галстуки и магнитофонные пленки. И Алексей должен был ходить по рынку — искать покупателей.

— Вот и вся твоя работа, — жарко дышал в ухо хромой. — А через месяц у тебя и велосипед и фотоаппарат будет. Я не жадный. Хочешь — спроси у других ребят, что мне помогают. Ну, как, согласен? Только смотри, если сболтнешь кому — худо будет.

Они ударили по рукам...

Это не кончилось через месяц. Алексей втянулся. Понравились дармовые, шальные деньги. «Работу» они заканчивали обычно в пивной. Парень стал хмурым и раздражительным, все ему было безразлично, даже голуби. Сделал второй ключ от голубятни и дал его Димке, а сам уж и не заглядывал туда.

В училище мастер каждый день делал ему замечания, ругал за небрежную работу. Дома бабка все время грозила пожаловаться матери, и, когда та приезжала на день-два из рейса (она работала проводницей), Лешка старался реже попадаться ей на глаза. Уходил от разговора.

Его стала мучить бессонница, по ночам он видел кошмары, вздрагивал от каждого стука в дверь. Все больше тянуло к Прохору послушать интересные рассказы: как тот служил на границе, задерживал нарушителя и получил пулю в ногу, а еще раньше был охотником в тайге...

И невдомек было Алексею, да и остальным мальчишкам, что некогда Прохор на границе не был, а ногу потерял по пьянке, под трамваем. Не знал Лешка, что даже имя у его дружка другое — не Прохор, а Петр Прохорович Вожжев, 1935 года рождения, неоднократно судимый. И тайгу он видел только через заборы исправительно-трудовых учреждений, и историю про пограничника вычитал в книжке. И что никакой он Прохору-Петру не друг, а просто один из «гавриков», работающих на него.

Но ничего этого Лешка не знал и плыл по течению все дальше и дальше...



Весь зал с ожиданием смотрел на него. Прошла всего минута, а ему казалось, что он заново прожил все те страшные дни.

Алексей сглотнул сухой ком в горле и, не поднимая головы, прошептал:

— Нечего мне рассказывать... Сами все знаете...

Суд продолжался. Вызвали свидетелей, но Поляков почти не слышал их. Он все вспоминал свое недавнее прошлое.



...Однажды ночью проснулся: за стеной кто-то громко разговаривал, в коридоре слышались шаги, потом протащили что-то тяжелое.

— Соседи наши приехали с Севера,— пояснила бабушка,— ты их, наверное, забыл уже. Три года не были, а теперь вот вернулись,

За завтраком бабушка рассказала, что Сергей и Наташа вернулись насовсем, денег у них — куча. Что они будут вступать в кооператив, а сейчас пошли по магазинам.

Вечером, в кафе недалеко от Зацепского рынка Лешка случайно рассказал об этом Прохору. А спустя несколько дней Прохор вдруг спросил:

— Ну, как поживают твои соседи?

— Да чего им сделается? Барахла наташили — ужас. Уже в комнате не умещается, в коридоре два ковра и здоровенный чемодан поставили.

— В коридоре, говоришь? — Прохор задумался. В этот раз он был щедрей обычного, то и дело подливал Лешке в стакан.

План, составленный Прохором, был прост. Завтра Алексей даст соседям два билета на двухсерийный фильм. Сам он пойти, мол, не может. Начало в девять вечера, раньше одиннадцати соседи из кино не вернутся. Бабка ложится в начале десятого. Остается, правда, маленький Димка, но и его в это время укладывают спать. Прохор к десяти часам подгонит к воротам машину, так что Алексею останется только пронести вещи через двор.

В душе Лешка протестовал, но отказать не смог, струсил — теперь он уже боялся Прохора. На всю жизнь он запомнил, как один из «гавриков» Прохора — Славка Букин — посмел ослушаться «хозяина». Тот так избил парня, что страшно было смотреть...

...Все шло по плану. Правда, Димки еще не было дома. Его мать несколько раз выходила во двор и кричала: «Димка! Иди домой сейчас же!» Но тот не откликался, видно, лазал с ребятами по новостройке напротив.

Лешка, осторожно ступая, вышел во двор. Было темно, и его никтоне видел. Идти было очень неудобно. В одной руке тяжеленный чемодан, а на плече свернутый в трубку ковер. Он еле дотащился до голубятни, поставил чемодан, прислонил к сараю ковер и остановился передохнуть. Наверху послышалась возня, что-то шелкнуло. Алексей замер, услышал чьи-то шаги и увидел, как по приставной лесенке с сарая спускается Димка. Малыш вытаращил глаза на чемодан и удивленно спросил:

— Ты что, уезжаешь, что ли?

— Уезжаю, уезжаю. А ну, марш домой!

Погрузить вещи в машину было делом одной минуты. Лешка вернулся домой и юркнул под одеяло.

Утром его разбудили громкие голоса. В кухне собралась вся квартира, а в коридоре у входной двери, внимательно разглядывая замок, стоял участковый. Сергей, размахивая руками, что-то объяснял бабушке.

— Леша,— радостно кинулся к нему Димка,— так ты не уехал? А то я вижу, что ты с чемоданом, и думаю: а как же голуби?

— С каким чемоданом? — заикаясь, зашептал побледневший парень. — Я ничего не знаю, я не брал...

...На допросе в милиции Лешка сказал, что чемодан и ковер взял один и передал их незнакомому дядьке, который обещал за это японский транзистор, но обманул: взял вещи, велел подождать в подъезде, а сам прошел через какую-то квартиру к черному ходу и удрал. Дело передали в комиссию по делам несовершеннолетних, и Лешка заверил, что он никогда, никогда больше...

А через неделю ночью в Татарском переулке был ограблен продовольственный магазин. По приставной лестнице воры забрались на чердак, сделали пролом в потолке и по веревке спустились в помещение магазина. Были похищены тридцать бутылок водки и дневная выручка — 340 рублей.

По отпечаткам пальцев на стекле прилавка и по следам, оставленным на чердаке, было установлено, что преступников было двое. Дактилоскопическая экспертиза установила, что один из отпечатков принадлежит Алексею Полякову...

Его опять вызвали в милицию, но он клялся, что ничего не знает. Обыск у него в комнате тоже ничего не дал. Участковый инспектор капитан Людсков решил еще раз поговорить с парнем по душам. Он чувствовал: нужно было, конечно, получше присматриваться к парню, а то увидел, что парень увлечен голубями, и успокоился. Да рано...

Людсков подошел к голубятне. Лешка прыгал по крыше, неистово размахивал шестом и пронзительно свистел в два пальца. А внизу, чуть не плача, стоял Димка и, задрвав голову, с завистью смотрел на голубятника.

— Здравствуй, малыш! — Людсков потрепал мальчишку за вихор. — Ты чего это такой расстроенный?

— Лешка на голубятню не пускает.

— Это оп, наверное, на тебя за чемодан сердится.

«В магазине Поляков, конечно, был, — думал Людсков. — Отпечатки-то его, дактилоскопия никогда не подводит. Но вот куда он дел бутылки? Выпил? Невозможно. Продал? Маловероятно. Отвез куда-нибудь? Трудновато. Ведь все-таки тридцать бутылок, груз. Машину специально брать надо...»

Участковый не спускал глаз с голубятника. А тот так увлекся своим делом, будто и не замечал ничего вокруг. И вдруг капитан понял: Поляков давно заметил его, но не показывает виду.

— Леша, — позвал милиционер. — Здравствуй! Что это ты гостей не замечаешь? Или не хочешь замечать?

И по приставной лесенке полез вверх. Он шагнул в подумрак голубятни, оглядел ряды клеток, кормушки, миски с водой и заметил в углу кучу пустых мешков.

— А это что за хлам у тебя? Непорядок, — сказал он враз побледневшему Алексею и откинул мешковину. Там, едва прикрытые соломой, штабелем лежали зеленоватые бутылки с водкой...



— Расскажите суду, только честно и правдиво, как и с кем вы совершили это преступление? — обратился к Полякову судья.

Во всем сознался Алексей. А вот с кем был — не говорит. Один — и все.

— Послушайте, Поляков, как вы попали в магазин?

— По веревке.

— Ну, хорошо, допустим. А как вылезли?

— Опять же по веревке.

— С двумя ящичками водки в руках? Да к тому же, когда вы поднялись, лестница мешала вам вылезти. А у вас еще и руки были заняты.

— А я оттолкнул ее головой.

— Это как же?

Алексей понимает бессмысленность своей лжи. Он путается, краснеет. Потом, набычившись, заявляет:

— Ничего не буду говорить.

— Подойдите поближе, Поляков,— сказал судья.— Посмотрите на эту фотографию. Видите две пары следов в пыли на чердаке? Вы какой размер обуви носите, сороковой? Правильно. Вот они, ваши следы. А вот рядом другие, размер сорок четыре. Чьи они? Не будете же вы говорить, что ваши, у вас ведь всего одна пара ног. Причем человек, носящий эти большие ботинки, слегка при-волакивает правую ногу. След волочения очень хорошо виден на снимке. Следовательно, он хромой или с протезом.

При этих словах Лешка побледнел и быстро глянул на судью. «Хромой». Значит, они все знают...

Судья перехватил тревожный взгляд Лешки:

— Мы его все равно найдем. Думаю, он и есть главный виновник, а вы — орудие, пешка в его руках.

— Скажите, Поляков,— обратился к подсудимому народный заседатель,— вы утверждаете, что вылезли из люка магазина по веревке, да еще с ящичком водки в руках. А в деле имеются показания вашего преподавателя физкультуры. Он говорит, что вы никогда не могли выполнить упражнение «лазание по канату». Руки у вас слабоваты.

— Один я был! — чуть не плача закричал Лешка.— Чего вы от меня хотите?

— Правды,— жестко и твердо сказал судья.— Мы хотим знать только правду.

Лешка стоял, втянув голову в плечи. Тысячи мыслей кружились в голове, а перед глазами стояли два лица — простое, честное и открытое лицо судьи и рябая пьяная физиономия Прохора. Судья не раз говорил: «Да разве это товарищ? Ты пойдешь в тюрьму, испортишь жизнь себе, матери, бабушке. А твой «друг», толкнувший тебя на преступление, будет продолжать калечить жизнь другим».

Алексей поднял голову и оглядел зал. Вот в первом ряду сидит мать, плачущая бабушка, ребята из училища...

Перед Лешкой пронеслись картины прошлой жизни: голуби, родной двор, ребята, рыбалка, походы за грибами и опять голуби... Как они там, справится ли Димка? Странно, вот вроде Димка «продал» его, а Лешка на него не сердится. Почему? И вдруг он понял, что даже как будто рад, что его забрали, что наконец все кончилось. Кончился этот ужас вечного ожидания — вот-вот придут, вот-вот откроется... А что, если б его не взяли, что тогда? Бесконечные пьянки и страх, вечный страх... А потом? Что еще придумает Прохор? Может, позовет и на убийство?!

И постепенно бошь, отчаяние и тоска овладели Алексеем. И ненависть. Лютая злоба на Прохора. Небось сидит сейчас, водку пьет, дурчит простачком. Скольких еще ребят затащит он в омут...

— Вы снимаете, Поляков,— сказал судья,— что ваше молчание

на руку только тому, второму преступнику. Своим молчанием вы губите и себя, и других ребят, которые попадут в его сети.

Лешка молчал. Он понимал, что лгать и изворачиваться бесполезно, молчать — глупо. И все же молчал.

Точилин видел состояние Полякова. За многие годы работы в народном суде перед ним прошло немало таких ребят. Андрей Иванович чувствовал, что сейчас достаточно небольшого психологического толчка, чтобы Поляков сделал свой главный шаг к правде.

И Точилин дал слово матери подсудимого.

Она медленно поднялась, подошла к судейскому столу, поглядела на сына, худого, остриженного, и, не в силах вымолвить слово, залилась слезами.

— Это я во всем виновата. Не уследила за сыном. Я виновата, я, я, я...

Алексей поднял глаза на плачущую мать, и вдруг будто что-то ударило его в сердце, сжало горло. Он вскочил:

— Нет, мама, не ты! Это хромой виноват, Прошка! — И совсем тихо, почти про себя, прошептал: — И я сам тоже...

**А. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ,  
Л. ЦЕСАРКИН**

— И когда же ты повзрослеешь, сынок?..

— А я уже повзрослел: вас завтра не в школу, а в милицию вызывают!

Рис. М. Смиренского.



## Мы для вещей или вещи для нас?

Однажды ко дню рождения Сережи отец купил четырехтомный Толковый словарь русского языка В. И. Даля. С тех пор родители с каждой полочки приносили домой книгу, по возможности — самую интересную. Со временем собралась чудесная библиотека. И в день своего восемнадцатилетия Сергей, теперь уже студент-первокурсник, получил замечательный подарок — редкое собрание книг.

Затем — институтские годы, диплом с отличием, работа и встреча с Юлей, свадьба. Именно в связи со свадьбой у молодого человека возник первый серьезный конфликт с «предками», до сих пор безотказно выполнявшими любые его желания и прихоти. «Старики» были за семейное торжество в узком кругу родных и близких. Дети — за ресторан на полторы сотни персон, не менее. Родители упорствовали, и тогда Сергей, хлопнув дверью, объявил, что организует свадьбу сам. И организовал. Буквально за один день стены его комнаты «ощетинились» пустыми книжными полками: библиотека была продана вся, как говорится, на корню, не осталось даже самых любимых книг.

По-петушину нахохлившись, Сергей вызывающе продекларировал:

— Мы с Юлей не «вещисты», за материальные ценности не цепляемся. Нам важнее авторитет. Доказали — мы не хуже других...

Неужели, думал я, мое представление о книге как о духовной ценности настолько старомодно?

И все же, рискуя обнародовать свою страшную «отсталость», рассказал о случившемся весьма уважаемой доброй знакомой — эрудированной почитательнице искусства и литературы, увлекающейся проблемами создания кибернетического разума.

— Да, — возмутилась моя собеседница, — Сережиному поступку нет никакого оправдания! В наше время богатая библиотека — это так престижно, больше, чем «люксовая» свадьба в ресторане... Впрочем, — тяжело вздохнула она после небольшой паузы, — что мне до чужих дел. У меня свои неприятности. — И пояснила: — Такой позор, такой позор — мой Виталик хуже всех в детском садике. Несчастный ребенок. Все мальчики и девочки ходят в импортном, а он с головы до ног в нашем, отечественном...

— Как нисций, — добавил четырехлетний малыш, еще не выговаривающий букву «щ», обрызгав при этом нарядный костюмчик апельсиновым соком. Счастливый маленький человек, живущий в советской стране, в замечательное время, никогда не видевший постоянного нищего — голодного, в лохмотьях, с протянутой рукой.

Я — человек сложной судьбы, мне довелось строить первое в мире социалистическое государство, защищать его от фашистского нашествия, отстранять, возрождать разрушенные города и села, фабрики и заводы. И с ранней юности мы беспощадно боролись с пережитками прошлого в сознании людей: с мелкособственническими инстинктами и преклоением перед престижным блеском зажиточности.

Тогда эти пережитки были явлением отмирающим, присущим уходящему в небытие старому миру, и никто не предполагал, что они смогут вновь ожить полвека спустя.

Конечно, не следует излишне драматизировать ситуацию. Лицо современного поколения, мы знаем, определяют те, кто строит БАМ и в лыжном походе покоряет Северный полюс. Но есть все же и «погоня за лидерством» в детском садике, и книги, ценные только по продажной цене. Этакая мелкая червоточинка, вызванная носящимся в воздухе вирусом атактичного, старокупеческого «не беднее, чем у других». Вируса, с которым надо начать активную борьбу, чтобы не допустить дальнейшего распространения инфекции.

г. КИЕВ

А. СИМКИН

## ОПРАВДАТЬ НЕЛЬЗЯ

В последнем номере журнала «Человек и закон» за 1981 год была опубликована статья И. Черменской «Несложившаяся жизнь». Речь в ней шла о преступлении, которое совершила В. Еремина, бывший бухгалтер одного из домоуправлений. Пользуясь бесконтрольностью, царящей в этой организации, В. Еремина совершала приписки в отчетах, незаконно выписывала себе премии.

На суде В. Еремина оправдывалась тем, что на преступление ее толкнули материальные затруднения, что она растила детей одна и денег, якобы, всегда не хватало.

На мой взгляд, никакие обстоятельства, никакие мотивы не могут служить оправданием воровства. Правильно поступили органы правосудия, воздав должное Ереминой. Но кое-кто из присутствующих на процессе жалел ее, считал решение суда суровым. А разве не ясно, что женщина сознательно пошла на преступление, руководствуясь только корыстными целями? Чем она «скрасила» свою жизнь? Буйными попойками за счет государства! А дети? Неужели мать не находила в них радости? На всем белом свете Еремина считала обиженной только себя. И забыла о детях. Бросила их на произвол судьбы.

Наша мама тоже была молода, когда осталась одна с нами. А нас было шестеро. Еще шла война. Потом наступили трудные послевоенные годы. И мама тоже могла еще, как это принято сейчас говорить, устроить свою жизнь. Но были мы еще несмышленицами, и только старшая сестренка уже помогала маме. И мама не опустила руки, не искала спасения в вине. Она убирала сено, обрабатывала кукурузные поля, словом, работала не покладая рук. Ей было очень тяжело. Но она ни разу не показала этого детям, успевала обшивать, обстирывать нас и никогда не унывала. И приятно было слышать от людей, что наша мама самая работающая в коллективе.

У Ереминой двое детей. Что их ждет? Как она посмотрит им в глаза, когда вернется после длительного «отпуска» домой?

Нам всем известна азбучная истина: человек сам себе хозяин, сам выбирает свою судьбу. От его благоразумия зависит не только его жизнь, но и нередко благополучие близких. В трудных ситуациях человек должен найти в себе силы, чтобы не увязнуть в житейских передрыгах. Лучше идти по жизни сквозь все бури и невзгоды с гордо поднятой головой.

Н. ВОРОТНИКОВ

г. АРДОН, СЕВЕРО-ОСЕТИНСКАЯ АССР

## БЕСЕДУ ВЕДЕТ СУДЬЯ

# В прятки с законом

Человек обратился в суд, чтобы решить по справедливости, в соответствии с законом возникший спор. И он может быть уверен в объективном рассмотрении своего дела. К сожалению, отдельные граждане, не обремененные высокой нравственностью, пытаются использовать закон в узкокорыстных, эгоистических интересах, вопреки его смыслу и духу.

Вот несколько примеров из судебной практики.

...Брак расторгают муж и жена, прожившие вместе более тридцати лет. В чем причина? Не сошлись характерами? Постепенно выясняется, что дом, который принадлежит супругам на праве личной собственности, но оформлен на одного из них, должен быть снесен. Исполком городского Совета народных депутатов предоставляет отдельную двухкомнатную квартиру семье дочери, находящейся в заграничной командировке, а родителям — однокомнатную. Но им этого мало. Срочно подается заявление о расторжении брака и разделе имущества. Суд откладывает разбирательство дела на шесть месяцев для примирения супругов. Однако они терпеливо ждут и добиваются своего, упорно твердят, что жить вместе нет никаких сил. Истинная же цель развода — получить две однокомнатные квартиры, чтобы затем обменять их на двухкомнатную.

Но как показывает практика, ловкачи и пройдохи, пытающиеся обойти закон, остаются, в конечном счете, в проигрыше.

...На прием к судье пришла женщина и интересуется тем, как можно истребовать от наследников вещи, принадлежавшие ее бывшему мужу. Брак с ним она официально расторгла, но развод носил фиктивный характер. Они с мужем хотели получить новую квартиру и сохранить для взрослой дочери старую жилую площадь. Теперь же, когда муж умер, возник спор о наследстве. Не будучи официально женой умершего, женщина утратила право на наследование его имущества.

Некоторые супружеские пары расторгают брак, чтобы добиться снижения размера алиментов, выплачиваемых на ребенка от первого брака.

Предвижу вопрос: зачем же вы, товарищи судьи, нередко удовлетворяете подобные иски? Но как узнать об истинных целях разводящихся? Ведь в ситуациях, упомянутых выше, правду, как пра-



вило, скрывают обе стороны. Они действуют заодно, их объединяет общий интерес. У суда порой нет оснований отказать им. В таких случаях не лишне вспомнить о совести. Но закоренелый мещанин, урвавший кусок пожирней, не испытывает ни неловкости, ни душевного разлада, он спит спокойно, не понимая, что обманул не только других, но и самого себя, ибо сделки с собственной совестью не проходят бесследно. Кое-кто пытается оправдать свое неблагоприятное поведение заботой о будущем детей и даже внуков. Конечно, будущее детей и внуков не может не волновать родителей, бабушек и дедушек. Но на пользу ли им пойдут блага, добытые таким нечестным путем? Мы окажем большую услугу самим себе и последующим поколениям, если личным примером, личными поступками будем непримиримы к мошенничеству.

Там, где воинствующему обывателю нельзя в качестве заслона поставить закон, следует в полную силу использовать общественное мнение, создавая атмосферу всеобщего осуждения всех и всяких случаев шкурничества и стяжательства.



Закон обязывает стороны в гражданском процессе быть добросовестными и правдивыми. К сожалению, не все следуют этому обязательству. Как судья, не раз был свидетелем неоправданного обращения некоторых граждан в суд. Заранее зная о неправомерности своих требований, они все-таки предъявляют иски по принципу: «Авось что-нибудь и выйдет...»

И дело не только в том, что судьи вынуждены тратить попусту очень много времени на рассмотрение явно несостоятельных и надуманных исков: досадно, что определенная часть людей весьма своеобразно относится к закону, к праву, я сказал бы, потребительски.

Гражданин М., например, был уволен за появление на работе в нетрезвом виде (по пункту 4 статьи 33 КЗоТ РСФСР). К этой мере дисциплинарного воздействия администрация предприятия вынуждена была прибегнуть, так как М. систематически употреблял алкогольные напитки в рабочее время. Его и наказывали, и стыдили, зывали к совести, хотя могли давно уволить. Одним словом, коллектив предприятия, общественные организации, администрация приложили немало усилий, чтобы наставить М. на путь истинный, но тщетно. Когда же после очередного грубого нарушения трудовой дисциплины М. все-таки уволили, последний, оскорбившись, тут же подал в суд заявление о восстановлении на работе и взыскании заработной платы за дни «вынужденного» прогула. М. полностью отрицал факт нахождения на работе в нетрезвом состоянии и свое увольнение объяснил «происками» мастера, с которым у него якобы

сложилась ненормальные отношения. Нашлись даже «свидетели», которые были вызваны в суд по ходатайству истца и которые в один лад повторяли друг за другом, что они не видели М. пьяным на работе.

Однако в результате тщательного исследования всех обстоятельств дела было установлено, что сами «свидетели» далеко не безгрешны: иногда употребляли алкогольные напитки за компанию с М. Но их не стали пока увольнять, а применили более мягкие меры взыскания.

Суд принял правильное и справедливое решение, коим незаконные притязания М. были отклонены. Но судебным работникам пришлось потратить почти два рабочих дня и допросить большое количество людей, которые не могли в это время исполнять свои служебные обязанности.

Случается, что нарушители трудовой дисциплины стремятся предстать в роли «пострадавших за критику». Н. был уволен с работы за длительный прогул. В заявлении в суд он подробно распространялся об организационных неполадках на заводе, где работал, о нарушениях техники безопасности, о слабой воспитательной работе в коллективе и о своеволии начальства. Представлял свое увольнение как гонение за критику. Однако суд, разобравшись во всех обстоятельствах, пришел к выводу, что Н. уволен справедливо, с соблюдением всех требований закона.

Встречаются еще и такие не очень щепетильные в средствах люди, которые, пользуясь нехваткой рабочих рук, становятся на путь своеобразного вымогательства высоких заработков для себя. Показательно в этом отношении дело по иску Ч. к строительной организации, в которой он работал экскаваторщиком.

Требование Ч. о взыскании 380 рублей в качестве заработной платы было отклонено комиссией по трудовым спорам и комитетом профсоюза организации. Не успокоившись на этом, Ч. принес в суд заявление, в котором утверждал, что он постоянно перевыполнял нормы выработки, но администрация отказалась оплатить ему земляные работы, выполненные сверх задания.

В подтверждение своих требований Ч. приложил наряды, заполненные им собственноручно и подписанные начальником участка. На первый взгляд могло показаться, что администрация ущемляет интересы истца. Но это только на первый взгляд. В процессе подготовки дела к слушанию специально созданная комиссия проверила соответствие перечисленных в нарядах объемов работ фактически выполненным. Эта проверка выявила неприглядную картину своеобразного шантажа, к которому прибег Ч., чтобы «подзаработать» на пусковом объекте. Как оказалось, прибыв на место работы, он заявил начальнику, что, если ему не заплатят столько, сколько «нуж-

но», он уедет на другой участок, так как его там тоже ждут. Начальник, у которого «горел» план, смалодушничал и вместо того, чтобы осадить зарвавшегося хапугу, подписал наряды, в которых объем выполнения работ был завышен более чем в три раза. Материалы судебного разбирательства явились сигналом для устранения недостатков в деятельности соответствующих служб строительной организации и для привлечения начальника участка к строгой партийной и дисциплинарной ответственности.

Что касается Ч., то ему в иске о взыскании заработной платы за работы, которые не выполнялись, было отказано. Возникает вопрос: разве Ч. с самого начала не понимал, что его требование противозаконно и по сути аморально?

Вне всяких сомнений, хорошо понимал, но рассчитывал на пресловутое «авось» и на то, что ему удастся ввести суд в заблуждение. Однако вряд ли Ч. решился бы предъявить подобный иск, если бы закон предусматривал возможность отнесения на его счет всех издержек, связанных с отвлечением от основной работы и вызовом в суд представителя организации, свидетелей, а также с непроизводительной тратой времени составом суда, посвятившего разбирательству необоснованного иска половину рабочего дня.

Л. И. Брежнев сказал: «Заботиться о благосостоянии трудящихся — это не значит быть «добрыми дядюшками» для всех работников, независимо от их вклада в общественное производство. Заработная плата должна повсюду быть заработанной, каждый работник должен чувствовать ее прямую зависимость от своего вклада в производственные успехи коллектива. От этого в конечном счете зависит объем благ, который получит трудящийся... Их надо самим произвести, а для этого необходимы настойчивые усилия и напряженный труд».

Наш закон строго ограничивает круг причин, по которым может быть отказано в принятии судом искового заявления, и не стоит, наверное, ратовать за то, чтобы расширить их. Однако есть настоятельная необходимость напомнить, что пользование правами, в том числе правом на обращение за судебной защитой в порядке гражданского судопроизводства, предполагает добросовестность и высокий уровень социалистического правосознания, требует уважительного и нравственного отношения к нормам светского права, которое призвано стоять на страже интересов государства, общества и каждого советского человека.

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

**Ю. СЛОБОДКИН,**  
председатель  
Солнечногорского городского  
народного суда,  
кандидат юридических наук

# Судят вымогателей

## РАССКАЗЫВАЕМ ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

В редакционной почте встречаются письма, авторы которых с возмущением пишут о вымогателях, людях, находящихся на работе, получающих за нее зарплату, однако не желающих без дополнительного вознаграждения выполнять свои прямые обязанности. К примеру, слесарь-сантехник пришел починить кран и вдруг зяблет, что это не пустяковое дело, да и с запчастями туго. Одним словом, намекает: надо бы дать, и тогда все будет. Подобные ситуации можно было наблюдать в мастерских бытового обслуживания, где за определенную мзду отыскивали все-таки дефицитную деталь к телевизору, или же у железнодорожных касс, когда кассир, получив презент, «еще раз хорошо посмотрев», извлекал билетик в нужном вам направлении.

Нередки жалобы на водителей такси, которые соглашаются отвезти пассажира куда надо, если будет оплачена обратная дорога.

Раньше такое поведение считалось дисциплинарным проступком и недобросовестному человеку объявлялся выговор. Ну, а выговор для граждан, не знающих угрызений совести,— наказание не очень страшное.

В сентябре 1981 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в Уголовный кодекс РСФСР внесена дополнительно статья 156<sup>2</sup>, в соответствии с которой «получение работником предприятия, учреждения или организации, не являющимся должностным лицом, путем вымогательства незаконного вознаграждения от гражданина за выполнение работы или оказание услуги в сфере торговли, общественного питания, бытового, коммунального, медицинского, транспортного или иного обслуживания населения, входящих в круг служебных обязанностей такого работника, наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до ста рублей.

Те же действия, совершенные неоднократно или в крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до пятисот рублей».

По этой статье и были привлечены к уголовной ответственности водители такси, о которых пойдет речь ниже.

Работник седьмого таксомоторного парка Чернов посадил в машину на площади Белорусского вокзала четырех пассажиров и потребовал за проезд до Курского вокзала по три рубля с каждого. Счетчик показывал, что проезд стоит один рубль семьдесят копеек. Во время судебного процесса Чернов пробовал изворачиваться, ловчить. Дескать, не требовал он, а пассажиры сами ему дали двенадцать рублей.

Всячески юлил на суде, пытаюсь уйти от ответственности, и другой хапуга, водитель восьмого таксомоторного парка Гущин. Пассажиры, мол, дали ему десять рублей и так быстро ушли, что он не успел дать им сдачу. На самом же деле все было иначе. На площади у Белорусского вокзала один из пассажиров спросил у Гущина, сколько стоит проезд до Казанского вокзала. На что водитель ответил:

— Цена стабильная — три рубля с человека.

Опять несложные подсчеты: при показании счетчика — один рубль двадцать копеек, Гущин положил в карман восемь рублей семьдесят копеек.

Правда, ни Чернов, ни Гущин на этот раз незаконно полученными деньгами воспользоваться не смогли. Схваченные за руку, они предстали перед судом и были приговорены каждый к одному году лишения свободы условно, с обязательным привлечением к труду в местах, определяемых специальными органами.

Водители осуждены на основании статьи 156<sup>2</sup> за «получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения». В таксомоторные парки, где они работали, посланы частные определения. Хочется надеяться, что администрация предприятий со всей серьезностью отнеслась к происшедшему. И рабочие коллективы дали правильную оценку этим неблагоприятным поступкам. Нет сомнения, что подавляющее большинство таксистов — это люди, дорожащие рабочим авторитетом, любящие свою работу, стремящиеся высоко держать честь рабочей марки.

Для рвачей же и вымогателей судебные процессы станут серьезным предостережением.

Однако поговорим о том, что способствует «живучести» таких отвратительных явлений, как чаевые, мелкие поборы, всякого рода «левые» заработки. Обратимся снова к письмам читателей. А. Николаева из Харькова пишет, что хотела сдать в камеру хранения на вокзале чемоданы, но ей заявили: мест нет. Потом дали понять — если она заплатит по двадцать копеек за чемодан, места найдутся. Все это, безусловно, возмутительно. Но сам собой напрашивается вопрос: а почему об этом возмутительном случае женщина вспомнила только через месяц и написала гневное письмо в редакцию? Не проще было бы тут же обратиться к дежурному по вокзалу, указать конкретных виновников. Оперативное вмешательство руководства могло бы пресечь зло, как говорится, в зародыше.

В другом письме читатели сообщают: водитель автобуса собрал деньги за проезд, а билетов не дал. Пассажиры нервничали во время всего пути следования: вдруг войдет контролер. Контролер не появился, государственные деньги остались в кармане жуликоватого водителя. И опять, вместо того, чтобы известить руководство автохозяйства сразу же после случившегося, или того проще, заявить о происшествии в ближайшее отделение милиции, указав номера автобуса, люди пишут в редакцию журнала, причем пишут спустя долгое время, когда установить факт преступления уже не представляется возможным.

Ветеран войны и труда М. Г. Тюленев сам долгое время работал в системе жилищного обслуживания. «Сколько мне приходилось наблюдать, как молодые ребята буквально на глазах превращались в пьяниц и рвачей, — пишет Михаил Григорьевич. — Сплошь и рядом бывает так, что сами жильцы считают обязательным су-

нуть слесарю рублевку или поднести стаканчик, развращая тем самым хороших и трезвых людей».

«Я работаю почтальоном,— рассказывает А. П. Староверова из Куйбышева.— Приношу пенсии, и почти каждый пенсионер сует мне в руку двугривенный или полтинник. Начинаю отказываться, эти подачки меня оскорбляют,— обижаются. Как быть? Проводить с каждым «благодетелем» воспитательную работу? У меня на это нет ни времени, ни желания».

Над этими словами стоит задуматься. Как часто мы своими «подарками», чаевыми растим крохоборов.

Некоторые читатели пускаются на поиски компромиссов. Например, Г. А. Молодцов из города Волжска считает вполне нормальным женщине-врачу «презентовать» букет цветов, женщине-парикмахеру — коробку конфет. Автор приводит пример из собственной жизни. Хирург сделал ему операцию. Перед выпиской из больницы Молодцов пришел в кабинет врача, поставил на стол бутылку шампанского. Врач наотрез отказался от подношения. «Я не мог не отблагодарить его,— пишет Григорий Антонович.— Я оставил бутылку на столе и быстро ушел». Думается, никакая вязь красивых слов: «скромный подарок доброму человеку», «элегантность», «знак внимания» — не прикроет самой сути: один дает, другой берет.

Человек обязан хорошо выполнять свою работу, И если он порядочен и по-настоящему добр, любит свое дело — высшей наградой для него будет искреннее «спасибо».

И большинство читателей справедливо лишут о необходимости строгого пресечения всех видов поборов и подношений. Ибо в какую бы форму они ни облекались, суть у них та же. Одни стараются незаконно получить, другие — выторговать себе какие-либо преимущества. И только общими усилиями можно изжить это зло. Каждый из нас должен решительно пресекать все попытки незаконных обогащений.

**С. ПАВЛОВ**

# ИМ ДО ВСЕГО ЕСТЬ ДЕЛО

## О Ч Е Р К

— Копейка рубль бережет... Из малого складывается великое... Это что означает? А то, что хозяйство надо вести рачительно. Да только если из своего дома не каждый и гвоздь выбросит, то, переступив порог завода, кое-кто забывает об экономии. Вот и получается, что валяются в цехах на полу, а то и прямо во дворах на свалке изделия, на которые и труда, и денег немало ухлопали...

Так рассуждал Григорий Иванович Кравцов, председатель головной группы народного контроля, когда мы шли с ним по просторным цехам производственного объединения «Волна», крупнейшего предприятия в стране, выпускающего приборы для неразрушающего контроля. Надо сказать, что на долю кишиневцев приходится свыше 95 процентов выпускаемых в стране средств ультразвукового контроля. Кроме того, здесь получают путевку в жизнь отличные приборы — дефектоскопы, действующие и по другим принципам: магнитные, рентгеновские. Работа всей этой аппаратуры поистине ювелирна: приборы обнаружат трещину, раковину, словом, любой дефект в трубах различных диаметров, в металлических и железобетонных конструкциях; на металлургических комбинатах они помогут определить толщину проката, не прикасаясь к нему; в самолетостроении с их помощью измеряют толщину крыла.

...Обходя ряды станков, давая необходимые пояснения, Григорий Иванович между тем цепко оглядывает все углы: от его строгого глаза не укроется даже малая бесхозяйственность. Я недаром говорю «малая», так как со случаями крупного расточительства, небрежного отношения к народному добру здесь практически покончено. И чем дальше, тем больше такие эпизоды отходят в прошлое.

— Но было, было... — хмуро говорит Кравцов. До сих пор, видно, неприятно ему вспоминать об этом.

Мимо нас проходит Дмитрий Васильевич Феценко, контролер ОТК. В группе народного контроля объединения он возглавляет сектор режима экономии.

— На площадку, Дмитрий Васильевич? — окликает его мой спутник.

— На нее, — кивает в ответ тот.

— Вот, далеко не ходить за примером... — говорит Григорий Иванович и рассказывает о недавнем «расследовании».

Есть на заводском дворе площадка для сбора металлолома. Д. В. Феценко в силу своих общественных обязанностей нередко заглядывает сюда. И вот однажды, роясь там, увидел такое, что и глазам своим не сразу поверил: кто-то выбросил солидный моток дефицитной пружинной проволоки, ни мало ни много — 30 килограммов весом. И не просто выбросил, а спрятал в какой-то ящик и прикрыл стружкой: чтобы людям в глаза не бросалась.

Стали разбираться: почему выбросили и кто это мог сделать? Оказалось, при разматывании проволока запуталась. Зачем время тратить, распутывать, когда проще выбросить, и дело с концом — рассудили какие-то горе-работники.

Опросили всех — никто не хотел признаваться, хозяин проволоки не объявлялся. Тогда Феценко со своими контролерами обратился к снабженцам: какие цеха получают этот дефицит? Выяснили, что отпускают эту проволоку опытному производству и первому цеху. Но опытнику получают ее всего 1,5 килограмма, а первый цех — десятки килограммов. Выходит, это их добро лежит на свалке?

Разговор с начальником первого цеха был нелегким, тот упорно отказывался поверить в причастность «своих» людей к такому факту.

— Ваша, ваша, — наседали на него Феценко. — Вот вам все цифры... Ищите виновных, потом доложите на группу...

Народные контролеры оказались правы.

...Народный контролер — это человек, которому народ оказал большое доверие: с подлинно государственных и общественных позиций, по-деловому, принципиально вникать в любые вопросы производства. Они — дозорные и всегда в гуще заводских дел, в курсе их; они хорошо знают наиболее уязвимые места. Держат под контролем хранение, расход и учет материалов и металла, могут существенно влиять на положение дел на заводе. Рейд за рейдом, проверка за проверкой... Обнаружили недостатки — тут же сигнал заводской администрации.

Вот такой был недавно поиск на «Волне», и занимался им сам Кравцов со своими помощниками. Дело в том, что в механическом цехе долгое время расходовалось много дефицитной высококачественной стали. Вроде бы все нормы соблюдались, а как нарежут кольца из трубчатых заготовок, так концы с концами не сходятся. И в браке этого металла тоже нет. За один только производственный цикл терялось 10 тонн.

Пришлось контролерам основательно изучить разные технологические тонкости. Все-таки нашли утечку. В корне пересмотрели нормы раскроя труб, взяли эту операцию на самый строгий учет. И вот теперь этих потерь нет.

А как на других участках?

...Народные контролеры появились в цехе в обеденный перерыв. Было тихо, не шумели станки, и в этой тишине особенно отчетливо слышалось гудение мощных ламп, заливающих ярким светом пустой цех. Кое-где над рабочими местами горело еще и местное освещение.

А на другое утро в заводском сатирическом листке уже появился острый, «зубастый» материал о нехозяйственном отношении к расходу электроэнергии в инструментальном цехе.

...«Мелочи», — пренебрежительно говорил кое-кто. Да, на первый взгляд, может быть, и мелочи. Но вот года два тому назад контролеры Молдглавэнерго установили недопустимо большой перерасход электроэнергии на предприятии. Дирекция и партком попросили разобратся с этим делом дозорных — народных контролеров.

Прежде всего надо было установить источники, каналы потерь, а затем — надежно перекрыть их. «С чего начать?» — таким вопросом задались Кравцов и его помощники. И решили прежде всего обратиться за советом и консультацией к своим коллегам — народным контролерам из Молдглавэнерго: пусть специалисты подскажут, на что надо обратить внимание, где копнуть поглубже...

Первый же совместный рейд оказался чрезвычайно результативным. Они шли по длинному цеху, слушая ровное гудение электромоторов: нормальный рабочий шум, обычный рабочий день. Однако



опытный глаз контролера энергосбыта подметил отклонения от правил: не все станки работали на полную мощность, а это значит — низкий КПД, электроэнергия расходуется вхолостую. Обнаружили и другие нарушения в использовании энергоемкого оборудования: например, установленные электромоторы кое-где значительно превышали по мощности проектные. Опять же — неоправданный и довольно значительный перерасход электроэнергии.

И так всюду, на каждом участке, в каждом цехе вникали во все, отыскивая щели, куда «утекали» киловатты. Порой казалось странным: вроде бы все понимают важность бережливого отношения к народному добру, отчетливо представляют себе необходимость экономии в большом и малом — а на деле не принимают никаких мер. Вот это, пожалуй, и было самым узким местом на предприятии: не все считали нужным с хозяйской осмотрительностью относиться к расходованию электричества, топлива, материалов. Мол, государство у нас богатое, чего уж там мелочиться... Да только забывают те, кто так думает, что именно они, эти «мелочи», как ручейки, сливаются в реку, имя которой — бесхозяйственность.

Взять хотя бы такое всем знакомое явление, как встречающиеся порой грязные до черноты стекла в окнах и фонарях цехов. Ведь кое-где даже в яркий солнечный день они успешно выполняют роль... светомаскировки, не пропуская лучи света. В таких цехах постоянно горят лампы освещения, съедая немалое количество электроэнергии.

Как-то остановил Кравцов начальника опытного производства, обратил его внимание на грязные стекла, на то, что работникам даже днем приходится работать при свете. А у того просто, как говорится, руки не дошли до этого. Спорить не стал:

— Все сделаем, Григорий Иванович. Можешь завтра своих людей прислать, пусть проверят...

К сожалению, не все руководители и не всегда так реагировали на замечания. Тогда Кравцов шел в партком, по его просьбе вопрос выносили на заседание. Не стеснялся говорить ни о чем, даже о грязных стеклах: понимал, что все это звенья одной, крайне важной цепи.

Зато сейчас вы не найдете нигде горячей днем лампы, а на огромные окна цехов обращают внимание все, кто приходит на предприятие: они сияют чистотой, и стекла их, кажется, не просто пропускают, а притягивают солнечные лучи.

Сейчас уже кажется, что все это само собой разумеется: отмыть стекла, погасить свет, уходя из помещения, выключить местное освещение над станком, прекратив работу. А ведь за каждым цехом, за каждым работником надо было проследить, с каждым поговорить. Через день выпускали сатирические листки, где беспощадно били виновников разбазаривания, невзирая на лица. Случалось, и обижались на него, бывало, что и недоброжелателей наживал своей принципиальностью, нетерпимостью к бесхозяйственности. Сколько раз вслед слышал: «Больше всех надо...»

— Вот то и плохо, что нам, контролерам, больше иных надо. А вот если бы все так об общей пользе пеклись, как о своем добре...

Григорий Иванович подошел к окну, за которым раскинулись заводские корпуса и постройки. Шестнадцать лет отдало этому заводу: в 1966 году пришел сюда Кравцов молодым парнем, только что окончив Харьковский химико-механический техникум. Направил его работать в радиоизмерительную лабораторию и уже через год избрали в головную группу народного контроля. Председателем тог-

да был опытный производственник Ефим Григорьевич Стрымбан. Он внимательно приглядывался к молодому специалисту: нравилось ему, как серьезно тот относится и к основной своей работе, и к общественным делам. Предложил ему стать заместителем. А вскоре Кравцов уже смог заменить своего наставника на посту председателя. И с тех пор все его стремления — заставить свою немалую армию помощников всегда и во всем действовать активно, смело, напористо.

— Надо, чтобы у каждого душа болела за общее наше дело... Чтобы не ждал дозорный, пока вызовет его председатель и скажет: «Пойди, проверь, выясни, доложи...» Надо, чтобы он сам искал: и где явная бесхозяйственность, и где вроде все привычно, благополучно, так нельзя ли как-то улучшить, что-то сэкономить, резервы какие-то выявить. Надо, чтобы все его волновало, чтобы до всего было дело — вот тогда это по-настоящему, без натяжек народный контролер...

Сегодня в цехах и лабораториях «Волны» трудятся 17 групп и 9 постов народного контроля. Их возглавляют настойчивые, чуткие и внимательные люди. Их поиск — неустанный, напряженный — позволил предприятию сэкономить за полугодие около 20 тонн черных и около 10 тонн цветных металлов, сберечь около 150 тысяч киловаттчасов электрической энергии. Достаточно сказать, что в день всесоюзного Ленинского субботника объединение полностью работало на сэкономленных за три месяца материальных и энергетических ресурсах. И сейчас есть хороший задел. В конце года решено всю сверхплановую продукцию тоже выпустить из сэкономленных материалов и на сэкономленной электроэнергии. Над этим сейчас работают все 265 дозорных объединений.

...«Народный контроль рекомендует... Народный контроль указывает...» Эти фразы часто можно услышать и на совещании у генерального директора объединения М. М. Гаршти. Порой предложения дозорных требуют определенного вложения материальных и трудовых затрат, их внимательно рассматривают, включают в производственные планы. Они — первые помощники дирекции во всем, что касается добросовестного, хозяйского отношения к заводскому имуществу.

Результаты их проверок заслушиваются не только на заседаниях группы, но и на парткоме. Надо сказать, что вот уже десятый год Григорий Иванович — заместитель секретаря парткома. Порой случается, что по представлению народных контролеров тот или иной незадачливый руководитель получает даже партийное взыскание. Народным контролерам на предприятии даны большие права. Ведь по закону они могут объявить виновным в нарушениях законодательства общественное порицание, передать дело о проступках работников на рассмотрение товарищеских судов. В особо серьезных случаях они вправе ставить вопрос о наложении на виновных денежного взыскания или о привлечении их к дисциплинарной ответственности, вплоть до отстранения нарушителей от занимаемых должностей. Но они предпочитают не наказывать, а воспитывать.

...В коридоре вокруг «Листка народного контроля» толпится народ. Значит, только что вывесили очередной номер. Общее оживление, слышатся смех, шутки. Вот от стенда отходят двое начальников цехов, на лицах у них явное облегчение — видно, пронесло на этот раз. Зато третьему определенно не по себе. Увидев Кравцова, он направляется к нему.

— Здравствуй! Ты за что меня «повесил»? Что, не мог просто вот так, по-товарищески поговорить, указать?

— Я должен о твоём нарушении информировать коллектив. Ведь нарушение было, не отрицаешь?

— Что было, то было, не спорю, но разве нельзя было...

— Нельзя! Сегодня ты нарушил — я с тобой тихо-мирно? А завтра то же самое повторится в другом цехе. Так и будут одни разговоры? Нет, пусть другие прочитают и примут меры — чтобы не допускать подобного у себя.

Крыть, как говорится, нечем. А начальник цеха недаром так волнуется: за то, что цех попал в «Листок народного контроля», у него снимаются баллы в ходе соревнования... И, погрозив кому-то невидимому («Ну, я сейчас с ними разберусь!»), он быстрым шагом направился к цеху.

— Сейчас наведет порядок! — слышится голос из толпы собравшихся.

Да, не любят попадать в этот «Листок» работники различных служб объединения. И потому стремятся сразу же отреагировать на сигналы, устранить факты бесхозяйственности, нерадивости на своих участках. А именно этого и добиваются народные контролеры и их руководитель Григорий Иванович Кравцов.

Через десять-пятнадцать минут коридор пустеет, все расходится по участкам. Самый обычный день. Работа идет своим чередом. Дозорные — на посту.

МОЛДАВСКАЯ ССР

## СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

Директор Псковского гортопсбыта Л. Ефимова, старший бухгалтер Г. Озерова и кассир О. Николаева организовали преступную группу и стали заниматься хищением государственных средств. С этой целью они оформляли фиктивные наряды о начислении зарплаты работникам в больших размерах, чем выплачивали, а полученные незаконным путем деньги присваивали. Всего ими было похищено 13 тысяч рублей. Помимо этого Ефимова и Озерова постоянно делали приписки к плану. За 2 года они приписали в государственных отчетах более 200 тысяч рублей на якобы выполненные работы. Подобным образом контора была выведена в передовые, в результате чего последовали премиальные. Судебная коллегия по уголовным делам Псковского областного суда приговорила Ефимову к 9, Озерову и Николаеву к 6 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Механик колхоза «Молодая гвардия» Великоалександровского района С. П. Законенко часто ездил на Херсонский комбайновый завод и привозил большие партии запасных частей к сельхозмашинам. У руководства колхоза он считался передовиком. Однако следственные органы выяснили, что Законенко покупал детали у преступников. На заводе бригадир комплексной бригады гальванщиков Ю. К. Погорелый, мойщик участка термической обработки В. В. Войченко и другие организовали преступную группу, участники которой расхищали запасные части и продавали их на сторону. Действовали они более двух лет, похитили запасных частей на сумму более 18 тысяч рублей.

Херсонский областной суд приговорил Погорелого к 12 годам, Войченко — к 10, Законенко — к 5 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Осуждены и другие участники группы.

## ПО ПРОТЕСТУ ПРОКУРОРА

Решением правления колхоза имени Пушкина (Похвистневский район Куйбышевской области) из заработка колхозницы А. Байдюковой удержано 35 рублей за невыполнение распорядка дня и нарушение трудовой дисциплины.

Прокурор Похвистневского района юрист I класса В. Плигузов опротестовал это решение по следующим основаниям.

За нарушение трудовой дисциплины, Устава колхоза или Правил внутреннего распорядка на виновных могут быть наложены взыскания, предусмотренные пунктом 35 Примерного Устава колхоза. Удержание части заработка как мера дисциплинарного воздействия за нарушение трудовой дисциплины законом не предусмотрено.

Незаконное решение отменено. Деньги А. Байдюковой возвращены.

Оператор Ягоднинского районного отделения связи (Магаданская область) Л. И. Чумаченко заочно учится в Хабаровском институте народного хозяйства. С 25 марта по 27 апреля она выезжала в институт для сдачи зачетов и экзаменов. Вернувшись, представила главному бухгалтеру узла связи справку, выданную институтом, и проездные документы. Однако главный бухгалтер Бельх отказала ей в оплате проезда к месту нахождения учебного заведения и обратно, ссылаясь на то, что Чумаченко не представила документ, подтверждающий успешное обучение.

Прокурор Ягоднинского района младший советник юсти-

ции А. Бойков опротестовал действия главного бухгалтера.

Согласно статье 200 КЗоТ РСФСР, администрация предприятий, учреждений, организаций оплачивает обучающимся в заочных высших и средних специальных учебных заведениях проезд к месту нахождения учебного заведения и обратно для выполнения лабораторных работ и сдачи зачетов и экзаменов один раз в год в размере 50 процентов стоимости проезда. В таком же размере производится оплата проезда для подготовки и защиты дипломного проекта (работы) или сдачи государственных экзаменов. Эта оплата производится независимо от результатов обучения.

Незаконное распоряжение главного бухгалтера отменено. В соответствии со статьей 200 КЗоТ РСФСР Чумаченко оплачены расходы по проезду в связи с ее учебой в вузе.

Приказом директора пищевого магазина Московского района горбата Горького старший продавец магазина № 34 В. Цыганова за неявку на заседание комиссии общественного контроля понижена в должности.

Прокурор Московского района старший советник юстиции Н. Земсков опротестовал приказ директора.

Согласно статье 135 КЗоТ РСФСР, дисциплинарное взыскание может быть наложено на работника, нарушившего трудовую дисциплину. Неявку на заседание общественной комиссии нельзя считать нарушением трудовой дисциплины.

Незаконный приказ отменен.

# ВОЗВРАЩЕННОЕ ДЕТСТВО

## ЗАПИСКИ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ

В городе, где я жил после окончания средней школы, был один институт — педагогический. И судьба распорядилась очень просто: я стал педагогом. Почти тридцать лет учу и воспитываю ребятшек. Сколько их прошло через мои руки, через мое сердце! Даже не сотни — тысячи. Сейчас я директор школы-интерната столь необычного типа, что некоторые мои знакомые не верят в его существование. Школа-интернат для детей, лишенных попечения родителей, — вот место моей сегодняшней работы, а лучше сказать, моей сегодняшней жизни.

Мне хотелось бы, чтобы мои рассказы о жизни наших воспитанников заставили задуматься взрослых, отвратили кого-то от небдуманных шагов. Если случится так, то я буду этому только рад. Но самое главное, будет меньше несчастливых детей, будет больше счастья и радости на земле...

## КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМУ

Письмо пришло в интернат из Сибири, где набирается «ума», приобщается к труду мать моего воспитанника Сашули. Я написал «мать воспитанника», это, пожалуй, не совсем точно, так как лучше бы сформулировать «женщина, родившая Сашулю». Знаю, что это жестоко, а многие меня даже не поймут, а возможно, и осудят. Но дело вот в чем. Мы связываем со словом «мама» что-то святое в детской жизни. Заботливые глаза, нежные, ласковые руки матерей, несходящая с их лиц улыбка при виде ребенка. Для матери в нем сконцентрировался весь мир, он — цель ее жизни. Но бывает, к сожалению, и иначе. Подчас о ребенке забывают, ребенок становится помехой.

Сашуля был свидетелем пьянства своей матери. Лишенная родительских прав, она продала из комнаты все, что можно было продать. Остался один диван, на котором удавалось иногда спать и ребенку. Он как-то сказал мне, что и диван она бы тоже «загнала», если бы его кто-нибудь купил. Но его никто не покупал, потому что он обгорел, когда развеселая компания, упившись, подожгла его.

Теперь она оттуда, из Сибири, пишет: «Не ночуй в подвалах и на чердаках, не убегай из интерната». Она учит жить сына на расстоянии, а когда была рядом с ним, то гнала его из дома. Конечно, как пробираться на чердак и спать там по-кошачьи, как забираться в подъезд поздним вечером и, сидя у батареи, дремать, она его не учила.

Этому он учился сам. Она не учила его даже умываться — ей было некогда, ее по утрам мучило похмелье или она до двенадцати, а то и дольше не могла оторвать голову от подушки после бурно проведенной ночи. А Сашуле исполнилось уже десять лет. Ему нужен был дом, а еще больше — настоящие отец и мать. И он завидовал благополучным детям...

Кто же они, родители моего героя? Нет необходимости подробно излагать их биографии. Обозначим только вехи их непутевой жизни.

Было это лет пятнадцать назад. Он — молодой человек, призывается в армию. Его отправили служить в Крым. Солнце, море, горы, как ни тяжел солдатский труд, создают хорошее настроение. В какой-то момент он познакомился с ней — молодой, цветущей дивчиной, краше и лучше которой не было для него на свете. Он почти не знал ее как человека и не пытался узнать, чем она живет. Он, когда пробил час любви, об этом не подумал. Внешне все вроде складывалось хорошо. Они верили и в то, что их ожидает безоблачное будущее. Они считали, что любят друг друга, и поэтому поженились. Окончился срок службы, ему надо возвращаться в Москву. Через некоторое время вслед за ним едет и она. Его родители взяли под опеку молодую семью, жили все вместе. Поступили на работу: она — на завод, он — в таксомоторный парк шофером. Много хлопот выпало на долю его родителей: надо облегчить, помочь устроить жизнь молодым, чтоб было у них поменьше забот, надо побеспокоиться о родившемся Сашуле. Через некоторое время молодым удается получить комнату. Хорошо с родителями, но самостоятельно жить лучше.

Но вот как-то он задержался — какой таксист не перерабатывает. В другой раз друзья попросили — опять припозднился. У него появляется своя жизнь, понимание которой недоступно для нее. Да и хотела ли она ее понять, сказать трудно. Минули месяцы, когда им трудно было жить друг без друга. Он не рвался домой, как прежде, она его с нетерпением уже не ждала. Таксист то утром работает, то вечером занят, а то и ночью развозит пассажиров. Ей же, молодой, красивой, полной энергии, не сидится дома даже с сыном.

Хорошо, когда имеешь мудрых друзей, понимающих, готовых подсказать, как надо поступить. Известно — скажи мне, кто твой друг... Подобрались у нее подруги, у которых не заладилась личная

Владимир Григорьевич Евдокимов родился в 1931 году в деревне Федотово Ивановской области. Педагог по образованию. Преподавал физику и математику в школах Красноярского края, Московской области, руководил несколькими педагогическими коллективами. Награжден орденом «Знак Почета».

Последние девять лет работает директором школы-интерната № 64 для детей, лишенных попечения родителей. Живет в Москве.



жизнь, да и не только личная. Они восполняли свои неудачи пьянками и сплетнями, усугубляя и без того ненормальную обстановку в семье Сашули.

Его отец, возвращаясь с работы, все чаще и чаще не заставлял жену дома. Она приходила поздно и частенько нетрезвая. К тому же никто в трезвенники не записывал и его. Стремление его родителей оградить молодых от лишних забот, взять на себя целый ряд их обязанностей привело к тому, что за четыре года совместной жизни отец и мать Сашули не научились заботиться ни друг о друге, ни о сыне. Они не воспитывали в себе чувства ответственности за семью, за ребенка.

И семья дала трещину. Отец Сашули решил поискать счастье на стороне. Жена, узнав об этом, повела разгульный образ жизни, бросила работу, начала продавать налево и направо все, что было ранее приобретено. Им было не до Сашули, который к этому времени пошел уже в школу. О той любви, которая связывала их некогда, они забыли. Сначала хотели «насолить» друг другу, а потом все пошло по инерции. Комнату они превратили в ринг, где в начале происходили словесные баталии, затем дело дошло и до рукопашной. А обязанности рефери легли на хрупкие плечики Сашули.

Затем его матери стало все безразлично, только в какие-то короткие промежутки времени она вспоминала о сыне, о его жизни. Но это было так редко. Соседи и родственники больше думали о нем. Пробовала что-то сделать и школа. Наконец отец Сашули понял, что ее не спасти. Нет, он не пытался бороться за нее, за семью. Он ушел. Ушел к другой, оставив сына у женщины, которая теряла человеческий облик.

Что произошло дальше? Ее лишили родительских прав, отправили на лечение и работу. У отца новая семья, новый ребенок.

Сашуля попал в наш интернат.

Мне и моим товарищам приходилось его многому учить. Нет, речь идет не о школьных предметах. Его приходилось учить тому, что его сверстники давно уже умеют. Элементарному самообслуживанию. Показывать, как надо работать за столом, готовить уроки, и прививать многие другие жизненные навыки. Мы убеждаем Сашулю, что лучше спать в чистой постели, а не на чердаке, что можно очень серьезно заболеть, ночуя в холодном подъезде, что очень вредно для здоровья принимать пищу только один раз в день, что неприятно окружающим слушать его сквернословие.

Я его увидел впервые у себя в кабинете. В стороне от галдящих ребятишек сидел мальчик. «Новенький». Из-под черных густых бровей на меня нацелились две черные колючие бусинки. Смотрел он исподлобья. Мне подумалось: как же будет трудно сделать так, чтобы на этом детском личике засветилась улыбка. Не часто встретишь у ребенка столь безразличное выражение лица, отсутствие интереса, мне показалось, даже интереса к жизни. Как же так? Как могли взрослые люди убить в ребенке детство? Какие же силы нужны для того, чтобы отогреть маленькую душу, заставить радоваться. Как этому мальчонке помочь уйти от отупения и безразличия? А это надо сделать во что бы то ни стало...

Как-то он вернулся с экскурсии на завод елочных игрушек. Пришел ко мне. В руке держал светло-коричневый шар с нарисованными на нем снежинками. Сашуля протянул мне руку. Улыбнулся...

Никто из нас не скажет, что мы всего добились. Нет, нам еще предстоит большая кропотливая работа. Саша — еще только в пя-

том. Но ему понравилось чувствовать себя человеком. Задачи наши также предельно ясны — после окончания десятого Сашуля должен выйти в жизнь настоящим человеком. И с ним вместе мы этого добьемся.

## БАБУШКА

Мать осталась одна с ребенком. Тяжело? Да. Но как бы ни было трудно, она старалась сделать все для него. Для него жила, работала не покладая рук. Создать новую семью она не смогла. Все заботы о становлении ребенка ложились на ее плечи.

Надо сказать, что те матери, которые впоследствии предстали передо мной как бабушки учащихся нашей школы, обычно несколько упрощенно понимали задачи по воспитанию своих собственных детей. Они кормили, одевали и обували в меру возможностей дочерей и сыновей. Работа и домашние заботы поглощали все время матерей. Рассуждали примерно так: «Мне тяжело, пусть моему сыну или дочери будет легко». А дети не учились преодолевать трудности жизни, не познали, что такое трудолюбие, упорство, целеустремленность. Они умели следить зачастую только за своим внешним обликом, прической, одеждой. Порой уставшая мать через силу что-то готовит на кухне, а цветущая дочь, которая еще в пятнадцать лет начала выщипывать брови, красить губы, носить дорогие туфли, крутится перед зеркалом. Да и сыновья в таких семьях где-то в пятнадцать, а то и раньше курят, красуются в самых модных брюках, которые, как говорили раньше, можно надеть только с мылом. Это была какая-то слепая любовь. По существу, эти дети вырастали беспечными, безвольными людьми. У них не было твердых нравственных устоев...

Проходило время. Дети подрастали. Наступала пора влюбленностей. Матери ребят, о которых я хочу рассказать, вышли замуж очень рано, лет в восемнадцать-девятнадцать. И нашли они себе подобных, людей, к жизни не подготовленных. Конечно, бабушки моих воспитанников приняли к себе молодые семьи. Появились внуки. Бабушки заботились и о них, а родители... Родители продолжали вести беспечную жизнь. А затем... У Юры и у Сережи погибают родители. Скажу только, что виной всему пьянство. Безответственность, полное отсутствие родительских чувств.

Юра и Сережа жили в различных районах Москвы, не знали друг друга. Но оба оказались в интернате. Один — в четырнадцать лет, другой — в пятнадцать. Естественно, у каждого может возникнуть вопрос: «Где же они были до этого, как жили почти десять лет после смерти родителей?»

Когда ребенок остается без родителей, органы опеки решают, как поступить с ним. Возможны два варианта: или поместить его на государственное обеспечение и воспитание, или найти родственников, которые могли бы взять на себя заботу о нем. Первый путь — похлопотней, второй — при наличии желающих более прост. Но вот разумен ли он при всех обстоятельствах, не знаю.

Бабушки Юры и Сережи не хотели, чтобы их внуков передали в детские дома. И обеих женщин назначили опекунами ребят. Правда, примерно через десять лет было принято другое решение — о снятии опеки в связи с тем, что бабушки не могут выполнять обязанностей, определенных для них законом. Возникает, по моему



мнению, закономерный вопрос: «А нельзя ли было подобный исход предвидеть заранее?»

Уверен, что можно. Надо было только проанализировать жизнь этих семей. Совершенно очевидно, что обе бабушки, несмотря на целый ряд положительных качеств, не смогли воспитать своих детей, вырастить настоящих людей. То же случилось и со внуками. Перво-наперво бабушек заботило, как облегчить им жизнь. Обе женщины подыскивали себе работу по совместительству. Они внозь, как когда-то своих детей, ублажали и баловали внуков, требования и запросы которых возрастали с каждым днем. К тому же теперь бабушки жили в отдельных квартирах, и в своем мире они творили что хотели. Как они воспитывали своих подопечных — никто толком не знал. Учителя навещали ребят, но в первые годы учебы общение с ними в домашней обстановке ясной картины не давало: еще не так заметны пробелы в воспитании, к тому же ребенок в это время более склонен приспосабливаться к требованиям преподавателя. И только к 5—6 классу окончательно выявлялись изъяны в воспитании. И вот тогда пришлось лишать бабушек опеки. И мальчики попали в нашу школу.

Нам, по сути, приходится не воспитывать, а перевоспитывать их. Скажем, как избавить Юру от привычки завтракать в постели, так его приучила бабушка, как заставить его ежедневно учить уроки, если он сам не помнит, когда в последний раз открывал учебник. Юра еще читает по слогам, а задания по алгебре для него самая настоящая мука, он не может решить простейшее уравнение. Как, наконец, отучить его от привычки брать чужие вещи, — он до поступления к нам совершил ряд краж...

Следовало всем людям, которые имели хотя бы какое-то отношение к его судьбе, быть более прозорливыми, более внимательными, более решительными. Кто-то, не пожелав обидеть бабушку Юры, сделал, в конце концов, плохо и ей, а еще хуже — мальчику. Показателен разговор с бабушкой перед поступлением Юры в нашу школу. Она сказала: «Что хотите, то и делайте с ним». Она фактически признала, что оказалась не в состоянии быть опекуном Юры.

Почти в таких же условиях жил у своей бабушки и Сергей. Правда, там была одна особенность: в то время, когда она пьянствовала, а это бывало с ней частенько, он пил пиво и курил. Так было заведено у них на первый год: бабушка идет в магазин и покупает себе вина, а Сергею — пиво и сигареты. «Разве своей кровинушке откажешь?» — говорит она. Получая пенсию, она продолжала работать на дому, несмотря на то, что правая рука после перелома плохо слушалась. «Надо Сереженьке что-то купить», — объясняла она. Внук видел, как бабушке трудно, но не стремился ей помочь.

Сергей почти четыре месяца у нас, но это только формально. Он и не у нас, и не у бабушки. Где-то между. Он частенько убегает из школы. Мы его ищем, едем с одного конца Москвы на другой. У бабушки застаем не всегда, чаще он прячется в землянке, оборудованной из погреба в районе новостроек, а то перебирается на чердаки и ночует там. Он к этому привык. И вот этого подростка, безвольного, безответственного, привыкшего к ничегонеделанию, не имеющего никаких жизненных целей, живущего без перспектив, надо воспитать, вырастить полноправным гражданином.

Если Юра любит копаться в велосипедах, мотоциклах — он может часами разбирать, собирать их, то Сергей ничем не увлечен —

он может часами сидеть без дела. Ему трудно учиться — он больше пропустил уроков, чем посетил. Любая нагрузка ему в тягость. Ему надо помочь, научить работать и умом, и сердцем, и руками...

Если бы подобное произошло только с Юрой и с Сергеем, я, может быть, и не поднимал вопроса об этом. Но в последнее время участились случаи, когда бабушек лишают опекуна и их подопечных направляют на воспитание в такие же учреждения, как наше.

Не хочу обижать бабушек, мы благодарны им за многое. Но все-таки им следует учитывать свои возможности в таких вот случаях, о которых написано выше. Мне кажется, что и всем людям, которые решают судьбу ребенка, следует больше думать о его будущем.

Я встречаюсь со многими бабушками, внуки и внучки которых проучились у нас с первого класса, они заботятся о внуках и внучках, берут их на воскресенье к себе, и могу сказать ответственно, что они довольны нашим воспитанием, они благодарны государству за то внимание, которое оказывается детям. И нам, честно говоря, приятно слышать, когда бабушка нашей выпускницы говорит: «Смотрю на Таню, вспоминаю свою дочку — мать Тани и скажу вам честно: внучка лучше».

## БРАТ

Мне самому как-то не нравится, когда племянницы называют меня «дядя Вова», как-то привык «Володя» да «Володя». А тут прибыл парнишка и представился: «Вова». Ну раз Вова, пусть будет по-моему.

Он частенько приходит ко мне в кабинет, садится рядом, слушает, о чем я говорю, нередко «сует свой нос» в эти разговоры, бывает, ездит со мной на машине по делам, гордится, важничает после этого. Он самый настоящий ребенок, несмотря на то, что лет пять назад научился курить, сквернословить, повидал в жизни немало, освоил до прихода к нам, а это было полтора года назад, десятка два подвалов и чердаков.

Я как-то задержался на уроке, ребята писали контрольную: кто просил сказать ответ, кто хотел, чтоб я сразу проверил его работу, кто умолял дать еще минуточку — не успел дорешить. Вхожу в кабинет. За столом в моем кресле — Вова, весь цветет, улыбка до ушей, в руке телефонная трубка. Кладет он ее и говорит:

— В субботу ко мне приедет брат.

— А ты говорил, что он тебя забыл, — отвечаю ему.

Такие разговоры у нас возникают почти каждую неделю. Мальчишка светится радостью в ожидании встречи с братом. Но тот прелезжает редко.

В субботу вечером Вову обычно не узнать. Он не может найти себе места. Случается, и уходит из интерната к брату. Лучше сказать, к дому, где живет брат. К брату он почти никогда не заходит, у брата свои дела, ему не до Вовы. В такие дни Вова, минуя третий этаж, где живет брат, поднимается на чердак. Мы иногда просим брата поискать Вову, и он находит его там.

Как же так случилось? А все, если вкратце, произошло следующим образом. Создалась молодая семья, можно сказать, обыкновенная рабочая семья. И отец, и мать Вовы добросовестно работали, пользовались уважением товарищей. Материально крепла семья.

Появившийся первенец, брат Вовы, был окружен и заботой, и вниманием. Получили новую квартиру. Бывало, отец приходил домой выпивши, но это случалось нечасто. Отец редко занимался с сыном, все больше хлопотала мать, хотя и была уже больна. Но вот лет через восемь после рождения сына она почувствовала себя лучше. Часть забот снялась — мальчик подрос, пошел в школу. Подруги поговаривали: надо родить второго, и тогда поправишься совсем. Может, так бы все и было, если бы не случилось несчастье. Через некоторое время после рождения второго ребенка погибает в автомобильной катастрофе муж. Мать Вовы, конечно, тяжело переживает смерть мужа. Здоровье стало ухудшаться. Она хоть и продолжает работать, но детям уделяла все меньше и меньше внимания. Часть забот о Вове ложится на брата. Он не ропщет, с удовольствием занимается с ним. Мальчишка привязывается к брату, ждет прихода его из школы. Для Вовы брат оказался самым дорогим и близким человеком. Брат начал водить его в школу, с братом он готовил уроки. Брат шел гулять, Вова тянулся за ним, хоть разница в возрасте — девять лет.

А матери становилось все хуже и хуже. Ей уже было не до детей. Помогали родственники, многое по дому делал старший сын.

Особенно тяжело было Вове, когда брат ушел служить в армию. Бабушка, которая стала жить у них, не могла Вове заменить его. Мальчик не находил себе места, перестал ходить в школу, связался с группой ребят старше себя, думая найти в них замену брату. Но не находил. Когда школа стала использовать различные меры, чтобы повлиять на него, уходил из дому, прятался в подвалах и на чердаках. Умерла мать. Хоть мальчишка и не был особенно привязан к ней, он еще острее ощутил свое одиночество.

Но вернулся брат из армии, Вова как-то воспрянул духом. Однако вольная жизнь уже успела затуманить ему голову.

Когда встал вопрос об учреждении опеки над Вовой, брата опекуном не назначили. Он сам к этому не стремился, да ему и не доверили: как сказано в решении комиссии по делам несовершеннолетних, злоупотребляет спиртными напитками.

Вова появился в интернате. Привез мальчика брат, с которым мы договорились, что он будет постоянно навещать Вову, периодически будет забирать его домой. И так было некоторое время. Но вот один раз позвонил, что не сможет приехать к Вове, другой. Стали выяснять — почему. Оказалось, женился. Ему теперь было о ком заботиться.

На наши просьбы о том, что мальчика нельзя оставлять без внимания, брат не реагировал. А Вова чем дольше не видел брата, тем больше тянулся к нему. Вове хотелось побыть дома, увидеть, потрогать все, на что он имеет такое же право, как и брат. Мальчик приходил изредка в свою квартиру, садился на диван и наслаждался разглядыванием того, что было близко ему. У брата родился сын, теперь Вова вообще не был нужен — он просто мешал. И Вова стал ждать брата в интернате. Но тот не появлялся, Вова уходил сам уже, не для того, чтобы побывать в своей квартире, а хотя бы посмотреть на свой дом. Я ездил за ним, видел, как он расстраивается, видел его слезы.

Человек не может жить один, без близких и дорогих ему людей. Мы пытаемся быть близкими людьми для Вовы, но никто никогда не заменит ему брата, близость к которому он ощущал с младенчества.

Конечно, молодая семья, появившийся малыш требуют и внимания, и забот, подчас не хватает времени на все. Но, мне кажется, при всем при этом нельзя забывать о человеке, которому ты тоже очень и очень нужен. Я часто звоню брату Вовы, а тот не может со мной разговаривать, так как бывает пьян. Сколько времени можно было бы сэкономить для благих дел, если бы не расстрачиваться на пьянку.

Теперь подумаем о той моральной и психической нагрузке, которую надо выдержать Вове. Выдержать и не сломаться. Трудно ему. Трудно и нам. Как ему показать и доказать, что существуют непреходящие ценности человеческих отношений. Надо сделать все, чтоб он поверил в это. Надо сделать все, чтобы он и сегодня, и завтра не наносил ран своим близким, да и не только им.

### ЧЕТВЕРО ПЛЮС МИНУС ПЯТЫЙ

За Витей я отправился на машине вместе с женой. Так уж складывается моя работа, что с родными мне совсем мало приходится общаться. Но, естественно, что не только желание побыть вместе руководило мной — мне хотелось заставить этого мальчишку, точнее сказать, подростка, задуматься над тем, сколько хлопот он доставляет людям своими побегами...

Я стоял перед дверью его квартиры, многократно нажимал на кнопку звонка, стучал, но никто не открывал. За дверью слышались шорохи, тихие шаги, приглушенные голоса.

На лестничной площадке было еще три квартиры. На мои звонки в двух никто не отозвался, дверь третьей приоткрылась, выглянула немолодая женщина. Шепотом спросила, к кому и зачем я пришел. Я тоже шепотом объяснил.

— До них вы не дозвонитесь и не достучитесь, — сказала соседка.

Я спросил ее, почему она так тихо разговаривает.

— Мы боимся их, — с какой-то дрожью в голосе ответила женщина.

Подозвала меня поближе к своей наполовину открытой двери и начала рассказывать о тех «художествах», которые творили жильцы за этой неоткрываемой дверью. Многое из того, о чем она поведала, я уже знал: отец — хулиган, алкоголик, мать — тунеядка, алкоголик, брат — пьет, сестра — нигде не работает, и Витя — наш Витя, за которым я приехал. Его я должен спасти, увезти из этой «черной» в моральном отношении квартиры.

Слушая соседку, перебирал в памяти все, что связано с жизнью этой семьи, анализировал свои действия по отношению к Вите.

У него была своя жизнь, нелегкая детская жизнь, но это на наш только взгляд. С ним не справлялись то в одном, то в другом детском учреждении. Писал он под диктовку взрослых кучи объяснений, в которых были тучи ошибок. В каждом обещал, что не будет убегать, будет вести себя хорошо. Убегал из интернатов, из детских домов. Его ловили то в Кунцеве, где он жил на заднем дворе какой-то фабрики, то в Серебряном Бору в старых домах, то на родительской квартире, то у тетки в районе ВДНХ.

В очередной раз, а это было более двух лет назад, его направили в наш интернат.

Мальчишке еще нет и двенадцати, а курить и выпивать он начал давно. Когда? Он даже не помнит — нет, он не скрывает, просто не помнит, и все.

— Был маленьким — отец заставил.

— А сколько лет себе тогда было?

— Не помню. В школу еще не ходил.

Он был свидетелем того, как опускалась его мать, как с ее благословения встала на этот же путь и сестра.

Почитал я, помню, личное дело Вити, поперебирал путевки органов народного образования, посмотрел на него и ощутил и боль, и жалость одновременно.

— Сколько же ты повидал!

Нет, я не думал о том, сколько он выстрадал. Скорее всего он не страдал, так как другого существования не мог себе представить.

Он смотрел на меня как на очередного директора, который через какое-то время от него откажется. Он не изучал меня, ему было безразлично — таких, как я, мимо него прошло много.

У него в голове была одна дума: «Скорей бы все это закончилось, домой надо».

В тот день вместе с Витей из детского дома прибыло еще несколько мальчиков. И я ему много внимания уделить не мог. Определил его в отряд. Кого-то из ребят попросил проводить его в палату, которая должна стать для него надолго частицей его нового дома.

Началась наша совместная жизнь. Учиться он не хотел, да и не мог — не привык. И убегал, пытался творить собственную жизнь на основании того, что видел в своей семье. А мы... мы искали его, находили, привозили то утром, то днем, даже ночью.

Витя, несмотря на все свои «художества», оставался нашим и с нами, никому мы его не отдавали. Он стал к нам привыкать. Мы пытались найти подходы к нему, определить его возможности и способности. Его малейшие успехи стремились поддержать, давали посильные поручения, на первых порах помогая их выполнять, пытались увлечь интересами ребячьего коллектива. Но он убегал. Как-то я ему сказал:

— Знаешь, Витя, я тебя все равно никому не отдам, сделаю все, чтоб ты был хорошим человеком.

Во время многочисленных разговоров с ним я пытался всегда на каком-то примере раскрыть отношение общества к хулиганству, тунеядству, алкоголизму и другим негативным сторонам жизни. Больше того, мне приходилось в его присутствии строго разговаривать со взрослыми, которые нет-нет да и появляются по субботам в интернате для того, чтобы повидаться со своими детьми. Постепенно мы почувствовали, что он меняется, к тому же по нашей просьбе направили на лечение его мать. Он стал понимать, что мы не только говорим, но и действуем.

Все это промелькнуло в моей голове в то время, когда я слушал соседку. Я что-то отвечал, поддакивал. Но вдруг дверь Витиной квартиры распахнулась.

— Здравствуйте, Владимир Григорьевич.

— Ну, что ты не открывал дверь, Витя? Здравствуй.

— Мы боялись, что это милиция.

— А мой голос слышал?

— Да.

— Собирайся в интернат.

— Я сейчас.

Дверь закрылась. За дверью зашпорили. Я прислушался, но ничего не было слышно. На площадке остался один, соседка ретировалась, защелкнув замок.

Ждал минуты две-три, а может, больше, но показалось после долгого стояния под дверью — недолго. Наконец вышел Витя.

— Можно, я завтра сам приеду в интернат.

Но в его словах не было настойчивости, видимо, этим словам его научил кто-то, стоящий за дверью.

— Нет, нам надо ехать домой.

Он не сопротивлялся.

Посадил я его рядом с собой, на переднее сиденье, жена села зади.

Чтобы как-то начать разговор, попросил Витю показать мне улицы, по которым можно побыстрее выбраться к «Соколу». Он со знанием дела объяснил, вспоминая о каких-то своих событиях, связанных с той или другой улицей.

И неожиданно возникла в нашем разговоре теплота, обнаружились общие темы, пока мы добирались до Измайлова. Я познакомил его со своей женой, сказав ему между прочим: вот видишь, когда приходится встречаться с близким человеком, чтобы обсудить домашние дела. На него это почему-то произвело большое впечатление. Жена и Витя разговорились. Она историк и начала рассказывать о прошлом Москвы. Тогда он и сказал:

— Я больше не буду убегать.

И он не убегает после того, памятного для нас вечера.

Живет, учится, у него открылись хорошие способности, появились любимые предметы. Он трудится на радость себе и многим ребятишкам в нашей стране — собирает игрушечные пистолеты, «стреляющие» пучком света. Работает в мастерских, старательно осваивает азы электроники.

Больше он не шумит, не кричит, утверждая, что его родные ведут себя нормально, что в их поступках и действиях нет ничего плохого. Он иногда, по моему разрешению, ходит к сестре, которая живет в квартире теперь одна. Я спрашиваю его:

— А как дела у сестры?

— Сейчас лучше.

— Ну, а все-таки.

— Пошла работать, я ее воспитываю, если она что-то делает не так.

А как-то прибежал ко мне и говорит:

— Владимир Григорьевич, отпустите меня к сестре, она хорошую зарплату получила, хочет мне подарок ко дню рождения купить.

Приехал в новой рубашке, привез с собой новые брюки. Ему скоро будет пятнадцать. У него все впереди. Но у него много и в прошлом. Хочется верить, что он уже не пойдет по пути, приведшему к краху отца, мать, брата, сестру, которая пытается подняться после морального падения...

## ДИМКА

Он молчит, отводит взгляд в сторону, краснеет, если начинают его подхваливать. А то опрокинет на тебя взгляд больших карих глаз, на какое-то мгновение вспыхнет, наклонит голову, что-то

пробубнит. Или выпалит неожиданно: «Да я ничего». Хотя и сказать есть о чем, да вот не может, не любит он о себе говорить.

Дима нечасто навещает меня. Так как все время пребывает в каких-то хлопотах: то ему что-то поручили в отряде, то без него не могут обойтись в классе, то он занят в учебно-производственных мастерских. Придет, спросит что надо и уйдет. Даже не присядет к моему столу, хотя и знает, что здесь можно принять участие во взрослом разговоре, вставить словечко, послушать, как решаются серьезные вопросы, имеющие отношение к жизни всего интерната или кого-то из сверстников. Ему некогда, он весь в движении.

Он не председатель совета командиров, даже не командир отряда — обычный воспитанник-шестиклассник, но без него в интернатской жизни чего-то не хватало бы.

Он обогнал своих одноклассников в росте за последние два года. На его округлившемся лице нет-нет да и появляется улыбка. Он труженик, безотказен. Может работать и сам, может увлечь и других. Среди друзей — ребята, которые моложе его. Чувствует, что этих может убедить, попросить. Старших сторонится, да и побаивается, хотя я не помню случая, чтобы кто-то его обидел. Видимо, это отголоски чего-то старого, когда ему доставалось дома и на улице, когда Дима был беспомощен и физически слаб до такой степени, что его в связи с истощением помешали в больницу. И там «подкармливали» все, кто хоть капельку знал о его жизни, о причинах его появления в больнице. А он то ли в благодарность за это, то ли по привычке готов был для этих людей сделать все что угодно. Выносил мусор, разносил лекарства, убирал в столовой.

Окрепнув, возвращался домой, где он стал лишним, где у девятилетнего Димы были еще трое заброшенных братишек-малышей.

Мать Димки приняла решение, чтобы все ее дети носили разные фамилии. Но кроме разных фамилий у них были и разные отчества. А в официальном браке мать никогда не состояла. Она частенько приходила домой выпивши, искала счастья на стороне, до ухода ли за детьми ей было? Дома хозяйничал Димка, он заменял и мать, и отца своим братьям. Забот у него хватало, а уроки учить он не успевал. Были случаи, когда он не шел в школу и оставался в своей трехкомнатной квартире, если заболел кто-то из младших. Иногда дома нечего было есть. Дима шел к соседям. Добрые люди выручали.

Для Димки эти хлопоты не прошли бесследно — он остался на второй год во втором классе. И в конце концов его направили в наш интернат. Пристроили и младших его братьев в детский дом. Многое изменилось в жизни Димы. У него появилось время на уроки, чтение, увлечения. В обычной школе педагоги нередко наблюдают, как успеваемость в какой-то степени понижается от класса к классу. У Димки все обстояло наоборот: он теперь учится почти без троек.

Он хорошо трудится в учебно-производственных мастерских, вот уже больше восьми лет действующих в нашем интернате.

Сидя за монтажным столом, он учится аккуратности, тщательно, радуется появлению горы коробок с изделиями, гордится, что его труд приносит пользу, что в «Детском мире» игра «Светотир», которую он с товарищами изготавливает, пользуется большим спросом.

Он редко вспоминает мать не потому, что мы что-то плохое о ней говорим. Нет, этого мы не делаем. Мы растим его хорошим человеком. Я не помню случая, чтобы мать появилась в интернате, чтобы позвонила, узнала, как живет Димка, как у него идут дела. Мы стараемся сгладить его тоску по материнской теплоте, ласке, доброму слову. Но в силах ли мы это сделать? Хочется только верить, что, несмотря на это, Димка вырастет и добрым, и отзывчивым, что своих близких он не лишит того, чего сам недополучил в детстве.

## УЛЫБАЙСЯ, ЛЕНА

Только посмотрев второй раз документальный фильм о нас, о нашей работе в одном из просмотровых залов телецентра, я узнал ее, девочку, стоящую у окна в переходе между нашими зданиями, наклонившуюся над раскрытой книгой. Это была Лена. Конечно, кадры, промелькнувшие перед взором зрителя, ничем особым не отличались, являясь каким-то звеном, которое соединило нечто более значительное, показанное в этом фильме. Наверное, кроме нее, меня да еще совсем немногих никто не запомнит этих кадров.

Я не могу подобрать никаких новых броских и точных эпитетов для характеристики Лены. Могу сказать только, что растет девочка, похожая на тростиночку, хрупкая, легко ранимая, на первый взгляд. Кажется, дотронься до нее, и она сломается, малейшая обида — и она заплачет. Лена нечасто смотрит в глаза, но если посмотрит, то чувствуешь, видишь в них запрятанную внутрь боль, постоянную грусть. Девочка редко улыбается, я ни разу не слышал ее заразительного смеха, хотя бывало — смеялись все, а она бросит на меня, на сидящих вокруг ребят взгляд, улыбнется и тут же погасит улыбку, наклонит голову, пока вокруг не успокоятся.

И готов вырваться вопрос: «Что с тобой, девочка? Неужели в свои пятнадцать лет ты не научилась радоваться жизни, тому, что происходит вокруг?» Но этот вопрос был бы вопросом постороннего, а не тех, кто знает ее.

Видимо, по каким-то причинам, может быть, из-за ее сосредоточенности, выбрал девочку оператор для съемок.

Я же хочу о ней рассказать по причинам другим — почему она в интернате.

Все складывалось у ее будущих родителей вроде благополучно. Мать, только что закончившая торговый техникум, встретила с молодым человеком, поллюбившим ее. Возникла новая семья, а через некоторое время родилась Лена. Ничто не вызывало беспокойства, если не считать появившихся иногда у матери «лишних» денег, которые использовались для увеселения. Отец Лены, хотя это внешне и не было заметно, оказался человеком болезненным. Мать на первых порах при его недомоганиях ухаживала за ним, но наступил момент, когда эти заботы стали ослабевать. У нее появились интересы на стороне. Отец перенес операцию. Лена была привязана к нему — многие детские игры, прогулки, прочитанные книги начинались с него.

Но вот наступил момент, когда родители развелись, Отец ушел в другой семье.

Мать сначала была несколько озадачена таким развитием событий, полагая, что ей позволено все и что муж будет привязан к



ней, как бы она себя ни вела. Затем пришло потрясение. Лена была еще мала, не могла объяснить происходящее, а из слов матери она для себя уяснила одно — отец предал их. И настолько глубоко это вошло в детскую душу, что в самые трудные дни ее жизни, несмотря на настоятельные просьбы отца жить у него, она не захотела ни видеть его, ни разговаривать с ним. Я не скажу, что отец стал для нее совсем безразличен, что она не помнила о нем. Нет. Все на свете заслонило его «предательство». Она считает, что он виноват во всем. Лена в свои годы видит многое, лежащее на поверхности, но в тонкостях происходившего в ее семье она не разбиралась, а скорее всего, пока и не может разобраться до конца. Но она говорит, что отец не должен был уходить, он должен был действовать.

— Если он любил маму, ему следовало сделать возможное и невозможное, чтоб в семье все было нормально. На то он и мужчина.

Ну, а мать? Мать, пережив потрясение, недолго мучилась и страдала. Она стала скатываться в ту пропасть, в то болото, которые называются тунейдством, пьянством.

Мать не волновало ни настоящее, ни будущее Лены. Лена училась, а мать, если была трезвой, старалась обходить школу дочери за квартал. Ее беспокоили в это время другие проблемы. Она не думала о том, как воспринимает Лена мужчин, которые периодически заглядывали на стакан водки к матери. Они были безразличны к Лене, как и мать. Лене оставалось одно: уходить к соседям. Хорошо хоть там жила подружка, года на два старше ее. У нее Лена находила понимание, сочувствие, добрые слова.

Лена вырастала, и в душе девочки накапливался протест против той жизни, которую вела ее мать.

Развязка наступила неожиданно — на столе у начальника одного из отделений милиции появилось заявление девочки, в котором она просила арестовать ее мать за плохое поведение, постоянные выпивки, привод в квартиру посторонних людей.

Неожиданный, непредвиденный поступок! А ведь многие старались не замечать безответственного отношения матери к дочери. Терпели соседи, терпела общественность. Не смогла дальше терпеть девочка, которой пошел четырнадцатый год.

Смотришь на нее и удивляешься: где же запрятаны силы, толкнувшие ее на такой шаг? Сколько же надо было вытерпеть, чтобы решиться на это! Сколько выстрадать, чтобы понять то, что и мать предала ее.

Итак, мать отправили в лечебно-трудоустройственной профилакторий, а Лену — к нам в интернат.

Она появилась в начале прошлой зимы. Осеннее пальтишко подчеркивало ее стройность, девочка была бледна, несмотря на то, что первый мороз поддурманил щеки других детей. Она боялась новой обстановки, просила отпустить хотя бы еще на одну ночь к соседям, которые переехали к тому времени на другую квартиру. Она боялась новой жизни...

Прошел год. Хотя на дворе уже декабрь, на улице сыро: снег и вода. Ухожу я с работы поздно — часов в девять вечера. И Лена вместе со своей подружкой Светой пошла меня провожать. Шлепали по лужам, сторонились проносившихся мимо машин. Они взяли меня под руки, и мы шли, болтали о погоде, о делах, шутили, смеялись. Смеялась и Лена. Я слышал ее смех и очень жалел, что свет уличных фонарей не дает мне возможности рассмотреть во всей

красоте ее смеющееся лицо. Дошли до остановки автобуса. Из автобуса я видел их, стоящих на тротуаре и машущих мне руками.

Вас, наверное, заинтересует, как прошел этот год. Тяжело. Тяжело для Лены, тяжело для нас. Она никак не могла привыкнуть к нам. Измучила нас своими уходами.

Подружка-соседка по-своему наставляла Лену, которую стали привлекать независимость, свобода от обязанностей и обязательств, недетские разговоры. Старшая сестра подружки начала водить ее в кино на вечерние сеансы и в дискотеки — пускали, ростом Лена не обижена.

Поэтому наш интернат со строгим распорядком дня, дисциплиной стал тяготить ее. Надо было что-то предпринимать. И в первую очередь подобрать Лене хотя бы подругу. Понятно, что дружба по указанию, искусственно создаваемая, похожа на брак по расчету. Надо было создать атмосферу, обстановку, где бы могла зародиться эта дружба. Не сразу все сложилось. Мы создавали условия, а она помимо них заводила дружбу не с теми, с кем хотели бы мы. Она искала, но не сближалась ни с кем. И когда ей становилось совсем невыносимо, уходила. Мы искали ее. Она сопротивлялась, не хотела идти, пряталась. Умоляла не забирать, говорила, что придет сама, хотя знала, что, если не заберут, не придет. Так уже бывало.

Перевели в другой отряд, где живут хорошие девчонки из ее же класса. Пыталась сойтись с ними, но не сошлась — они дружили давно и, не хотели, чтоб новенькая к ним вклинилась. Кроме того, уж очень правильные — все делали так, как надо. А она делать так не могла, да и не хотела подчас.

Неожиданно подружилась с одной девочкой: ходили вместе, на уроках сидели вместе, в столовой опять вместе, хотя и были из разных отрядов. Но мы не одобряли их дружбу. Новая подружка Лены мало чем отличалась от ее соседки по квартире. При случае мы старались в присутствии Лены осуждать ее поведение. Лена и сама чувствовала, что взгляды и действия новой подружки далеки даже в ее понимании от нормальных. В конце концов они разошлись.

Но подругу все-таки Лена нашла.

Привыкла к интернату. Увидела, что мы ей желаем добра. Поняла, что мы ей близки.

О матери хотелось бы сказать особо. Она вернулась из профилактория, откуда писала весь год очень хорошие письма, в которых ощущалось страдание, осуждение своего поведения, отношения к жизни, чувствовалась боль за судьбу Лены.

Как-то мать пришла ко мне. Была пятница. Сидим, беседуем, говорим о Лене, о ее будущем. Лена здесь же. Больше молчит, изредка вставит словечко. Какая-то настороженность, хотя чувствуется, что девочка довольна — мать вернулась. А мать все говорит, говорит, меня убеждает, как Лене жить, как учиться, как вести себя. Заинтересованность полная.

«Неужели перерождение? Неужели год переживаний, нелегкого труда, год разлуки с близкими сыграл роль? Кажется, да», — подумалось мне.

Мать просит:

— Отпустите Лену проводить меня.

Отпускаю до понедельника.

Наступает понедельник — Лены нет. Мать уехала. Где же Лена?

Нахожу ее опять у бывших соседей. Лена удручена, чем-то словно убита. Беседую с ней.

— А мать-то, как только пришла на квартиру, пригласила Рыжика и с ним пила водку целый день. А я опять ушла к подружке. Ничего все-таки не поняла мать.

Но Лене помогла понять, что мы для нее кое-что в жизни значим. Мы ее не предадим.

# ДОБРЫЙ ДОМ

## ПОСЛЕСЛОВИЕ ПИСАТЕЛЯ

Может ли закон заставить мать любить свое дитя, с нежностью и лаской к нему относиться?.. Сам вопрос кажется нелепым.

Но бывают случаи, когда ради спасения ребенка применяются соответствующие положения закона и родителей лишают родительских прав, поскольку папы и мамы не только не испытывают к своим чадам никаких чувств, но даже не хотят создать им элементарные условия для нормальной жизни.

Интернат № 64 г. Москвы, где живут дети, лишенные попечения родителей, расположен рядом с лесопарком. Здесь воспитываются девочки и мальчики, которым это государственное учреждение должно заменить родной дом и семью, а педагогический коллектив — восполнить материнскую и отцовскую любовь.

Сюда попадают дети из неблагополучных семей — нередко трудные ребята с надломленной психикой, зачастую их приходится не воспитывать, а перевоспитывать. Живут в интернате сироты, но их мало, и дети, которых матери, родив, оставили в роддоме.

У каждого ребенка своя судьба, приведшая его в интернат, но всех их объединяет одно — они не знают родительской любви.

В интернате, как и в каждой школе, десять классов.

Да, жизнь залечивает раны  
И от любви и от войны,  
Но остаются с нами шрамы,  
Которые не всем видны.

Это стихи директора интерната Владимира Григорьевича Евдокимова, на долю которого выпало залечивать душевные раны детей...

Звонят в интернате веселые детские голоса, мелькают беззаботные лица мальчишек и девчонок, в ожидании праздничного торжества явно приподнятое настроение. Отмечаются дни рождения ребят, родившихся в ближайшие дни месяца:

— Как хорошо, что вы пришли именно сегодня, — говорит мне и поэту Глебу Еремееву Владимир Григорьевич. — Малыши сейчас в столовой, там они дают концерт, потом будут чаевничать, а мы пойдем к старшим.

Ученики четвертых и пятых классов собрались в актовом зале. Только что закончились каникулы, и многие из ребят недавно вер-

нулись из зимних пионерских лагерей, а оставшиеся в Москве побывали на елках в Кремле, в Лужниках, во дворцах пионеров, посещали театры, смотрели фильмы, просто отдыхали — катались на коньках (во дворе интерната отличный каток), лыжах, санках, читали книжки. Вот они опять вместе после каникул.

Владимир Григорьевич поздравил ребят с днем рождения, пожелал им здоровья, успехов, счастья и заговорил о том, что ценности в жизни бывают материальные и духовные. Стихи — это духовное богатство.

— Подарки мы вручим в конце нашей встречи, а сейчас послушайте стихи поэта Глеба Еремеева — это тоже подарок вам ко дню рождения.

Какие вдохновенные лица были у мальчишек и девчонок, когда они слушали произведения человека, который, будучи девятилетним мальчишкой, в войну подорвался на mine, потерял зрение, кисть левой руки, но нашел в себе мужество и обрел свое место в жизни. После десятилетки поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, закончил его, выпустил несколько сборников стихов, стал членом Союза писателей СССР.

В зале звучали строки о мире, природе, о любви, детстве. Как рассказал мне позднее Владимир Григорьевич, ребята долго обсуждали стихи, говорили о мужестве, о силе духа, вообще о жизни.

В заключение торжественной части директор вызвал на сцену именинников и преподнес подарки: младшим достались куклы, плюшевые мишки, конструкторы, заводные игрушки, тем, кто постарше, — цветные фломастеры, пластинки...

Потом ребята отправились пить чай с пирогами собственного приготовления. Кроме того каждому, а не только именинникам, был вручен сувенир — пластмассовый домик с конфетами и прочими сладостями.

Государство заботится о детях, лишенных родительского попечения. Они ухожены, обуты, одеты. В интернате хорошая библиотека, есть мастерские, где они приучаются к труду, делают пистолеты, стреляющие светом, и электронные звонки. Воспитанники живут насыщенной, интересной жизнью: почти все занимаются в каких-либо кружках, секциях, ходят в походы, у них отличные, опытные педагоги, но... разве все это равноценно одному лишь нежному взгляду или улыбке матери — самого близкого человека на свете. И самое страшное, что этот человек, может быть, живет где-то рядом и ему нет дела до собственного ребенка, потому что он почитает только себя, свои желания... А девочка стоит у окна, ждет... вдруг мама вспомнит о ней и придет...

В кабинете Евдокимова всегда присутствуют ребята.

К столу, за которым работает Владимир Григорьевич, приставлен второй длинный стол, вот за ним-то и располагаются дети. Если там все занято, то можно сесть на один из стульев, стоящих вдоль стены.

На столе у Евдокимова два телефона, деловые бумаги, счета, тетради. На столе же у ребят — подшивки «Пионерки» и «Комсомолки», карандаши. Дети чувствуют себя непринужденно, иногда включаются в разговор, задают вопросы, просматривают газеты.

Бывает, даже в благополучных семьях родителей раздражает навязчивое присутствие ребенка.

Я провела в кабинете Евдокимова несколько дней и поняла, что дети — это его естественная среда, они не сковывают директора,

их постоянное присутствие не раздражает его... он их любит. Вот они и приходят к нему, как к отцу, без стука и стеснения, но ведут себя достойно — любовь и уважение взаимные.

После унижительного домашнего быта (родители частенько выставляли мешавших им детей за дверь) здесь они учатся заново жить, учатся дисциплине, трудолюбию, доброте, чуткости к окружающим и собственному достоинству.

Общаясь с директором на равных, ребенок чувствует себя человеком, он ощущает уважение к своей личности — в этом глубокая мудрость. Я не слышала, чтобы Евдокимов кого-либо из детей назвал по фамилии, он всех помнит по именам, знает характеры, жизнь каждого ребенка до интерната, и к каждому ищет индивидуальный подход. Он умеет вникнуть в сложную детскую психологию, чтобы выправить надломы, причиненные их родителями.

Детей в его кабинете всегда много, но ведут они себя тихо, не мешая директору работать, если звонят сразу два телефона, то трубку с одного из них снимает кто-нибудь из ребят и очень важным голосом просит подождать, пока Владимир Григорьевич не закончит разговор. Надо только видеть, с какой гордостью дети делают это! Ребята, присутствующие в кабинете, слушая беседы Евдокимова со взрослыми, открывают для себя новый мир. Разговаривая при них об организации ребячьей учебы, быта, отдыха, ведя переговоры о хозяйственных делах, связываясь с различными учреждениями, он ненавязчиво преподает им жизненные уроки. Обыкновенной, человеческой жизни.

Как-то, говоря по телефону о денежных делах, Владимир Григорьевич улыбнулся мальчишке, внимательно слушавшему его, и сказал в трубку: «250 рублей достанем». С каким же торжеством после этой фразы взглянул на меня этот четырнадцатилетний мальчик: мол, вот как у нас!

Подобные разговоры при детях, не ведающих, что такое настоящая семья, учат их думать о хозяйстве, о текущих делах и вообще многопланово развивают их кругозор.

Постоянное общение с детьми обогащает и самого Владимира Григорьевича, ребята преподносят ему уроки непосредственности, бескомпромиссности, искренности и свежести детского восприятия жизни, когда все познается впервые. Поэтому в кабинете всегда царит атмосфера взаимопонимания, ребята не стесняясь говорят о своих делах, учебе, отношениях, советуются, как поступить в той или иной ситуации.

— Я не теоретик, — сказал мне Владимир Григорьевич, — я практик. Иногда взгляд или улыбка сделают больше для ребенка, чем теория, почерпнутая из книг и применяемая в отрыве от жизни, огульно ко всем без разбора.

...В январе на Москву обрушился снегопад. Двор интерната превратился за один день в белую снежную равнину. Было решено, что дороги расчистят старшие ребята. Представители четырех отрядов будут работать по полчаса, так как на всех сразу не хватало лопат. Сразу возник спор — кто пойдет первым. С каждой минутой страсти накалялись, находились десятки причин, почему тому, а не этому отряду надо выйти вначале.

Кому же отдаст Владимир Григорьевич предпочтение? Почему-то я была уверена, поддавшись стандартной формуле мышления: раз директор, то последует просто приказ — пойдет такой-то отряд.

Но Евдокимов погасил разгоревшийся пожар очень неожиданно, весело и просто. Он сказал:

— А это мы сейчас разыграем!

В кабинете сразу же стало очень тихо, и ребята, столпившись вокруг директора, затаив дыхание, следили, как тот рисует график времени.

— Кто будет отгадывать?

Тут же один из мальчиков отошел к окну и повернулся к нам спиной.

Евдокимов поставил точку около отрезка времени от 15.30 до 16.00 и спросил:

— Кто работает в это время?

— Второй отряд, — ответил мальчик у окна.

— От 15.30 до 16 часов будет разгрести снег второй отряд, — директор отметил это на своем графике и поставил точку на отрезке от 14.30 до 15 часов. — А сейчас какой отряд?

— Четвертый, — ответил мальчик.

Вот так проявилась тактичность и изобретательность педагога, и никто не был обижен. Мгновенная педагогическая реакция помогла директору выбрать верное решение.

До двенадцати часов в день проводит Евдокимов в интернате, все время находятся какие-то неотложные дела, и все это время, каждое мгновение от ведет воспитательную работу.

Я была свидетельницей того, как он строго остановил девочку лет четырнадцати, которая несла чай в спальню, и велел ей вернуться в столовую. А через некоторое время я наблюдала совсем другую картину. Есть в интернате десятилетний мальчик, назовем его Ваня, этого мальчика мать оставила в роддоме. Вся жизнь с пеленок прошла у него по государственным учреждениям: Дом ребенка, а по достижении школьного возраста — интернат.

Сначала Ваня отвечал по директорскому телефону, но потом его внимание вдруг привлекли пустые ящики для картотеки, стоящие на гардеробе. Он оставил телефон, полез на гардероб и выдвинул один ящик. Директор подписывал какие-то бумаги и не заметил этого. Но девочка лет двенадцати, сидящая у стены с рукодельем, тут же осадила Ваню:

— Ты куда полез?! Поставь ящик на место!

Владимир Григорьевич поднял голову и, вдруг улыбнувшись, спросил:

— Ты что, ревизия?

Все засмеялись.

Евдокимов не стал читать мальчику нотацию, он просто пошутил по этому поводу, но вложил в эту шутку и глубокую мысль и чувство, я думаю, что это «Ты что, ревизия?» произвело на Ваню более сильное впечатление, чем если бы директор разразился по этому поводу прямолинейно-трафаретным назиданием. Кстати, к шутке, юмору постоянно прибегает Владимир Григорьевич, общаясь с детьми, поэтому частенько звучит в его кабинете смех, дети в остроумии не отстают от своего директора.

После полдника Ваня вернулся из столовой с плюшкой, уселся рядом с директором.

— Слушай, — обернулся к нему Евдокимов, — не люблю, когда около меня жуют.

Ваня посмотрел на него и еще плотнее втиснулся в кресло — уходить он не хотел.

Так не хочется человеку уходить от костра, у которого тепло и уютно.

Владимир Григорьевич понял состояние мальчика и не стал настаивать. Ваня никогда не знал родительского тепла, женщина, родившая его, вручив своего грудного ребенка государству, больше им не интересовалась. А мальчику так нужна родительская любовь, вот он сидит около директора и не может уйти от него.

Много забот у директора интерната, он не всегда тут же может ответить на вопросы ребят, а вопросов множество, поэтому лежит на столе рядом с газетами большой альбом: «Спрашивай — отвечаем». В него записывают ребята вопросы, на которые директор не успевает ответить устно. Отвечает он на них тогда, когда у него есть время. Ребенок, написавший вопрос, придя на другой день, всегда прочитает ответ, написанный Владимиром Григорьевичем.

Каких только тут нет вопросов! «Будет ли бензин в XXI веке?», «Почему мы так рано встаем?», «Почему мальчики плохо относятся к девочкам?». Почему, почему, почему... И напротив каждого вопроса обстоятельный, серьезный или шуточный ответ Евдокимова.

Даже Новый год встречает Владимир Григорьевич всегда в интернате в своей шумной, большой семье, уходит домой он только утром первого января.

Педагоги в интернате опытные, знающие.

Очень много делает для детей Лидия Павловна Лазукова, воспитатель третьего класса. Это квалифицированный, умный педагог и творчески одаренный человек, она занимается с учениками хореографией, помогает им понять поэзию, по-матерински заботится о них.

Зоя Константиновна Копылова, преподаватель истории и воспитатель седьмого класса. Неинтересных уроков у нее просто не бывает, ребята уважают ее, очень много она работает с детьми вне уроков, ведет исторический кружок...

Как-то я разговорилась с четырьмя мальчиками.

— Кто ваш любимый учитель? — спросила я у ребят.

— Чуришин Виталий Андреевич, наш физкультурник! — сказал один.

— Римма Павловна Новикова! — перебил его другой. — Преподаватель литературы, руководитель нашего восьмого класса, хорошая, простая...

— Иван Нилович Буров! — закричал третий. — Учитель труда, мы сейчас лыжи с ним делаем!

— Лариса Васильевна Гудина! — послышался еще один голос. — Нш математик.

Как хорошо, когда так много любимых учителей!

В интернате царит доброжелательная, искренняя атмосфера.

Совет командиров семи разновозрастных отрядов и пятнадцать советов детского самоуправления вместе со взрослыми занимаются делами интерната. Они решают вопросы, связанные с организацией труда (уборка, субботники), контролируют учебу, пресекают любые нарушения, следят за библиотекой, а в ней 20 тысяч только художественных книг и пять тысяч учебников. Есть у ребят даже Совет по охране природы. Ребята создали Музей боевой славы 174-й стрелковой дивизии и награждены за это грамотой Советского комитета ветеранов войны. Спортивная работа также оценена высоко — похвальные грамоты роно, Главного управления народного образования тому свидетельство.

Седьмые, восьмые, девятые классы на все лето уезжают в Крымскую область в лагерь труда и отдыха. Утром до двенадцати часов школьники работают, а затем отдыхают, едут на море или в горы. Хранятся в интернате Почетные грамоты от совхозов и колхозов Крымской области за ударный труд.

Ежегодно 30 человек на сорок дней уезжают в «Артек» и «Орленок», лучшие пионерские лагеря Советского Союза. Остальные же на все лето едут в другие пионерские лагеря.

В весенние и зимние каникулы ребята отправляются на экскурсии по Советскому Союзу — они уже побывали в Ленинграде, Риге, Одессе, Витебске и других городах.

После окончания интерната воспитанники получают от государства жилплощадь и начинают самостоятельную трудовую жизнь. В основном они идут работать в сферу материального производства, некоторые же продолжают учиться и одновременно работают.

Бывает так, что и личное счастье ребята обретают в своем же интернате. Здесь встретились Юра и Ира. Они полюбили друг друга, после окончания школы поженились, получили жилплощадь в Москве.

Сейчас Юра учится на дневном отделении исторического факультета МГУ, работает в интернате ночным дежурным. Ира поступила на завод и на подготовительные курсы, не хочет отставать от мужа.

Владимир Григорьевич продолжает заботиться о своих питомцах даже после того, как они уходят из интерната.

Дети в нашей стране — «привилегированный класс». В соответствующих статьях Конституции СССР закреплены положения, свидетельствующие о той заботе, которой окружено в нашей стране подрастающее поколение. Но создание благоприятных условий для формирования, духовного роста детей во многом зависит от того, насколько взрослые честно выполняют свои обязанности, определяемые статьей 66 Конституции СССР: «Граждане СССР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества...»

Интернат № 64 — это пример того, как закон, наше государство встают на защиту ребенка. Делается все (не говоря уже об огромных денежных затратах), чтобы будущий гражданин страны вырос здоровым, воспитанным, счастливым, а это очень нелегко — сделать счастливым ребенка, которого бросили родители.

О судьбах ребят до интерната, о некоторых сторонах своей работы и рассказал директор интерната № 64 Владимир Григорьевич Евдокимов, и звучат эти документальные новеллы как суровое обвинительное заключение любым проявлениям аморального образа жизни.

**МАРИНА СОКОЛОВА**





# Чужое имя

## ХРОНИКА ОДНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Несколько недель он почти каждый день приходил в прокуратуру Октябрьского района Ленинграда, неуклюже садился у стола следователя Нины Алексеевны Дегтевой, тяжело вздыхал, и бледные губы на его осунувшемся лице начинали мелко-мелко дрожать. Нина Алексеевна понимала, что вызов в прокуратуру — для любого человека нелегкое испытание.

Говорят, что глаза — зеркало души человека. Дегтева уже в который раз возвращалась к мысли об излишней категоричности этого расхожего афоризма. Ни глаза, ни лицо ее собеседника ничего не выражали, кроме отчаянной, безысходной тоски.

За многие годы работы в прокуратуре Нине Алексеевне Дегтевой приходилось встречаться далеко не с лучшими представителями человечества. Всякое бывало. Разные люди, разные судьбы открывались ей за страницами и пухлых, многотомных, а порой «тощих» следственных дел, лежащих в безмолвном нутре старого общарпанного сейфа.

Всякое бывало. И как сквозь колючий терновник, пробиваться к истине, плотно скрытой стеной недоговорок, обдуманных оговоров, ложных показаний и круговой поруки подозреваемых. И, сдерживая себя, выжидать конца искусно разыгранного матерым рецидивистом нервного припадка. И молча записывать в протокол леденящие душу признания убийцы. И, отодвинув в сторону бумаги, забыв о служебном и личном времени, часами разговаривать со сбившимся с пути человеком, стараясь помочь ему осознать, как недостойно он жил.

Разные дела довелось вести следователю прокуратуры Дегтевой, но такого, как это, кажется, не было в ее многолетней практике...

Началось оно с поступивших в прокуратуру материалов КРУ — контрольно-ревизионного управления. В них обстоятельно перечислялись серьезные упущения в хозяйственной деятельности одного небольшого предприятия, которые, по единодушному мнению ревизионной комиссии, заслуживали внимания прокуратуры. К материалам проверки были приложены акты о приписках на сооружаемом хозспособом объекте, о нарушении финансовой дисциплины, незаконной продаже частным лицам строительных материалов.

Хозяйственные злоупотребления всегда трудны для расследования. Личная корысть, не останавливающаяся порой перед тем, чтобы обойти закон, стремление выполнить план даже при недостаточном материальном его обеспечении иногда переплетаются в такой запутанный клубок, распутать который, четко отделить зерна от плевел очень сложно.

Нина Алексеевна распутала этот клубок. Виновные в злоупотреблениях сели на скамью подсудимых, а начальника отдела снабжения предприятия Лифанова было решено не привлекать к уголовной ответственности. Дегтева не нашла в его действиях состава преступления — фиктивные наряды, накладные на незаконно проданные материалы прошли через бухгалтерию в дни его болезни и отпуска. Дегтева была убеждена, что, как должностное лицо, Лифанов проявил излишнюю доверчивость к подчиненным ему людям. Однако для нее было очевидно и другое: он, заслуживающий, возможно, дисциплинарного наказания, неподсуден.

Доложив об итогах расследования, она уже собиралась дело сдать в архив, но в это время в прокуратуру поступило заявление, которое не могло не насторожить. Лифанов, говорилось в нем, выдает себя за другое лицо и живет под чужим именем, скрываясь от правосудия за ранее совершенные преступления.

«Этого еще не хватало! — вчитываясь в строчки заявления, подумала Нина Алексеевна. — Может быть, оговор, сведение счетов? И такое ведь случается...»

Однако в заявлении приводились конкретные факты. Лифанов очень неохотно вспоминает о войне, путается, когда его спрашивают, где он служил и в каком звании. Вызывают подозрение его воинские документы: в одних он значится младшим лейтенантом, в других — старшим. Полная неясность с наградами — говорит, что имеет ордена, а орденской книжки никто не видел. «Живет под чужим именем», — Дегтева еще раз задержалась на этой строчке...

Прокурор поручил Дегтевой проверку письма.

Психологией обвиняемого, как, впрочем, и другими предметами, близкими к психологии, Дегтева увлеклась еще в годы учебы на юридическом факультете. Однажды на семинаре преподаватель предложил студентам по материалам расследованного уголовного дела рассказать о личности обвиняемого.

Целый час скрипели перья, шелестели страницы отпечатанных на машинке протоколов допросов, показаний, характеристик неизвестного гражданина Д. — восемнадцатилетнего парня, совершившего из хулиганских побуждений поджог коммунальной квартиры, в которой сам он жил. А после перерыва началось чтение написанных опусов. Дошла очередь и до Нины Дегтевой. Смущаясь, она торопливо прочла первую страничку общих сведений о Д., а затем стала говорить о том, что заставила притихнуть всю аудиторию.

— Я считаю, что не учтено, например, что обвиняемый с детства был хромым...

В аудитории послышались сдержанные смешки.

— Продолжайте, — подбодрил преподаватель. — Только попытайтесь аргументировать ваши претензии к суду...

— Был хромым, — упрямо повторила она. — Его физический недостаток высмеивали соседи — об этом можно догадаться по прозвищу, которым они наградили Д., — хромоножка...

Преподаватель с интересом смотрел на Нину.

— Не учтено также, что Д. болезненно самолюбив,— продолжала Нина.

— Об этом в деле ни слова не говорится! — крикнул с места кто-то из однокурсников.

— Да,— сказала Нина,— справки такой в деле нет. Но в показаниях матери Д. мимоходом сказано, что он сменил за семь лет четыре школы.

Подводить итоги умению воссоздать по документам психологический портрет обвиняемого преподавателю пришлось уже после звонка. Группа шумела, разгорелась дискуссия: нужно ли быть следователю психологом и что для него важнее знать — как совершено преступление или почему? А причиной этого бескомпромиссного спора были отличная оценка, поставленная Нине Дегтевой за ее психологический портрет обвиняемого Д. Кстати, единственная «платерка» на всю группу...

«Что же я знаю о Лифанове как о личности?» — вспомнив по какой-то странной ассоциации давнишний семинар на юрфаке, задала себе вопрос Нина Алексеевна.

Прежде чем встретиться с Лифановым по поводу поступившего в прокуратуру заявления, Дегтева послала запросы в различные организации, в том числе в горвоенкомат, архив Министерства обороны СССР. Сведения, полученные оттуда, вроде бы подтвердили заявление. Из районного центра, где, судя по паспорту, он родился, сообщили, что документами о нем загс не располагает. Правда, Нина Алексеевна была готова к такому ответу — родной край Лифанова фашисты оккупировали в первый месяц войны и разорили его дотла. Нетрудно было предположить, что ничего не осталось и от районного архива.

Горвоенкомат располагал сведениями на офицера запаса Лифанова, но они отличались от имевшихся в отделе кадров предприятия. Записанные с его слов даты службы в армии не подтверждались никакими документами, сведений о наградах вообще не было. В заявления же, которое проверяла Дегтева, об этом говорилось особо: «Когда Лифанов пришел к нам работать, на каждом торжественном собрании появлялся при боевых орденах и медалях. Но на наши расспросы, за какие боевые дела награжден, ничего путного не сказал, очень был смущен, и вскоре, даже в День Победы, его видели без орденов, с одной-единственной медалью, полученной уже после войны».

Особенно настораживал и как бы подтверждал объективность заявления ответ из архива Министерства обороны СССР: «На ваш запрос о т. Лифанове сообщаем, что его личное дело по полученным от вас сведениям обнаружить не удалось. Советуем обратиться по месту его призыва на воинскую службу».

До встречи с Лифановым, но уже имея ответы на посланные запросы, Дегтева решила поговорить с кем-нибудь из авторов коллективного заявления в прокуратуру. Первой стояла фамилия Мышковой.

— Да, я писала. Разве не имею права сигнализировать в органы? — с улыбкой спросила пожилая, но удивительно моложавая для своих лет женщина, едва успев присесть к столу следователя.

— Почему же не имеете права? — вопросом на вопрос ответила Дегтева.

— Конечно, у нас доказательств нет, это ваше дело добыть доказательства и вывести на чистую воду афериста и проходимца.

А наш долг — не молчать, когда такие люди ходят по земле да еще занимают руководящие должности.

Привыкшая не выдавать своего отношения к эмоциям собеседника, пришедшего в прокуратуру, Дегтева сдержалась, ничего не сказала. Мышкова же заговорила еще напористее:

— Внешность этого самого Лифанова многих вводит в заблуждение. Ягненок ягненком, тихоня, ушибленный жизнью человек. А от суда отвертелся? Говорят, невиновным признало следствие, и сели за него на судебную скамеечку другие, может, в сто раз честнее его...

Дегтева поняла: если она сейчас же не найдет повода отвлечь собеседницу чем-то посторонним, не относящимся к теме их разговора, обличительный монолог Мышковой будет бесконечным. И все-таки за одну фразу в этом потоке слов Нина Алексеевна зацепилась. Произнесенная в сердцах, с большей горячностью, чем все ранее сказанное, эта фраза обнажала какие-то другие мотивы заявления на Лифанова, но только не те, о которых говорилось в заявлении и сейчас, в кабинете следователя.

«Сели за него на судебную скамеечку другие, может, в сто раз честнее его». А не в этих ли словах надо искать ключ к разгадке неприязненного отношения к Лифанову авторов заявления? Ведь они начали подозревать его чуть ли не с первых дней знакомства с ним, что-то около четырех лет назад, когда Лифанов пришел на завод. Подозревали, более того — были уверены в том, что он живет под чужим именем, и молчали. А заявление написали — Дегтева глянула на последнюю страничку, где теснились подписи, — перед началом судебного процесса.

Дегтева побывала на заводе и, чтобы погасить кривотолки и пересуды в коллективе, рассказала о выводах следствия, о том, что Лифанов к уголовной ответственности не привлекается. Вспомнилось, как по залу пронесся вздох облегчения. И поняла: к человеку относятся с уважением. Из ответов обвиняемых и свидетелей она знала, что это сообщение меньше всего устраивает тех, кому грозит скамья подсудимых. Прекращение уголовного дела на Лифанова лутало их карты. Им нужен был Лифанов-обвиняемый — тогда маячила надежда хоть часть своей вины сальтить на него — как ответственного должностное лицо, а самим остаться в скромной роли доверчивых исполнителей его распоряжений.

Мышкова продолжала говорить без остановки и пауз. Дегтевой дважды пришлось повторить вопрос:

— Кто из ваших родственников или близких знакомых был осужден?

— Когда? — не сразу отозвалась Мышкова.

— На недавнем процессе по делу о хозяйственных преступлениях на вашем заводе?

Чувствовалось, что вопрос застал женщину врасплох. Видно, она же ожидала его и сейчас прикидывала, как лучше ответить. Но Дегтева и без ответа поняла, что попала в точку. И как она сразу не догадалась, что перед ней сидит не бескорыстный обличитель, а человек, настроенный против Лифанова, возможно, даже мстивший ему.

— А какое имеет значение — осудили или не осудили? — взяла тоном выше Мышкова.

— Действительно, не имеет, — согласилась Дегтева. — Но уж та-

кая у нас, следователей, работа. Расследуя заявление, мы хотим узнать: а что за человек его написал, ради чего он это сделал?..

Лицо Мышковой пошло розовыми пятнами, на лбу заблестели бисеринки пота.

— Я вас поняла,— твердо и многозначительно-спокойно сказала она.— Вы обелили преступника Лифанова во время следствия и теперь выгораживаете его опять. Странную позицию занимаете, товарищ следователь. Очень странную...— Она поднялась, вскинула руки и прижала пальцы к вискам.— Но ничего, ничего! Я буду писать выше! И на вас управу найдем!

От деланного спокойствия Мышковой не осталось и следа. Последние слова она произнесла угрожающим шепотом и вышла. В кабинете остался лишь запах дорогих духов и на столе — скомканный крохотный носовой платок.

...И вот теперь Лифанов снова сидит перед столом Дегтевой. Та же готовность отвечать на вопросы следователя, а в глазах — тревога. Четыре часа, казалось бы, откровенного разговора — и никаких прояснений! Мало того, все, о чем говорил Лифанов, еще больше запутывало расследование.

— Вы можете представить документы на ваши награды, например, орденскую книжку?

— Нет, где-то потерялись. Я не придавал значения...

— А награды получены за что?

Лифанов молчал, потом выдавил:

— Не... помню. Госпиталь — помню.

— Какой?

— Не знаю точно... Потом демобилизовали.

Долгое молчание, руки нервно мнут лежащую на столе пачку сигарет, табак сыплется на бумаги, на колени. И, наконец, ответ:

— Война была... фронт, не знаю точно, где был...

Лифанов не мог представить следователю ни одного документа, не внес ясности ни в один из вопросов, которые длинным столбиком выстроились в записной книжке Дегтевой.

«Госпиталь... госпиталь...» — Дегтева поняла, что расспрашивать долее не стоит, глянула на притихшего по другую сторону стола Лифанова.

— Константин Харитонович, вы не огорчитесь, если мы прервем наши встречи дней на десять? А потом я вас вызову еще раз.

— Сюда, в прокуратуру?

— А куда же еще?

Лифанов устало закрыл припухшие глаза, в которых не было уже ни надежды, ни веры.

...Прокурор не сразу понял, о чем с такой горячностью докладывает ему следователь Дегтева.

— Постойте, постойте,— перебил он ее, догадываясь, что слово «невиновность» Нина Алексеевна употребила неспроста.— Вы убеждены в том, что Лифанов вне подозрений?

— Абсолютно убеждена.

— Психология?

— Точно,— засмеялась Дегтева.— Преступники — вы же сами не раз говорили — врут более или менее складно, какую-нибудь версию сочиняют. А у Лифанова даже захудаленькой версии нет.

— Что же вы предлагаете? — спросил прокурор, чувствуя, что Дегтева осторожно, исподволь «готовит начальство» к выполнению какой-то просьбы.

— Следы вины или невинности Лифанова надо искать не в его памяти, а на полках архива.

— Допустим,— кивнул прокурор.— Ваше предложение?

Дегтева молча положила перед ним запрос в архив Министерств обороны СССР.

«Уважаемые товарищи,— прочел вслух прокурор.— Я не знаю, кому из работников архива будет поручено дать ответ на поставленные прокуратурой вопросы. Не знаю также, удастся ли вам найти какие-либо документы о военном прошлом Лифанова Константина Харитоновича. Но я убедительно вас прошу сделать все возможное для того, чтобы поиск не ограничился лишь подтверждением: Лифанов служил или не служил в армии. Речь идет о защите чести и достоинства человека. В вашем первом ответе указано, что лично дела обнаружить не удалось. Возможно, что в силу объективных обстоятельств военного времени (передислокации частей, выбытия раненых воинов в госпитали и т. д.) таковое отсутствует. Пожалуйста, просмотрите все, что может пролить свет на участие Лифанова в боевых действиях, на прохождение им службы (возможно) в разных воинских частях, на его пребывание в разных госпиталях и т. д. Старший следователь Дегтева».

— Согласитесь, Нина Алексеевна,— сказал прокурор, закончив чтение,— что ваше письмо слишком эмоционально и... как бы вам сказать... не очень похоже на официальный документ, исходящий из прокуратуры.

— Согласна! — горячо заговорила Дегтева.— Но иного выхода у нас нет. Или мы убеждаем работников архива, что вопрос, поставленный нами, требует большого человеческого участия, даже больше того — соучастия в беде Лифанова, или расписываемся в своей беспомощности, в невозможности восстановить его честное имя...

— Наверное, вы правы,— задумчиво сказал прокурор. И решительно подписал запрос в военный архив.

Письмо следователя Дегтевой нашло полное понимание у работников архива. Даже Дегтева, имевшая представление о сложности и запутанности розыска, не подозревала, какую огромную поисковую работу провели эти люди. Они просмотрели кипы документов воинских частей, в которых предположительно мог служить человек по фамилии Лифанов, призванный в армию в первые дни войны с фашистской Германией военкоматом района, где он родился и тогда жил.

Как будто всю войну прошли работники архива вместе с воинскими частями, документы которых они листали. Боевые донесения, написанные порой огрызком карандаша, списки (все время меняющиеся) личного состава, приказы, представления к наградам, не врученные адресатам письма...

После нескольких дней поисков вдруг обнаружилась крохотная страничка — упоминание в боевом донесении фамилии младшего лейтенанта Лифанова К. Х. Но эта бумажка не могла ответить на главный вопрос: тот ли это Лифанов, что живет сейчас в Лейнинграде?

Найдены новые документы, в которых говорится о младшем лейтенанте Лифанове: представление к награде, предписание выполнить задание, опять представление к награде и, наконец, ценная находка — история болезни, а в ней — сведения о ранении. Это уже

не пустяки. Ранение оставляет след — медицинская экспертиза разберется, есть ли у ленинградского Лифанова такая метка войны. А потом удалось обнаружить и фотографию Лифанова, и медицинское заключение после того, как он получил тяжелую контузию. Врач констатировал провалы памяти на периоды, предшествовавшие контузии. Но там же было высказано предположение, что со временем здоровье восстановится... Так оно и произошло...

«Дело о чужом имени», как называли в прокуратуре проводимое Ниной Алексеевной Дегтевой расследование, не прибавило ей ни славы, ни служебных поощрений. Не попало оно и в число «ярких» примеров, которые обычно приводятся для оживления выдержанных в строгих юридических канонах отчетов и докладов. Никаких громких разоблачений, никаких сенсаций.

Но сама Нина Алексеевна Дегтева памятью, сердцем нет-нет да и возвращается к «делу Лифанова». И тогда ей почему-то вспоминаются не отдельные перипетии этой истории, даже не сам Лифанов, даже не его подлые обидчики, а строчка из их «разоблачительного» письма в прокуратуру. Всего одна фраза: «...И вскоре, даже в День Победы, его видели без орденов, с одной-единственной медалью, полученной уже после войны». Идя дальше от этой строчки, представляются Дегтевой лица «разоблачителей», их каверзные вопросы Лифанову, его смущение и растерянность, их шепоток за его спиной. Какова же должна была быть его боль, его замешательство, если он решил не носить заслуженных наград! Люди не похожи друг на друга и в различных ситуациях поступают по-разному. И бывший бесстрашный боец, храбрый воин ступал перед открытым хамством, оскорблением. Не смог постоять за себя. А может, не счит возможным? Или не хватило душевных сил доказывать, что во время войны честно и доблестно выполнял свой солдатский долг.

Что ж, а долг следователя в том, считает Дегтева, чтобы выявить истину.

Так закончилось «дело по обвинению Лифанова в подделке документов на чужое имя». Сам же он, думалось, и не подозревал, какую огромную работу провела следователь Дегтева, сколько душевного беспокойства и нелегких забот принесло ей это дело.

Но как-то вечером в кабинете Дегтевой зазвонил телефон. Она сняла трубку.

— Нина Алексеевна? — послышался чем-то знакомый немолодой мужской голос.

— Да, слушаю.

— Спасибо вам большое, запомню на всю жизнь...

Нина Алексеевна узнала говорившего.

— Ордена теперь носите? — спросила тихо.

— Да. С гордостью. Спасибо, — и повесил трубку.

Нина Алексеевна представила его смущение, его застенчивую улыбку, поэтому и не перезвонила. А ей так хотелось сказать: «Это вам спасибо, фронтовикам. За то, что жизни не жалели, что мир отсталяли. За победу — поклон до земли».



## СТАРЫЙ МОТОЦИКЛ

В тот день Татищевским районным народным судом должно было рассматриваться гражданское дело о взыскании ущерба, причиненного использованием в одном из хозяйств района недоброкачественных посевных семян подсолнечника. Судья Александр Иванович Плетнев познакомил меня с материалами, раскрывающими бесхозяйственность, которая обернулась для общества значительным ущербом.

Но к назначенному часу не явился основной свидетель, поэтому разбирательство перенесли на более позднее время. Плетнев раскрыл другую папку и попросил пригласить в кабинет истца по сле-



дующему назначенному к слушанию делу об истребовании имущества собственника из чужого незаконного владения.

Вошел пожилой, низкого роста угрюмый мужчина. Стянул с собой головы шапку, молча сел на предложенный стул.

Наверное, незачем называть подлинное имя человека, чью фамилию носят не только дети, но и внуки. Да и не в фамилии дело. Затаянная им тяжба оказалась весьма необычной. Даже не из-за предмета имущественного спора: старого неисправного мотоцикла, — ощущалась какая-то безысходная непоколебимость истца.

— Сегодня суд должен рассматривать поданное вами исковое заявление. Свидетелями приглашены ваши сыновья. Не передумали?

— Чего передумывать-то?

— Все же близкие люди, свидетельствовать они будут против вас, понадобится публично обговаривать очень личные вопросы.

— Вот и разбирайтесь, если суд.

— По-прежнему настаиваете на иске?

— А как же. Мой мотоцикл, я за него деньги платил!..

— Суд непременно во всем разберется, вынесет справедливое решение. Мне просто хотелось помочь вам сохранить отношения с детьми. К тому же мотоцикл негодный для пользования.

— А чего дети, чего дети!..

Я читал материалы по исковому заявлению Степанова. Пятнадцать лет назад он приобрел мотоцикл «Ява-250» без коляски. При перемене места жительства поставил его в сарае сестры покойной жены, где тот простоял восемь лет, и вот хозяин вспомнил о нем, пожелал взять, но свояченица вдруг предъявила права на старый мотоцикл. Вызванная в суд родственница объяснила, что когда-то на ее деньги сыновья Степанова купили для «Явы» мотор, что она согласна возратить мотоцикл при условии выплаты ей своим двучсот двадцати рублей.

В зале судебного заседания собралась немногочисленная публика, до начала разбирательства велись негромкие разговоры, и по ним можно было определить кто есть кто.

Тихая перебранка между Степановым и пожилой круглолицей женщиной обозначала истца и ответчицу. Неподалеку от них располагались двое молодых мужчин — сыновья Степанова.

Трудные дела — эти имущественные споры. Почти за каждым — сложная жизненная ситуация. Суд разбирается в разногласиях сторон, с помощью законов устанавливает истину. А какой статьей или параграфом можно согласовать глубоко нравственные расхождения между истцами и ответчиками?

Незадолго перед тем в одном из народных судов Саратова на бракоразводном процессе «стороны» скрупулезно делили мебель, посуду, постельные принадлежности. Бурное столкновение вызвало одеяло верблюжьей шерсти. В конце концов его заполучила чрезвычайно агрессивная истица. Но и ее я встретил потом на лестнице, зажимающей платочком рот, чтобы не рызаться.

Каждая тязба между некогда близкими людьми — драма. Однако спор из-за старой «Явы» не предвещал накала страстей, слез.

Из отрывочных реплик обнаружилось, что сыновья Степанова жили отдельно, вполне благополучно. Да и ответчица, чувствовалось, упорствовала с возвращением мотоцикла владельцу, как говорят, из принципа. Деньги племянникам на мотор она давала давно, и, не затей свояк спор, «Ява», наверняка засиженная курами, так и продолжала бы стоять в сарае.

— Господи, на старости-то лет позорище,— вздохнула ответчица.— Хоть бы Лешку, Пашку по судам не таскал. Ребята-то при чем?

— И ребята с тобой заодно,— угрюмо отозвался истец.— Ишь, поставили они другой мотор! Я их просил менять? Кого спрашивались?

Степанов говорил о сыновьях как об отсутствующих. А те сидели через скамью от него и подчеркнuto не смотрели в сторону отца. Явно смущенные присутствием посторонних, оба держались рядышком. Вместе выходили курить на крыльцо, неслышно перекидывались словами.

Ну вот что, думалось, могло внести отчуждение между отцом и детьми? Степановы не относились к категории людей, способных судиться из-за баракла. Трудяги, случайной попавшие в круговорот судебного дела. И в рассуждениях их больше угадывалась обида, чем целенаправленная расчетливость.

— Не мои б деньги, в жизни не купил бы того мотоциклета,— продолжала сокрушаться своим положением ответчицы женщина.

— Я у тебя просил те деньги? Да и сколько ты там дала?

— А по сколько брали и не вертали?

Тягучая, полная мелочных упреков ссора родственников. Но, слушая помимо желания, я начинал кое-что уяснять из истории семьи Степановых.

История, в общем, выходила незатейливая. Сколько жили, столько не выбирались из нужды: пил хозяин. Любил гульнуть. Причем загуливал капитально. С битьем жены, детей, окон, с уходом из семьи и не менее шумными возвращениями. После одного подобного загула Степанов и вздумал обзавестись личным транспортом. Деньгами, разумеется, не располагал. Жена попросила взаймы у сестры, так появилась на свет уже известная «Ява». Приобретение семью не упрочило, а лишь добавило неприятностей. Под водительством хозяина мотоцикл имел обыкновение ездить не по прямой, поэтому на его пути частенько оказывались заборы, столбы и прочие, не на месте расположенные объекты. Хозяин лютовал, вымещал на домочадцах неудачи. Тем не менее семья продолжала сохранять видимость существования, пока не умерла жена Степанова. С тех пор он, по выражению свояченицы, «закатился» и утратил к мотоциклу всякий интерес...

Здесь, как говорится, выжимки из ненароком услышанного в зале до начала судебного заседания. Впрочем, пререкания сторон постепенно становились серьезней.

— Ты за мотоциклет драный меня сюда притащил, а тебя самого судить надо!

— Это за что ж?

— А то не знаешь! Вон Лешка с Пашкой тут сидят, не больно хвост подымай.

— Лешку с Пашкой против меня не настропалаяй, слышь? Мы без тебя разберемся...

К столику возле окна прошла секретарь с бумагами и объявила:

— Прошу встать, суд идет!

Председательствующий выполняет положенные процедуры, из зала временно удаляются свидетели. Судья по форме справляется, настаивает ли истец на своих требованиях, признает ли ответчица эти требования. Нет, стороны не хотят кончать дело мировым соглашением.

По мере выяснения фактов, связанных с правами на владение мотоциклом, передо мной по-иному открывалась личность истца. Степанов оказывался ценным на производстве, с многолетним стажем бульдозеристом. Там он вовсе не слыл пьяницей или прогульщиком, как я, сознаюсь, представлял. Овдовев, не жил дома, при подросших сыновьях считал возможным заново устроить личную жизнь. До мотоцикла ли. Поставил в сарай к свояченице и забыл о нем.

Суд, разумеется, интересовали только обстоятельства по рассматриваемому заявлению. Судья последовательно уточнял подробности. Задавал вопросы истцу и ответчице: когда был куплен мотоцикл, сколько стоил, почему восемь последних лет находился не у владельца.

Степанов объяснял хмуро, односложно. Председательствующий терпеливо переспрашивал, просил повторить ответ внятней.

— Так мотоцикл вы, Степанов, купили в шестьдесят шестом году на свои деньги или нет?

— Ну.

— Отвечайте по существу: на свои или не на свои деньги?

— Ну, на свои.

— Ох, где ж твои бесстыжие глаза!.. — всплеснула руками ответчица.

Плетнев строго постучал ручкой о стол, призывая стороны к порядку.

— Скажите, ответчица, сколько вы дали свояку на приобретение мотоцикла?

— Двести пятьдесят. Рублик к рублику. За ради сестры...

— Степанов, вы получали от ответчицы двести пятьдесят рублей для приобретения мотоцикла?

— От нее ничего не получал, пусть хоть чего болтает.

— В руки ему не передавала, врать не хочу, а приходила за деньгами сестра...

Деталь за деталью собирался достоверный, необходимый правосудию материал. А я ждал допроса свидетелей — сыновей Степанова. Не установления истины в спорном вопросе, который призван разрешать только суд, ждал я, — для меня все больше становился значительным конфликт между отцом и взрослыми детьми.

Теперь Степанов уже не выглядел безнадежным пропойцей. Деньги, которые требовала с него ответчица, тоже оказывались им не присвоенными. К тому же переданная ею сестре сумма составляла лишь малую часть стоимости «Явы».

Не изменил моего отношения к делу и допрос первого свидетеля — старшего сына истца, Алексея. Приглашенный в зал заседаний, он подошел к стойке перед судейским столом, сообщил положенные сведения о себе. При этом сын ни разу не взглянул на отца.

Свидетель заметно волновался. Отвечал на вопросы подчеркнуто сдержанно, с видимой неохотой и желанием скорее освободиться от тягостной обязанности. Лишь перечисляя неисправности поставленного несколько лет назад отцом на хранение к тетке мотоцикла, немного оживился.

— Стучал цилиндр, передняя вилка была согнута...

— А кто согнул, кто согнул — запальчиво перебил отец.

Плетнев сделал замечание истцу, и тот обиженно нахохлился.

Из последующих ответов свидетеля стало вырисовываться техническое состояние спорной «Явы». Сыновья пользовались мотоциклом, Алексей не отрицал. Но вместе со сведениями о давным-давно побитой «Яве» в его репликах проскользнула откровенная неприязнь к отцу.

В отличие от старшего брата выступавший затем свидетелем Павел оказался словоохотливей. Шофер по профессии, со средним образованием, Степанов-младший рассказал о неисправности мотора стоявшей в сарае «Явы», о совместных с братом попытках отремонтировать двигатель.

— Позвольте, свидетель. Вы это делали по разрешению или поручению отца?

— Так по какому поручению, если он к нам не ходил.

— Другими словами, вы с братом ездили и ремонтировали не принадлежащий вам мотоцикл без разрешения владельца. Я вас правильно понял?

— Правильно. Так он, я ж говорю, как мать умерла...

— Позвольте, позвольте. Что произошло с мотором мотоцикла?

Плетнев был обязан выяснять лишь обстоятельства, помогавшие объективному разрешению имущественного спора. Высказывания истца, ответчицы, свидетелей допускались им только в пределах интересующих суд вопросов.

Александр Иванович судействует в районе один, заниматься приходится многим, и все же среди проходящих уголовных и гражданских дел его особое внимание, я знал, привлекают те, в которых затрагиваются проблемы семьи.

Дела о несовершеннолетних, бракоразводные процессы, раздел имущества, взыскание алиментов... Плетнев всегда не просто исследует материалы, сопоставляет факты, а старается понять скрытые причины человеческих поступков.

Но судья должен оставаться судьей — беспристрастным, предельно внимательным к доказательству обеих сторон.

— Скажите, свидетель, считаете ли вы истца владельцем мотоцикла?

— Какой же он владелец, если мотоцикл уже не весь его! Если тети Клашин мотор стоит! Не ее, пускай, за ее деньги купленный.

— Я Клавдю не просил менять движок! Она, может, захочет пуговицу вот пришить к моему пиджаку, так я после снимай и отдавай? Пускай суд по закону решит!..

Несмотря на непозволительную горячность, истец рассуждал правильно. Закон объективен, а представляющие его судьи руководствуются не эмоциями и умозрительными заключениями. В строгом уединении совещательной комнаты им предстояло сопоставить мнения и выбрать единственно соответствующее закону решение.

Так вот, когда председательствующий и двое заседателей удалились на совещание, в зале разразилась уже никем не сдерживаемая свара между истцом и ответчицей. Они по-своему начали доказывать и опровергать факты, приводить свои доводы.

— Вон-то как обернул! Денег он у меня не просил. А кто по рублю да по трояку вечно брал? Мотоциклет что! Тебе перед детьми ответ держать надо!

— Это с них мне причитается. Переднюю вилку кто согнул, я?

— А кто же? — сурово отозвался старший сын. — Забыл?

— Мне забывать нечего. Какой был мотоциклет, такой и вертайте.

— Вдвоем же тот раз ехали. Напился ты, говорю, давай я за руль сяду. Не послушался, в канаву заехал, свалились.

— Не я — ты тогда напился. Надо было на суде рассказать, как теперь пьешь.

— Пью, да на свои, а тебя завидки берут. Ходишь клянчишь на бутылку. Не поим с Пашкой, вот и бесишься.

Выслушивать семейные дразги не очень-то удобно, но и в коридор доносилась громкая перебранка Степановых. Ругались уже не из-за мотоцикла — припоминали прежние обиды. И чем дальше, тем горячее.

Невольный слушатель, я проникал в суть драматических отношений близких по крови людей. Сводилась она к буквально изуродованному некогда детству двух мальчишек — сначала пьяными скандалами отца, частыми побоями, бесконечными недостатками, а позже — совместными выпивками.

О них теперь говорилось как о чем-то обыденном.

— Это когда ж я просил у вас бутылку?

— На майские кто приходил опохмеляться? — слышался голос младшего сына. — Не посадили за стол, вот и вспомнил про свой драндулет.

— Дранду-улет! А сколько ты, поганец, гонял на ем, слово тебе сказал про то? Сто грамм пожалел отцу налить. Совесть потерял.

— Помалкивал бы уж про совесть. Все из дому тащил, сколько раз голодными оставлял.

— Чего болтаешь, чего болтаешь...

— Вон Лешка может сказать. Мамка умерла — больше не завился.

— Я с вами еще полгода жил, посла матери-то.

— Брось, не надо.

— Ты мать в гроб вогнал, — хрипло проговорил старший сын, — еще с тетей Клашей судиться начал. Мы без нее вовсе пропали бы. Она нас двоих тянула. На кого в суд подал, подумал бы.

— Мотоцикл мой! Потому как на меня все документы выписаны. Все у них там есть — и справки из ГАИ, и чего хочешь!

— Да забирай его от меня Христа ради, только б уйти поскорей отсюда.

— Я ни с кого лишнего не требую. Мое — вертай!

— А простыни твои были? — Голос младшего сына.

— Какие еще простыни?

— Из-под мамки вытаскивал. За бутылку самогонки снес. Забыл?

— Одеяло тоже забрал, — подсказал старший сын.

— Не помню чего-то такого. Наболтать всяко можно...

— Ты многого не помнишь. Вот теперь и вспоминай. Чего мы ели, в чем в школу ходили да как уроки ты нам давал готовить.

— Сейчас нас за ржавую рухлядь в суд таскаешь, а мы с пацанства проходили в дырявых резиновых сапогах, полуголодными бегали. И все из-за тебя...

— Потому и бегали, что мать никогда как след не варила. А то она хорошая осталась, а я, получается, плохой.

— Ты мамку хоть теперь не тронь.

Слово по слову, складывалась удручающая картина прожитой человеком жизни. Нелепой из-за постоянного пьянства, затяжных гульбищ. Степанов-старший по давней привычке хорохорился, но уже выглядел жалким в собственном одиночестве.

До него, возможно, только теперь, на склоне лет, доходило осознание тяжелой ответственности за исковерканное детство сыновей, вины перед покойной женой.

Вернувшись в зал заседаний, я посмотрел на Степанова. Он словно бы еще уменьшился росточком, побеленная седина голова глубже упряталась в приподнятый воротник пальто.

Спор тут явно приобретал другую значимость, чем взыскание имущества из чужого владения. Меркантильность интересов уже казалась очень условной, за ней возникало стремление людей к нравственной переоценке куда более важных понятий. Хотя все сводилось к ожиданию: кому достанется злополучная «Ява».

Конечно, опять же только суд мог подвести черту под перечнем претензий сторон. Но еще до конца совещания судей ее по-своему подвели между собой те, кому рано или поздно пришлось бы это сделать.

Из официального истца владелец «Явы» постепенно превратился в ответчика. Ответчика по крупному счету. Понимал ли Степанов, что по предъявленному сыновьями встречному «моральному» иску ему предстояло расплачиваться до конца дней своих и, вообще, что его еще ждет самый страшный приговор — отречение сыновей?

...Прошла к столу возле окна секретарь, попросила всех встать. После совещания в зал возвращались судьи.

Стоя под государственным гербом, Плетнев читал судебное решение. Устанавливалось право истца на истребование мотоцикла «Ява-250» без коляски из чужого незаконного владения. Суд обязывал ответчицу вернуть указанный мотоцикл с означенным номерным знаком, номером рамы, двигателя и уплатить судебные расходы в сумме семидесяти двух рублей.

— ...Решение может быть обжаловано в течение десяти суток. Все, товарищи.

Мне нужно было встретиться с Плетневым. Проходя по коридору, я услышал знакомые голоса:

— Ладно, скажи, что ты еще от нас хочешь?

— Я вам отец, вы должны мне...

— Ничего мы тебе не должны, запомни. Придешь, если нальем тарелку супа, то скажешь спасибо. Понял?

— Эх вы. При чужих людях....

Вот он, вынесенный «приговор».

Меня интересовало мнение судьи об итогах конфликта, породившего прослушанное дело. Александр Иванович считал, что трагедия, вскрытая, казалось бы, рядовым исковым заявлением, назревала давно. Ее вполне можно было предотвратить. Ведь и поведение Степанова в семье, и страдания от его «художеств» жены, детей — все происходило на глазах многих людей. Руководителей хозяйства, школьных учителей, общественности. Соседей, наконец.

Да, слишком поздно состоялся суд над Степановым. Ни прошлых лет, ни жены, ни детства сыновей не вернуть...

В коридоре ждал чего-то истец. Стоял с шапкой в руке, понуро смотрел под ноги. Словно осужденный, не рассчитывающий на смягчение приговора.

Все, абсолютно все оставалось там, во мгле прошлого. Этому человеку предстояла жестокая расплата. Неумолимая, неподвластная никаким амнистиям. И ничего больше, по-видимому, не оставалось в будущем, кроме старого мотоцикла.

# СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

---

НАШИ  
КОНСУЛЬТАЦИИ

## Нештатные работники

Как говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, одним из факторов, усложняющих экономическое развитие нашей страны в 80-е годы, будет сокращение притока трудовых ресурсов. Поэтому особое значение приобретает бережное, экономное отношение к этим ресурсам, правильное их использование.

Одна из форм рационального применения труда некоторой части работоспособных граж-

дан — это привлечение их к нештатной работе в государственных учреждениях и общественных организациях, на производственных предприятиях.

Поясним, что нештатным работником считается лицо, выполняющее работу для учреждения или предприятия, но не входящее в его штатный (списочный) состав. Труд нештатных работников оплачивается из особо выделяемой части общего фонда заработной платы.

## Расходование фонда заработной платы нештатных работников

Денежные средства из фонда зарплаты нештатных работников администрация предприятия, учреждения, организации вправе расходовать на: вознаграждение посторонних лиц за выполнение связанных с производственной и оперативной деятельностью предприятия, учреждения работ, оплата которых не предусмотрена при установлении фонда заработной платы штатных работников

(привлечение таких лиц допускается лишь при крайней необходимости и невозможности выполнения этих работ на договорных началах с соответствующим предприятием, организацией); оплату разовых случайных работ, для выполнения которых были приняты посторонние лица на срок не свыше пяти дней; оплату работ, выполняемых в порядке совмещения со своей основной работой

в другом предприятии, учреждении, когда такое совмещение предусмотрено законодательством. Кроме того, из этого фонда могут оплачиваться и работы, выполняемые штатными работниками, однако не входящие в круг их обязанностей (например, преподавание на курсах повышения квалификации работников того же предприятия, учреждения).

Запрещено использовать фонд заработной платы нештатных работников на оплату: работ по рассмотрению и оформлению дел в ведомственных арбитражах; составлению проектов и смет по всем видам капитального строительства отдельными лицами, не состоящими в штате предприятия, ор-

ганизации, кроме случаев, когда есть специальное разрешение Правительства СССР, а также выполнения таких работ в порядке конкурса или изобретателями; работ, при выполнении которых требуется использование производственного или лабораторного оборудования.

Не разрешается также расходовать средства из фонда заработной платы нештатных работников при выполнении работ, оплата которых предусмотрена в фонде заработной платы штатного состава, на доплаты штатным работникам за работы, входящие в круг их обязанностей, на содержание постоянных работников сверх утвержденного штата.

## Регулирование труда нештатных работников

Предприятия, учреждения, организации оформляют свои трудовые отношения с нештатными работниками путем заключения письменных трудовых соглашений. В них указываются: фамилия работника и название учреждения, предприятия; какая работа должна быть сделана и ее объем; нормы времени на нее и расценки; сроки начала и окончания работы; ее общая стоимость.

Трудовые соглашения должны быть подписаны руководителем и главным бухгалтером предприятия, учреждения или их заместителями.

Можно не заключать письменные соглашения с нештатными работниками, принятыми для выполнения разовых случайных работ на срок до пяти дней, а также с теми, кто приглашен для выполнения работ по основной деятельности предприятия, учреждения, органи-

зации на срок не более одного дня.

Есть немало граждан, которые хотят устроиться на нештатную работу, совмещая ее с основной должностью на другом предприятии, в учреждении. В этих случаях применяются общие правила оформления на работу, установленные законодательством. Для зачисления на нештатную работу в порядке совместительства необходимо письменное разрешение руководителей обоих заинтересованных учреждений, предприятий, согласованное с вышестоящими по подчиненности организациями и с профсоюзными комитетами (как по месту основной, так и по месту совмещаемой работы). Предприятие, организация, принявшие трудящегося на работу по совместительству, обязаны сообщить по месту его основной работы о должности,



на которую он зачислен, и об условиях оплаты его труда.

Нештатная работа оплачивается применительно к нормам и расценкам, действующим на предприятии, в организации в отношении аналогичных работ, выполняемых работниками штатного (списочного) состава.

Лицам, состоящим на нештатной работе, нельзя устанавливать более высокую заработную плату, чем та, которую получают за аналогичную работу штатные работники, так как это противоречило бы закону.

Подчеркнем, что вознаграждение по итогам работы за год выплачивается только тем рабочим, руководящим, инженерно-техническим работникам, служащим и работникам других категорий, которые состоят в списочном составе данного предприятия, организации.

По общему правилу для нештатных работников устанавливается режим рабочего времени, существующий на данном предприятии, в учреждении, организации. Однако на значительную часть нештатных работников общие нормы о продолжительности рабочего дня не распространяются. В си-

лу специфических условий, в которых приходится трудиться многим нештатным работникам, продолжительность их рабочего дня, время его начала, перерывы определяются самими работниками (об этом делается оговорка в трудовом соглашении).

Нештатным работникам, занятым в государственных, кооперативных и общественных предприятиях, учреждениях и организациях и подлежащим государственному социальному страхованию, отпуска с сохранением заработной платы предоставляются на общих основаниях с рабочими и служащими. Это правило не распространяется на некоторые категории нештатных работников, для которых действующими инструкциями и положениями установлены особые условия предоставления отпуска.

Нештатные работники обеспечиваются государственными пенсиями и пособиями, если на них распространяется государственное социальное страхование.

**Е. ХЛЫСТОВА,**  
ведущий специалист  
юридического отдела  
Госкомтруда СССР

### Выселение граждан из жилых помещений в административном порядке

После введения с 1 января 1982 года в действие Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик число оснований, по которым граждане могут быть выселены из жилых помещений в административном порядке, сокращено. Административный порядок выселения сохранен лишь в отношении лиц, само-

управно занявших жилое помещение или проживающих в домах, грозящих обвалом, и допускается только с санкции прокурора. Выселение в таких случаях без санкции прокурора является нарушением охраняемой Конституцией СССР неприкосновенности жилища и влечет ответственность виновных по статье 136 Уголовного

кодекса РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Административное выселение может иметь место лишь при отказе добровольно освободить жилое помещение. В этом случае заинтересованная сторона должна получить в прокуратуре санкцию (разрешение) на административное выселение.

При обращении за санкцией необходимо письменное заявление заинтересованной стороны (организации или гражданина) с приложением документов, подтверждающих обоснованность выселения. Получив такое заявление, прокурор проверяет, есть ли установленные законом основания для административного выселения. Прокурор обязательно вызывает гражданина, которому предъявляется требование о выселении. Гражданину предоставляется возможность давать письменные объяснения по поводу отказа добровольно освободить жилую площадь, приобщать различные справки, документы к имеющимся в прокуратуре материалам, заявлять ходатайства и так далее.

После того как будет проверена законность требования об административном выселении гражданина, прокурор в каждом конкретном случае выносит мотивированное постановление. Копия постановления прокурора обязательно вручается выселяемому, заинтересованной стороне, возбудившей ходатайство, и начальнику органа милиции. В случае необходимости орган милиции оказывает содействие в выселении.

Постановление прокурора об административном выселении может быть обжаловано заинтересованным лицом вышестоящему прокурору.

## Выселение лиц, самоуправно занявших жилое помещение

В домах местных Советов народных депутатов жилые помещения предоставляются гражданам исполнительным комитетом районного, городского, поселкового, сельского Совета народных депутатов при участии общественной жилищной комиссии, создаваемой при исполнительном комитете; в домах ведомственного жилищного фонда — по совместному решению администрации предприятия, учреждения и профсоюзного комитета, утвержденному исполкомом Совета, а в случаях, предусмотренных Советом Министров СССР, — по совместному решению администрации и профсоюзного комитета с последующим сообщением об этом исполкому соответствующего Совета; в домах общественного жилищного фонда — по совместному решению органа соответствующей организации и профсоюзного комитета с последующим сообщением исполкому Совета о предоставлении жилых помещений для заселения.

На основании решения о предоставлении жилого помещения исполком Совета выдает гражданину ордер, который является единственным основанием для вселения.

Хотя этот предусмотренный законом порядок предоставления жилья широко известен, на практике еще встречаются случаи, когда отдельные недобросовестные граждане занимают жилые помещения без соответствующего решения исполкома и ордера, то есть самоуправно. Эти граждане подлежат выселению в административном порядке с санкции прокурора без предоставления другого жилья.

Приведем пример. В прокуратуру города К. обратился горжилуправление с ходатайством об административном выселении Виноградова и его жены из самоуправно занятой ими квартиры. Документы, представленные в прокуратуру, свидетельствовали, что Виноградов с женой проживают в однокомнатной квартире площадью 24,5 кв. метра. В этом же доме этажом выше освобождена двухкомнатная квартира площадью 36,2 кв. метра. Воспользовавшись тем, что эта квартира временно не была заселена, Виноградов занял ее, сломав замок входной двери. Незаконные действия подтверждались актом горжилуправления о самоуправном занятии двухкомнатной квартиры, письменным предупреждением о необходимости освободить жилую площадь, сделанным Виноградову, и его отказом. Объяснения представителя горжилуправления также свидетельствовали о том, что Виноградов не имел ордера исполнения городского Совета народных депутатов на занятие двухкомнатной квартиры и препятствовал законному вселению граждан на жилую площадь.

Вызванный в прокуратуру, Виноградов не отрицал факта самоуправного занятия жилой площади, но отказался добровольно освободить ее. Учитывая все эти обстоятельства, прокурор города К. дал санкцию на административное выселение из двухкомнатной квартиры Виноградова и его жены.

### Выселение из домов, грозящих обвалом

Если дом (жилое помещение), в котором проживает наниматель, грозит обвалом, до-

говор найма жилого помещения расторгается и наниматель по решению исполнительного комитета местного Совета народных депутатов предоставляется другое жилое помещение — за счет жилищного фонда Совета или соответствующей государственной, кооперативной или общественной организации.

При отказе граждан добровольно освободить аварийный дом, выселение производится в административном порядке в кратчайшие сроки, ввиду необходимости принять неотложные меры для предотвращения несчастных случаев.

Прежде чем дать санкцию на выселение, прокурор выясняет два обстоятельства: действительно ли дом или помещение, в котором проживает наниматель, угрожает обвалом и предоставляется ли выселяемому другое жилое помещение.

Факт непосредственной угрозы обвала дома (жилого помещения) и необходимость срочного выселения всех проживающих в нем устанавливаются актом междуведомственной комиссии, утверждаемым исполкомом районного (городского) Совета народных депутатов.

При решении вопроса о том, какое помещение должно быть предоставлено выселяемым из дома, угрожающего обвалом, прокуроры исходят из тех же правил и норм, что и при выселении в судебном порядке с предоставлением другого жилого помещения.

Предоставляемое помещение должно находиться в черте данного населенного пункта и по размеру быть не меньше того, которое занимает выселяемый. Если выселяемый имел излишки жилой площади, помещение предоставляется в соответствии с нормами, предус-

мотренными законом. Если вы-  
селяемый занимал отдельную  
квартиру или более одной ком-  
наты, ему соответственно дол-  
жна быть предоставлена от-  
дельная квартира или помеще-

ние, состоящее из того же чис-  
ла комнат.

**Л. СЕМЕНОВА,**  
научный сотрудник  
Всесоюзного института  
Прокуратуры СССР

## ЧИТАТЕЛЬ НА ПРИЕМЕ У ЮРИСТА

Н. Мезенцев из Вологодской области просит разъяснить, какие меры воздействия может применять товарищеский суд, и вправе ли он ограничиться осуждением проступка, если виновный, раскаявшись, извинится перед потерпевшим.

Читателю отвечает юрист Е. АНДРЕЕВ.

Товарищеский суд вправе применить в отношении виновного одну из следующих мер воздействия:

— обязать принести публичное извинение потерпевшему или коллективу;

— объявить товарищеское предупреждение;

— объявить общественное порицание;

— объявить общественный выговор с опубликованием или без опубликования в печати;

— наложить денежный штраф в размере до 10 рублей, если проступок не связан с нарушением трудовой дисциплины, а по делам о мелком хищении государственного или общественного имущества — штраф до 30 рублей, при повторном мелком хищении — до 50 рублей;

— поставить перед руководителем предприятия, учреждения, организации вопрос о переводе виновного в нарушении трудовой дисциплины, в соответствии с законодательством о труде, на нижеоплачиваемую работу или о смещении на низшую должность;

— поставить перед руководителем предприятия, учреждения, организации вопрос об увольнении, в соответствии с законодательством, работника, выполняющего воспитательные функции или работу, связанную с непосредственным обслуживанием денежных или товарных ценностей, если товарищеский суд, с учетом характера совершенных человеком проступков, сочтет невозможным доверить ему эту работу в дальнейшем.

Если виновный, чистосердечно раскаявшись, публично принесет извинение коллективу или потерпевшему и добровольно возместит ущерб, товарищеский суд может ограничиться рассмотрением дела и не применять мер общественного воздействия.

Изложенные нормы предусмотрены Положением о товарищеских судах, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 года. В других союзных республиках действуют аналогичные нормы, установленные республиканскими Положениями о товарищеских судах.

**СПРАВОЧНЫЙ  
ОТДЕЛ**

# Канитаны из огня... Для кого?

Вот уже 35 лет независимая Индия уверенно идет по пути социального и экономического развития.

Тяжелое наследство досталось ей от колониального периода: уродливая структура хозяйства, ориентированного прежде всего на производство сырья для метрополии — Великобритании, классически колониальная чересполосица административно-территориального деления, запутанный клубок национальных, языковых, религиозно-общинных и иных проблем.

Преодолевая трудности и вековую отсталость, Индия добилась значительных успехов в промышленном и сельскохозяйственном производстве. По количеству научных работников она занимает сейчас третье место в мире. Важным фактором, стимулирующим экономический рост Индии, стали взаимовыгодные связи со странами социалистического лагеря, и в первую очередь с Советским Союзом с которым в августе 1971 года был заключен Договор о мире, дружбе и сотрудничестве. С помощью советских ученых и специалистов Индия стала космической державой — уже запущено несколько индийских искусственных спутников Земли, планируется и совместный полет советского и индийского космонавтов.

Но далеко не всех в мире радует энергичная, решительная поступь этой крупнейшей развивающейся страны. Империалистическим кругам Запада во главе с США явно не по душе независимая внутренняя и внешняя политика индийского правительства. Транснациональные корпорации хотели бы добиться неограниченной свободы действий на внутреннем рынке страны. С другой стороны, воинствующие гегемонисты всех мастей стремятся если не привязать Индию к своим агрессивным планам в Южной Азии, то хотя бы дискредитировать и ослабить ее как суверенное государство. При этом используются самые разные методы — и откровенный или несколько завуалированный экономический шантаж, когда так необходимые этой развивающейся стране займы и кредиты предлагаются на явнейших кабальных условиях, и откровенный политический нажим при помощи искусственно раздуваемых разногласий между южноазиатскими странами, и совсем уж открытый международный терроризм — от попыток инспирирования антиправительственных путчей до покушений на политических и общественных деятелей страны.

Заметное место в этом грязном арсенале средств и методов подрывной деятельности против Индии занимает поощрение сепаратистских движений, организаций и группировок, целью которых является подрыв единства народа и покушения на территориальную целостность Индии. Одним из свежих примеров антииндийского сепаратизма может служить недавно объявившееся «Движение за со-

здание государства Халистан». По замыслу подлинных авторов лозунгов и программ нового отряда сепаратистов, это государство должно образоваться на севере Индии и взобрать в себя нынешний штат Пенджаб и некоторые прилегающие земли.

Жить в Халистане должны сикхи.

## ПОДМЕНА НАЦИОНАЛЬНОСТИ РЕЛИГИЕЙ

Как писала влиятельная индийская газета «Хинду», «в Пенджабе политика и религия неразделимы». Вернее было бы сказать, что такой «нераздельности», такого единства добиваются определенные религиозно-общинные круги, не теряющие надежды расколоть индийский народ если не по национальному принципу, то хоть на основе вероисповедания. Ведь сикхи — это не национальность и даже не народность. Это те же индийцы, которые всего лишь исповедуют сикхизм\*. Сейчас их в стране чуть больше 10 миллионов, причем четверо из каждых пяти сикхов живут в Пенджабе. Как бы ни отличалась их религия от ортодоксального индуизма, все они в первую очередь считают себя гражданами Республики Индии — великой многоязыкой и веротерпимой страны, где бок о бок живут индусы и мусульмане, сикхи и христиане, буддисты и иудеи, то есть люди, придерживающиеся самых разных религиозных верований. И, казалось бы, бессмысленно даже теоретически рассуждать о создании сикхского государства на религиозной основе: международное право, признающее право наций на самоопределение, не знает принципа «религиозной автономии». С таким же успехом могли бы ставить вопрос об образовании «своих» государств индийские христиане или буддисты. Но для организаторов и вдохновителей «движения за Халистан» политический реализм, юридическая логика и соображения целесообразности не важны: они в новой форме, под новыми демагогическими лозунгами возрождают старый колониалистский принцип — «разделяй и властвуй».

## БЛАГОДЕТЕЛИ И ТЫЛЫ СИКХСКИХ СЕПАРАТИСТОВ

Народы Индостана уже испытали на себе жестокие последствия такой политики. Вынужденные уйти в 1947 году из своей крупнейшей колонии, англичане оставили Индию разделенной по религиоз-

---

\* Сикхизм — верование членов религиозной общины, возникшей в Пенджабе в XVI веке первоначально как секта индуизма. Оно не признает кастовых различий, отрицает аскетизм, монашество, духовенство, публичные богослужения. Сикхизм стал идеологией антифеодалного крестьянского движения на севере Индии, а община сикхов с течением времени оформилась в военно-политическую организацию, подразделяющуюся на военные отряды. После прихода сюда англичан в середине XIX века колонизаторы старались использовать сикхов как профессиональную наемную военную силу. В частности, сикхи наряду с мусульманами и гурьхами (выходцами из Непала) стали основой наемных войск английских колониальных властей после подавления восстания сипаев 1857—1859 годов. Сикхская знать при этом перешла на службу английской колониальной администрации, а масса крестьян вербовалась в английские колониальные войска и даже на полицейскую службу. При разделе Пенджаба в 1947 году на индийскую и пакистанскую части большинство сикхов осталось в Индии.

ному признаку на два государства — индусов (собственно Индия) и мусульман (Пакистан). Раздел сопровождался кровавой резней. Тяжелейшие социально-экономические последствия той трагедии не устранены окончательно и по сей день.

Уходившие колонизаторы подбросили тогда же идею о создании на территории Индии третьего государства — страны сикхов. Но тогда эта идея — абсурдная с самого начала — не нашла сколько-нибудь широкой поддержки и была забыта. И вот через тридцать с лишним лет идея «независимого Халистана» была гальванизирована. И та раскольничья роль, которую когда-то, при образовании Пакистана, сыграла Мусульманская лига, поддержавшая предложение англичан о разделе, теперь закулисами вдохновителями «движения за Халистан» уготована подпольной экстремистской организации сикхов «Дал халса».

Считают, что организационно «Дал халса» («партия хальсы», то есть общины сикхов) оформилась в 1978 году. Не имея сколько-нибудь существенной опоры в массах (политические наблюдатели единодушно определяют ее членов и сторонников как «горстку юнцов, одурманенных пропагандой сикхского шовинизма»), эта организация, провозгласившая создание «независимого Халистана», объявила о намерении достичь этой цели любой ценой, не останавливаясь ни перед какими средствами.

В арсенале этих провокаторов не только агрессивная пропаганда некоей «исключительности» сикхов и не только причитания по поводу всяческих унижений и дискриминации, которым они якобы подвергаются в Индии. Не гнушаются сепаратисты и угрозами, шантажом, клеветой и насилием. Взрыв негодования по всей Индии вызвали угрозы членов «Дал халса» в адрес видного общественного и политического деятеля страны, бывшего члена парламента коммуниста Джагджит Сингх Ананда. Они пообещали расправиться с мужественным журналистом, если он не прекратит выступать в печати с разоблачениями «движения за Халистан», его безответственных лозунгов и преступных лидеров. А о том, что такие угрозы — вовсе не невинная шутка, свидетельствует хотя бы убийство сепаратистами видного индийского журналиста Л. Дж. Нараина, также активно выступавшего против идеи «независимого Халистана».

Крупной международной террористической акцией «Дал халса» был захват пассажирского самолета «Боинг-737» индийской государственной авиакомпании «Индиан эйрлайнс» в сентябре 1981 года. Самолет, выполнявший рейс по маршруту Дели — Сринагар, был угнан в пакистанский город Лахор. 111 пассажиров и 6 членов экипажа подвергались смертельной опасности — и все лишь для того, чтобы вынудить индийское правительство освободить из заключения сообщника террористов, а заодно, по признанию самих угонщиков, организовать международную рекламу своей организации. Примечательно, что одним из пятерых воздушных пиратов был некий Гаджиндер Сингх — член Высшего совета «Дал халса». В свое время он написал книгу под названием «Еще пять стрел», пронизанную шовинизмом и сепаратистскими настроениями. Этот грязный пасквиль был запрещен и властями штата, и правительством Индии. За пропаганду религиозной нетерпимости Г. Сингха уволили из департамента образования штата Пенджаб.

Возникает вопрос: а на какие, собственно, средства существует и действует эта компания международных террористов и политических провокаторов? Никакой опоры в массах у нее нет — простые

сикхи отвергают идею отделения от Республики Индии, так что версия о «членских взносах» и «крупных пожертвованиях» населения отпадает.

Здесь-то и начинают вырисовываться любопытные подробности. «Независимого государства Халистан» еще нет и в проекте (и, надо думать, не будет никогда: затея-то мертворожденная!), а в Соединенных Штатах, Канаде, Англии, ФРГ уже появились... «консульства» этого несуществующего государства! Эти «дипломатические представительства» выдают паспорта гражданам «Республики Халистан». Более того, политические авантюристы обратились даже в ООН с просьбой о предоставлении им статуса «ассоциированного члена».

И окончательно все стало на свои места, когда в обращение на мировой валютный рынок сепаратисты попытались выпустить отпечатанные в США денежные знаки «республики» — сикхские доллары. Видимо, оплошал кто-то в лабораториях и мозговых центрах американских спецслужб, и тщательно маскировавшиеся связи пенджабских сепаратистов с ЦРУ оказались выставленными на всеобщее обозрение. Хотя и до этого индийская печать неоднократно упреждала на прямые контакты «борцов за Халистан» с подрывными спецслужбами США и некоторых других стран Запада. На деньги империалистических покровителей сепаратистов и с их помощью были открыты никого не представляющие «консульства». Эти же «благодетели» организовали и финансируют специальные тренировочные лагеря, где террористы «Дал халса» готовятся к новым диверсиям.

## БАЗА ДИВЕРСАНТОВ — ПАКИСТАН

Цель всех подобных махинаций очевидна. Как отмечал министр внутренних дел Индии Заил Сингх, «некоторым государствам не нравится политическая стабильность в нашей стране». Используя внутреннюю реакцию, ЦРУ и родственные ему империалистические секретные службы рассчитывают оказать давление на Индию, независимая внешняя политика которой уже давно вызывает резкое недовольство Вашингтона.

Не явилось большим сюрпризом для индийской и мировой общественности и разоблачение откровенной поддержки пенджабских сепаратистов Пакистаном, который все сильнее втягивается в орбиту геостратегических «жизненных интересов» США. Впрочем, пытаясь провоцировать отделение от Индии районов, где проживает сикхское население, пакистанская военщина рассчитывает на кое-что и для себя. Еще во время вооруженного индо-пакистанского конфликта в 1965 году вкрадчивые радиоголоса с пакистанской территории настойчиво твердили: «Сикхи — наши братья... Они имеют священное право на государственное самоопределение... Народ Пакистана полностью поддерживает справедливое требование о создании независимого Сикхистана и поможет в борьбе за освобождение сикхов от империалистического индусского гнета»...

Вновь активизировалась подобная пакистанская подстрекательская пропаганда в 1971 году, когда шла борьба за независимость Бангладеш.

И в наши дни, по свидетельству индийских официальных лиц, Исламабад оказывает большую поддержку сикхским экстремистам.



Непрерывным потоком идут контрабандой через пакистано-индийскую границу отпечатанные в типографиях ЦРУ США подрывная литература, листовки и воззвания с лозунгами сепаратистов. Недавно индийская полиция арестовала в районе города Пунч (штат Джамму и Кашмир) шайку преступников, занимавшихся контрабандой оружия из Пакистана, которое затем поставлялось реакционным религиозно-общинным организациям вроде «Дал халса». Кстати, во все не случайно террористы, угнавшие упомянутый выше индийский пассажирский самолет, заставили его совершить посадку именно на пакистанской территории: они были уверены в своей безнаказанности. И не ошиблись! Несмотря на законные требования Индии, вопреки общепризнанным нормам международного права исламабадские власти отказались выдать преступников, мотивируя отказ «политическим характером» этой пиратской акции.

Как подчеркивают политические наблюдатели, происки сепаратистов в североиндийском штате Пенджаб нельзя рассматривать изолированно. Ведь другие банды сепаратистов постоянно угрожают единству и территориальной целостности Индии еще и в северо-восточных штатах, на границе с Китаем. При этом нельзя не поразиться сходству приемов и методов, с помощью которых внешняя реакция провоцирует и поощряет эти искусственно создаваемые центробежные тенденции в различных районах Индии. Яркий пример тому — обитающие на северо-востоке Индии племена нага и мизо. Правда, они являются объектом подстрекательской пропаганды, особо спекулирующей не на религиозных чувствах населения, а на социально-экономических и этнических противоречиях. Во всем остальном совпадение полное: и требования любой ценой отделяться от Республики Индии; и бандитские акции против государственных органов и официальных лиц, убийства неугодных политических и общественных деятелей; и специальные лагеря на китайской территории, где инструкторы-китайцы готовят диверсантов и саботажников из представителей племен; и контрабанда подрывной литературы вместе с новейшим оружием и снаряжением, часто американского производства.

Не раз агенты ЦРУ, прятаясь обычно под личиной скромных миссионеров-проповедников, попадались с поличным, агитируя воинственные племена северо-восточных штатов выступить с оружием в руках против индийского правительства. Рука об руку с ними действовали и китайские подстрекатели, стремившиеся подготовить благоприятные условия для создания в этом стратегически важном районе марионеточных «буферных» мини-государств (под китайским, конечно, контролем).

При этом все подстрекатели бессовестно спекулируют на объективных трудностях, которые существуют в социальной и экономической жизни северо-восточных территорий. Промышленное развитие этих областей (как и общий их хозяйственный подъем) тормозится почти полным отсутствием современной сети дорог и линий электроснабжения. Сказываются также особенности жизненного уклада, культовой практики, языков и диалектов, отличающие население северо-востока от жителей остальной Индии. Однако правительство страны постоянно уделяет большое внимание развитию этого района, часто ассигнуя на его нужды в пропорциональном отношении гораздо больше средств, чем другим, более благополучным частям Индии. Всячески поощряется и национальная консолидация некогда разрозненных и разобщенных племенных групп.

Так, еще в 1957 году правительство Индии решило выделить район проживания племен нага в качестве территории центрального подчинения, а в 1963 году был образован штат Нагаленд («Земля нагов»). В конституцию государства были включены положения, гарантирующие неприкосновенность обычаев и традиций нага в части религиозных обрядов, собственности на землю, суда и так далее. В 1972 году статус союзной территории получил Мизорам — район преимущественного распространения племен мизо.

Что же касается Пенджаба, то он относится к территориям, для которых характерны как интенсивное экономическое развитие, так и относительно однородный национальный состав. Поэтому внешняя и внутренняя реакция вынуждена выискивать и раздвигать или даже искусственно создавать религиозные противоречия среди населения. Разумеется, никакой дискриминации из-за своих религиозных убеждений сикхи в Индии не подвергаются. Наоборот, многие из них занимают видные посты в экономике и армии, активно участвуют в общественной и политической жизни страны. А в этом году представитель общины сикхов Заил Сингх избран президентом Индийской республики.

Похоже на то, что в последнее время США и Китай разделили зоны вмешательства во внутренние дела суверенной Индии. Пекин сейчас активен на северо-востоке, тогда как Вашингтон особое внимание уделяет сепаратистским организациям и группировкам на севере, в частности в Пенджабе. Но суть дела от этого не меняется. Объективное единство целей американского империализма и китайских гегемонистов очевидно.



...1 мая 1982 года, после очередной вспышки насилия и религиозно-общинных беспорядков, спровоцированных сикхскими экстремистами, правительство Индии запретило две наиболее воинствующие организации сепаратистов — «Дал халса» и так называемый «национальный совет Халистана». Эта решительная и совершенно законная мера существенно ослабила деятельность подстрекателей, но она же подтолкнула их зарубежных покровителей к поискам новых, тщательно законспирированных контактов с самозванными лидерами мифического Халистана.

О том, как это делается, кто занимается этой грязной политической возней, какое значение придают «халистанским миражам» американские спецслужбы, красноречиво свидетельствует хотя бы такой факт. Как стало известно, еще в феврале 1982 года для встречи с главарями сепаратистов в Индию тайно проник матерый американский шпион Дж. Гриффин — тот самый, с чьим именем связывают и подготовку заговора в Бангладеш, в результате которого был убит президент этой страны Муджибур Рахман, и организацию бандитских формирований афганских контрреволюционеров на территории Пакистана для последующей их засылки в ДРА. Это тот самый Гриффин, которому индийское правительство не выдало визу на въезд в страну, куда он направлялся на «работу» в американское посольство. Послужной список этого «дипломата» вместе с его профессиональным интересом к планам сепаратистов стал еще одним ярким свидетельством вздорности и провокационности всей затеи с «независимым Халистаном», противоречащей коренным интересам сикхов и всего индийского народа.

# ВАЖНЫЕ ЗАДАЧИ ЛЕКТОРОВ

## О работе секции правовых знаний и нравственного воспитания на VIII съезде Всесоюзного общества «Знание»

Осуществление планов всестороннего экономического, социально-го и духовного развития нашего общества, намеченных XXVI съездом КПСС, требует от каждого советского человека высокой сознательности, четкого исполнения своих конституционных обязанностей и соблюдения нравственных норм социалистического образа жизни.

Проблемам формирования у советских людей этих гражданских качеств была посвящена дискуссия на секции правовых знаний и нравственного воспитания, работа которой в рамках VIII съезда Всесоюзного общества «Знание» проходила в Министерстве юстиции СССР. Участники дискуссии: видные советские юристы — ученые и практики, активисты общества «Знание» из многих союзных республик выступили с сообщениями и докладами, обменялись мнениями и интересным опытом лекционной пропаганды юридических знаний и принципов социалистической морали. Итогом работы секции стали единодушно принятые на заседании рекомендации членам и организациям общества «Знание».

Особое внимание в итоговом документе обращается на расширение пропаганды марксистско-ленинского учения о государстве и праве, юридических и нравственных устоев нашего общества, получивших дальнейшее развитие в решениях XXVI съезда партии, постановлениях ЦК КПСС, трудах товарища Л. И. Брежнева. Секция рекомендует усилить внимание лекторов к воспитанию у советских людей преданности делу коммунизма, социалистической Родине, пролетарского интернационализма, коллективизма, нетерпимости к нарушениям законности и правопорядка. Глубже и доходчивее пропагандировать положения Конституции СССР, законодательство, обеспечивающее эффективную работу народного хозяйства; воспитывать у слушателей сознательное отношение к труду и социалистической собственности. Важнейшей задачей лекторов является активное разъяснение правовых аспектов реализации Продовольственной программы СССР.

В целях повышения эффективности нравственно-правовой пропаганды рекомендовано постоянно совершенствовать формы и методы лекционной работы с учетом дифференцированного подхода к различным категориям населения, особенно молодежи. Признано необходимым улучшить подготовку лекторских кадров в народных университетах правовых знаний, а также создать школы юриста-лектора при юридических вузах и обеспечить преподавателей и слушателей этих школ учебно-методической литературой.

Председательствовал на заседании секции первый заместитель министра юстиции СССР А. Я. Сухарев.

# „Мазер де Латюд, узник Бастилии“

Весной 1791 года — два года спустя после начала Великой французской революции — Академия художеств организовала очередную выставку в Лувре. На суд публики было представлено свыше трехсот двадцати произведений искусства — полотен и скульптур. Выставка была не совсем обычной. Вместо еще недавно столь модных натюрмортов и пасторалей, а также традиционных изображений Людовика XVI и членов его семьи на этот раз зрители созерцали множество экспонатов, прямо или косвенно посвященных злободневным событиям. Успехом пользовались картины художника-революционера Луи Давида, который наряду с несколькими полотнами на героические темы античности выставил и эскиз к большой картине «Клятва в зале для игры в мяч», воскрешавший всем памятное событие 20 июня 1789 года, когда третье сословие Генеральных штатов одержало первую победу над абсолютной монархией. Но особенно много посетителей собиралось возле портретов. Рассматривали лица кумиров Учредительного собрания — Мирабо, Барнава, Александра Ламета; всеобщий интерес вызывал портрет молодого аррасского депутата Максимилиана Робеспьера, под этой работой значилась надпись: НЕПОДКУПНЫЙ. Неменьшим успехом пользовался еще один висевший особняком портрет. На нем был изображен статный человек в голубом мундире французской гвардии. Правой рукой он указывал на Бастилию, разрушаемую народом, в то время как левая рука его покоилась на свернутой веревочной лестнице необычной конструкции. Портрет был создан художником Вестье и назван им «МАЗЕР ДЕ ЛАТЮД, УЗНИК БАСТИЛИИ».

Многим были известны перипетии жизни человека, которого изобразил Вестье. То была одна из самых страшных историй эпохи абсолютизма, которую полицейские функционеры дореволюционной Франции и их высокие хозяева упорно пытались похоронить в мрачных казематах королевских тюрем, как похоронили тайну «Железной маски» и тысячи других. Однако в силу непредвиденных обстоятельств осуществить этот план не удалось, а революция, низвергнувшая Бастилию, как и другие твердыни абсолютизма, сделала трагедию «вечного узника» достоянием всеобщей гласности. В 1792 году вышли трехтомные мемуары Латюда, которые и послужили основой для настоящего очерка.

## *В поисках покровителя*

Жан-Анри Мазер де Латюд, родившийся в 1725 году, принадлежал к мелкопоместному дворянству Лангедока. Его отец, офицер Орлеанского драгунского полка, не слишком обременял себя заботами о сыне и рано предоставил ему возможность самостоятельно пробивать дорогу в жизни. Окончив техническую школу в Париже, юноша поступил в саперный полк, участвовал в войне с Голландией, но в 1748 году, по заключении мира, оставил военную службу. Вскоре Латюд понял, что в столице ему придется нелегко. Молодой, предприимчивый, энергичный, он не мог добыть средств к существованию и, чтобы не умереть с голоду, оказался вынужденным составлять пилюлю для аптеки. Постепенно он пришел к мысли, что для успеха надо искать покровителя, и не какого-нибудь, а находящегося на верхней ступеньке социальной лестницы.

Однажды, в апреле 1749 года Латюд, сидя на скамейке Тюильрийского парка, услышал разговор двух неизвестных, которые без всякого стеснения поносили последними словами всесильную фаворитку Людовика XV мадам де Помпадур. И тогда, словно озарение, блеснула идея... Он вернулся домой, наполнил коробочку из-под лекарства безвредным белым порошком и отправил ее по почте на имя маркизы де Помпадур. Сам же, не теряя времени, выехал в Версаль и добился аудиенции у фаворитки. Отвесив изысканный поклон, Латюд поведал маркизе об услышанном разговоре, прибавил, что злоумышленники, якобы собираясь ее убить, выслали по почте какой-то пакетик, содержащий, по-видимому, яд...

Поблагодарив Латюда, маркиза в знак признательности протянула ему кошелек с золотом. Хитрый авантюрист, рассчитывая на большее, отверг эту милость как недостойную для него, французского дворянина, готового ей служить. Тогда маркиза предложила своему «спасителю» оставить адрес, по которому можно будет его найти.

Латюд был в восторге. Казалось, заветное желание исполнилось: он обрел всесильную покровительницу. Осталось набраться терпения и ждать.

## *Первое знакомство*

Ждать пришлось, впрочем, недолго. Через пару дней — это было 1 мая — в его убогую комнатку вломился полицейский офицер в сопровождении нескольких жандармов и предложил следовать за собой. Жаждавшего благ мечтателя заперли в тюремную карету и около восьми часов вечера доставили в Бастилию...

Лишь позднее Латюд узнал, что произошло. Вскоре после его отбытия из Версаля маркиза получила коробочку с порошком. Она испытала порошок на домашних животных и убедилась в его безвредности. Сличив почерки, которыми были написаны адрес на посылке и записка Латюда с его координатами, фаворитка все поняла. Она пришла в страшную ярость и приказала немедленно бросить «шутника» в королевскую крепость-тюрьму...

...Его ввели в низкое полутемное помещение, называемое «приемным покоем». Велели раздеться, обыскали, забрали кольцо, деньги, документы. Затем, облачив несчастного в грязную рвань, его за-

ставили собственноручно проставить в книге день и час своего при-  
бытия. Двое стражников подхватили арестованного и отвели в кро-  
хотную камеру в одной из угловых башен. С глухим стуком за-  
хлопнулись две тяжелые двери. Все было кончено...

Но нет. Он еще не верил, что это конец. Когда на следующее  
утро в камеру вошел полицейский чиновник, человек очень любез-  
ный, назвавший себя Берье, Латюд сразу принял решение. Он чи-  
стосердечно признался во всем и запросил пощады. Да, он пони-  
мает гнусность своего поступка, но пусть маркиза учтет его юность,  
неопытность, глубокое раскаяние и простит... Берье посочувствовал,  
согласился, что поступок извинителен, и обещал поговорить с мар-  
кизой. Через несколько дней Латюд узнал о том, что ходатайство  
Берье не привело к положительным результатам...

В тот момент неловкий искатель высокопоставленных покровите-  
лей еще в полной мере не осознал всего ужаса своего положения.  
В действительности, он не мог рассчитывать не только на милость  
разгневанной госпожи де Помпадур, но даже на самое элементар-  
ное разбирательство своего дела в соответствии с установленным  
судебным порядком. Ведь он был водворен в тюрьму посредством  
так называемого «летр-де-каше», тайного приказа за королевской  
подписью, а практика «летр-де-каше» была одним из самых страш-  
ных видов королевского произвола в предреволюционной Франции.  
Человек, арестованный по подобному документу, как бы «выводил-  
ся» за рамки обычных юридических норм. Ни следствия, ни суда го  
его делу не полагалось. Брошенный в Бастилию или другую коро-  
левскую тюрьму, он терял имя и подлежал забвению; его дальней-  
шей судьбой уже не интересовался никто, и он должен был оста-  
ваться в заточении до тех пор, пока это было угодно лицу, по ука-  
занию которого он был арестован. А так как оскорбленная фаво-  
ритка не желала выглядеть смешной в истории с мнимым ядом,  
действительно, носившей комичный оттенок, она предпочла похоро-  
нить ее вместе с незадачливым устройтелем. Иначе говоря, Латюд  
был обречен до собственной смерти или — в лучшем случае — до  
смерти маркизы де Помпадур находиться в тюрьме. За проступок,  
который даже суд монархической Франции не мог признать на-  
столько опасным для государства, чтобы наказать провинившегося  
так жестоко.

Впрочем, его первое знакомство с Бастилией оказалось сравни-  
тельно недолгим.

## Удача

Латюд просидел четыре месяца в своем каземате, когда однаж-  
ды к нему вошли надзиратели. Один из них сообщил, что аресто-  
ванному предстоит покинуть Бастилию. Другой уточнил, что речь  
идет не об освобождении, а просто о переводе в другую тюрьму...

И вот Латюд в Венсенне, загородном замке, давно уже превра-  
щенном в тюрьму. Его помещают в большой круглой башне, откуда  
открывается восхитительный вид на окрестные поля и леса, что  
порождает надежду: он выберется отсюда, выберется во что бы то  
ни стало!

Каждый день, глядя из своего небольшого окна, Латюд наблю-  
дал одну и ту же сцену: в тюремном садике, примыкавшем к его  
башне, прогуливался молчаливый священник. Это был аббат Сен-

совер, заточенный в Венсени, но пользовавшийся относительной свободой — его часто навещал отец, бывший комендант замка. Узнав обо всем этом, Латюд призадумался; в голове его постепенно созрел смелый план...

Время, когда аббат дышал свежим воздухом, почти совпадало с часом прогулки Латюда в одном из внутренних дворов крепости. Обычно за бывшим сапером приходили двое часовых; один из них отпирал камеру и выводил заключенного, другой ждал внизу, у закрытой двери в начале лестницы. В течение нескольких недель Латюд приучал стража, отмыкавшего камеру, к тому, чтобы тот не беспокоился, закрывая на ключ дверь, пока он спускается по лестнице ко второму часовому. Так было и в этот день: пока первый страж возился с ключом, Латюд, не дожидаясь его, быстро спустился вниз, захлопнув по дороге промежуточную дверь, чем сразу разъединил обоих солдат. Затем, постучав в дверь у начала лестницы, где поджидал второй стражник, он притворился запыхавшимся от быстрой ходьбы и воскликнул: «Вот уже час, как ищу аббата Сенсовера! К нему пришел отец и попросил меня позвать его; я бегу по всему замку, а он как в воду канул!» С этими словами Латюд пробежал мимо часового, и не подумавшего задержать его. У сводчатой арки башни находился постоянный караульный под ружьем. Спросив, не видел ли он Сенсовера, и получив отрицательный ответ, Латюд прошмыгнул во двор. Тот же вопрос он задал и караульному у подъемного моста, вихрем промчавшись мимо. Последний часовой, стоявший у наружных ворот, и бровью не повел, решив, очевидно, что перед ним посетитель, навещавший кого-то из заключенных...

...Не чуя под собой ног, Латюд мчался через поля и виноградники, стараясь держаться вдали от дорог. Он был свободен! Сегодня, 25 июня 1750 года, после тринадцати месяцев заключения, он снова вдыхал воздух воли! Это была удача. Бешеная удача.

### *Роковая оплошность*

Первые дни свободы были восхитительны. Но вскоре стал мучить вопрос: что делать дальше? Долго скрываться, живя в полном затворничестве, он не мог — необходимость добывать средства к существованию рано или поздно должна была заставить его выйти из убежища, и тогда... Латюд не сомневался, что его ищут, и если найдут, то ему не сдобровать.

И тут он принял решение, которое свидетельствует о том, что изворотливость и склонность к авантюризму в этом человеке сочетались с детской наивностью: Латюд вообразил, что можно рассчитывать на доброту и гуманность тех, кто замуровал его в Бастилии! Он написал длинное письмо, причем не мадам де Помпадур, а самому Людовику XV. Молодой человек просил удовлетвориться уже понесенным наказанием: тринадцать месяцев тюрьмы вполне искупали один необдуманный поступок! В конце письма Латюд сообщал адрес своего убежища и еще раз подчеркнул, что уповаает на милосердие короля и его возлюбленной. В Венсенне он познакомился с имевшим доступ ко двору врачом, который заинтересовался судьбой необычного узника и даже предлагал ему помощь; теперь Латюд попросил этого медика передать письмо по назначению, что и было исполнено.

Два дня спустя несчастный вновь оказался в Бастилии. Сначала ему, правда, сказали, что он задержан лишь для того, чтобы выяснить, кто помог ему бежать из Венсенна. Поскольку Латюд был обязан своим освобождением только себе самому, он чистосердечно все рассказал. После этого его не только не освободили, но согласно приказу фаворитки бросили в полутемное подземелье.

### *В подземелье*

В подземелье Бастилии Латюд просидел ровно полтора года. Быть может, срок этот оказался бы меньшим, если бы он сам по легкомыслию не ухудшил своего положения. Полицейский чиновник Берье, проникшийся к нему сочувствием еще при первом допросе, постарался облегчить положение заключенного тем, что распорядился выдавать ему книги, бумагу и чернила. Первые полгода чтение помогало Латюду бороться со страданиями и тоской, но затем это лекарство оказалось недостаточным. Он все чаще вспоминал о своей мучительнице, в душе его копились гнев и ярость. И однажды он имел несосторожность написать на полях одной из книг четверостишие, в котором частично выразил свои чувства:

Ну и дела во Франции прекрасной!

Здесь можно душой быть из дур

И все же править государством:

Пример — маркиза Помпадур.

Несчастный тешил себя мыслью, думая, что никогда не будет известно, кто является автором стихов, так как писал он измененным почерком. Однако в Бастилии все книги, даваемые заключенным, тщательно проверялись. Надзиратель, обнаружив писания Латюда, доложил коменданту тюрьмы, а тот в свой черед — маркизе. Мадам де Помпадур была беспощадна к высмеивающим ее сочинителям памфлетов и сатирических стихов. Она вызвала Берье и с гневом сказала ему: «Теперь вы видите, что это за человек! Посмейте только еще раз вступиться за него!»

После этого книги и чернила были отобраны, а срок пребывания в подземелье продлен, Берье только год спустя после казуса со стихами сумел перевести своего подопечного в обыкновенную камеру.

### *Конец одиночества*

Тот же Берье добился для Латюда небывалой милости: ему разрешили держать слугу. Списавшись с отцом, согласившимся оплачивать стол и содержание «камердинера», Латюд, по рекомендации своего покровителя, нанял простого парня по имени Кошар, готового ради пропитания жены и детей пойти в услужение к заключенному. Теперь хотя бы было покончено с ужасом одиночества: Кошар, оказавшийся добрым и внимательным человеком, своим присутствием и заботами в чем-то скрашивал жестокий тюремный режим Латюда. К сожалению, эта «идиллия» длилась недолго. Согласно уставу Бастилии, всякий, кто поступал в услужение к узнику, сам терял свободу и до конца связывал свою судьбу с работодателем: он либо выходил на волю вместе с хозяином, либо умирал подле него. Последнее произошло и с Кошаром. Сильно тоскуя без семьи и не



обладая выдержкой своего господина, он стал хандрить, чахнуть и заболел. Мольбы и слезы Латюда, просившего, чтобы слугу перевели в больницу, были оставлены без внимания, и славный парень испустил последний вздох у него на руках...

Опасаясь, что Латюд сойдет с ума, Берье поместил к нему другого заключенного. Его звали Далегр. Это был молодой человек возраста Латюда, повинный почти в одинаковом с ним «преступлении»: он написал фаворитке письмо, в котором поведал о возмущении народа ее поведением и указал путь, которым ей надлежало следовать, чтобы вернуть симпатии страны и сохранить доверие короля. За этот совет Далегр уже три года сидел в Бастилии и не видел конца своим мучениям. Латюд сошелся в Далегром, и оба молодых человека, воодушевленные новыми надеждами, стали строить послания во все инстанции, умоляя спасти их от гибели. Берье, жалея узников, по возможности продвигал и поддерживал их ходатайства. Но однажды он пришел в удрученным видом и заявил, что все эти хлопоты только ухудшили дело; по-видимому, лишь разрыв с королем или смерть маркизы облегчили бы участь обоих «преступников».

Это известие повергло Далегра в отчаяние. Что же касается Латюда, то на него оно произвело обратное действие. Он понял, что остаются лишь два выхода: самоубийство или бегство. И поскольку умирать он не хотел, надлежало подумать о бегстве.

### *План побега*

Побег из Бастилии! Для каждого, кто имел представление о ее башнях, рвах, высокой стене, суровом режиме и невероятных мерах предосторожности, соблюдаемых комендантом, подобная мысль могла показаться бредом. Бредом представилась она и Далегру, когда Латюд впервые поделился с ним своим планом. А план, хотя и казался невыполнимым, был составлен выпускником технической школы в результате тщательных наблюдений и не менее тщательной прикидки.

Для того, чтобы выйти из Бастилии, нужно было спуститься с башни, в одном из верхних этажей которой находилась их камера, преодолеть глубокий ров, парапет и стену, по которой непрерывно ходила стража, затем большой комендантский двор и, наконец, второй, внешний, или Сент-Антуанский, ров, со всех сторон окружавший тюрьму. Уйти через двери и ворота (как некогда Латюд сбежал из Венсенна) было невозможно: они имели такие запоры и настолько бдительно охранялись, что сквозь них не пробежал бы и заяц. Единственное окно в камере, забранное толстыми железными прутьями, было до того крошечным, что пролезть через него человек не мог. Оставался единственный путь через крышу. Камеру обогревала печь, труба которой выходила на кровлю башни, но, как и все дымоходы Бастилии, ее перекрывали внутренние металлические решетки, сквозь которые едва проходила рука. Если разобрать эти решетки, можно было бы вылезти на крышу, оттуда спуститься в ров по веревочной лестнице и подняться на стену по деревянной. Удайся все это — и долгожданная свобода обретена.

Удайся все это... Но как разобрать железные решетки в дымо-

ходе? Откуда взять веревочную и деревянную лестницы? Наконец, будь даже материал — как соорудить все необходимое без инструментов, где прятать изготовляемые предметы?..

Далегр не пожелал и говорить на подобную тему. Это был, по его мнению, явный абсурд, горячечный бред...

## *Подготовка к побегу*

Столкнувшись с полным равнодушием товарища, Латюд начал готовиться к побегу в одиночку. Прежде всего, он точно рассчитал время прихода тюремщиков, четко усвоив, что от последней подачи пищи вечером до первого кормления утром стражники в камере не появляются. Это значило, что целая ночь была свободной и для подготовки, и для самого побега. Вскоре Латюд разрешил и проблему хранения будущего «инвентаря». Он установил, что между полом их камеры и потолком находящейся под ними обязательно должен быть «барабан» — более или менее значительное пустое пространство, вполне достаточное для тайника. Сделав эти открытия, Латюд снова принялся за обработку Далегра. Веревки? Да у них же два чемодана белья — рубашки, чулки, полотенца! Дерево? Да у них же есть в изобилии дрова! Инструменты? Да их же совсем несложно изготовить!.. Латюд давно обратил внимание на две металлические петли, скреплявшие складной стол. Он аккуратно снял их, отточил о каменные плиты пола и с помощью кремневого огнива, завалявшегося в кармане, приделал к ним деревянные ручки: так появились отличные ножи. Плоский металлический подсвечник после нескольких часов работы он превратил в подобие пилы. Итак, основной инструмент был в наличии. Далегр, зараженный энтузиазмом товарища, видя, как быстро продвигается работа, включился в нее, забыв все былые сомнения. С помощью «ножей» узники подняли одну из каменных плит пола и убедились, что предположение Латюда о «тайнике» было верным.

Теперь можно было приняться за главное. Распоров несколько рубах и раздрав их, нитки связали вместе, получив четыре больших мотка. Из них сплели веревку, а из нее изготовили лестницу в двадцать футов, чтобы держаться в воздухе во время удаления из дымохода решеток. После этого взялись за дымоход. Трудиться приходилось в согнутом положении, до такой степени неудобном, что больше часа подряд выдержать было нельзя, причем работавший каждый раз спускался с окровавленными руками. Суть дела состояла в том, что, вдвывая ртом воду в заранее проделанные углубления, заключенные размягчали известь и постепенно извлекали отдельные прутья, которые к концу ночи нужно было вставить на место, чтобы ничего не заметили тюремщики... Полгода друзья занимались дымоходом. Затем они принялись за изготовление лестниц. Сначала с помощью «пилы» и «ножей» из самых больших поленьев выстругали брусья для деревянной лестницы; она должна была состоять из нескольких колен, которые перед использованием можно было скрепить веревкой. По мере готовности отдельные части упрятывались в «барабане». Главная веревочная лестница для спуска с крыши башни в крепостной ров должна была иметь длину не менее ста восьмидесяти футов. Как и прежде, заключенные дергали из

белья нитки и плели всревки, наконец смастерили двести восемь деревянных ступенек. Зная, что при спуске ступеньки будут ударяться о стену, молодые люди запаковали их в чехлы, сделанные из подкладки курток и жилетов... На исходе полутора лет наконец все было готово...

## Побег

В среду 25 февраля 1755 года сразу после обеда беглецы привели в порядок большую веревочную лестницу, проверили деревянную, упаковали инструменты, сложили в мешок одежду и, спрятав все это под кроватями, стали ждать ужина. Едва сторож, принесший ужин, ушел, Латюд первым полез в дымоход. Он чуть не задохнулся от сажи. Теряя сознание, обдирая до крови колени и локти, после невероятных усилий и в самом ужасном виде он выбрался на крышу. Шел дождь. Не теряя времени, Латюд спустил в дымоход веревку, к которой Далегр последовательно привязал мешок, обе лестницы и остальное, и втащил наверх. Затем поднялся и Далегр, также сильно пострадавший от путешествия по дымоходу. Чуть передохнув, они перебросили веревочную лестницу на более низкую «Башню сокровищ», закрепили ее на лафете стоявшей там пушки и начали спуск в бездну... Этот томительный спуск, показавшийся вечностью, прошел благополучно. Друзья вместе со всем своим «багажом», наконец, оказались во рву, по пояс в ледяной воде. Дождь кончился, и в наступившей тишине был отчетливо слышен каждый звук. И тут стало ясно: подняться на стену будет невозможно, они не смогут сделать это, не привлекая внимания часовых. Деревянная лестница, изготовленная с таким трудом, здесь оказалась бесполезной. Вместо этого Латюд принял смелое решение: с помощью самодельных ножей и прутьев из решетки дымохода продолбить стену чуть выше уровня воды, в том месте, где внутренний ров вплотную подходил к внешнему, Сент-Антуанскому; это давало возможность, минуя комендантский двор, сразу очутиться в наружном рву, из которого можно было выбраться с помощью деревянной лестницы прямо в город! Принимая такое решение — на первый взгляд совершенно безрассудное, ибо пробить стену толщиной в четыре фута, казалось, невозможно, — Латюд знал, что делает: вода Сены, заполнявшая оба рва, должна была в какой-то мере растворить известь, скреплявшую камни стены. И вот быстро и дружно они принялись расковыривать известь. Несколько часов, изнывая от смертельной усталости и ныряя в воду каждый раз, когда наверху раздавались шаги часовых, смельчаки все-таки, в конце концов, добились своего: несколько тяжелых плит и камней из стены было вынута, и друг за другом, пропихнув вперед лестницу и мешок, они пролезли в образовавшееся отверстие. И тут, почти у финиша, их подстерегла нежданная беда: второй ров, в который они попали, помимо воды заполняла засасывающая жижа. Энергичный Латюд, опираясь на лестницу и напрягая все силы, вырвался из водоема и, схватив своего товарища за волосы, вытащил его...

Спасены... Охваченные чувством восторга, они, забыв про усталость, быстро двинулись в путь по ночным улицам Парижа.

## Путешествие

Хотя беглецам и удалось укрыться на первое время у верных людей, они понимали, что не только в Париже, но и во всей Франции нет надежного убежища: нужно уезжать, и уезжать как можно дальше. Однако нельзя было трогаться сразу: ожидая, пока остынет ярость преследователей, Латюд и Далегр в течение месяца меняли квартиры и готовились к путешествию. Договорились, что покинут Париж они в разное время — так было больше шансов спастись хотя бы одному из двоих. Беглецы рассчитывали, двигаясь через Бельгию и Голландию, встретиться в Германии, где было легче устроиться под чужим именем и окончательно обезопасить себя от шпионов маркизы де Помпадур. Далегр выехал первым. Переодевшись крестьянином, он отправился в Брюссель, куда благополучно и прибыл. Латюд, запасшись метрическим свидетельством одного из своих друзей, облачился в платье слуги и через Валансьен также направился в Брюссель, но побоялся там задержаться и отплыл в Антверпен. По дороге он узнал, что его товарищ арестован в Брюсселе и передан французской полиции. Расстроенный Латюд поспешил покинуть Антверпен и, перейдя голландскую границу, прибыл в Амстердам. Поскольку путешествие обошлось ему недешево и от денег, занятых у парижских друзей, почти ничего не осталось, он написал отцу, прося о срочном переводе, затем написал повторное письмо. Он и не подозревал, что оба письма были перехвачены и что французские шпионы следили за каждым его шагом. Между тем французский посол возбудил ходатайство о выдаче «государственного преступника», и голландское правительство не посмело ему отказать. 1 июня 1756 года в десять часов утра несчастный Латюд был схвачен и после долгих мытарств доставлен в Лилль. День спустя его переправили в Париж, и он опять очутился в Бастилии.

## Снова Бастилия

Итак, здравствуй, Бастилия. После долгих месяцев ночного бдения, после бесконечно трудного побега, после многих месяцев воли, нервного напряжения — опять все та же ненавистная тюрьма. Тот же обыск, те же лохмотья. Но теперь не могло быть речи о либеральных послаблениях времен Берье. Беглецу сковали руки и ноги, бросили в зловонную темницу без окон, где вместо мебели валялось несколько охапков соломы: ведь он отныне — «опасный государственный преступник»...

Потянулись мучительные дни одиночества, дни без света, сливавшиеся один с другим. Заключенного мучил лютый холод, донимали насекомые и крысы. Деятельный, предприимчивый, не зная, на что направить свою энергию, он начал приручать крыс и добился большого успеха. Попытки дрессировать пауков были менее успешными. Однажды он обнаружил в свежей соломе ветку бузины. Появилась мысль сделать из нее свирель. С помощью ручных кандалов он смастерил из пряжки от пояса маленькое долото, сумел вынуть сердцевину ветки, проделать отверстия. После нескольких месяцев работы свирель была готова. Еще полгода прошли...

...Уже восемь лет томился Латюд в темнице, закованный в кандалы, потеряв счет дням, не имея ни перспектив, ни надежд. Не

видя ни обвинителей, ни свидетелей, ни судей, он тщетно пытался взывать к закону — закон безмолвствовал. И тогда впервые ощутил отчаяние. Несчастный решил наложить на себя руки.

Сохранился протокол врачебного осмотра, проведенного по приказу коменданта Бастилии после второго покушения на самоубийство. Вот выдержка из этого документа: «По вашему приказанию я несколько раз посетил узника Данри\*. Тщательно осмотрев его глаза, я убедился, что он почти не видит. В этом нет ничего удивительного, если учесть условия его жизни... В его каземате два отверстия без стекол, днем и ночью ветер сквозит прямо в лицо заключенному. От непрерывного насморка его верхняя губа растрескалась до самого носа и обнажила зубы, которые совершенно испортились. Кроме того, он почти облысел. Решив лишиться себя жизни, он оставался без еды и питья в продолжение ста трех часов, после чего ему насильно открыли рот и заставили проглотить пищу. Против воли возвращенный к жизни, он куском стекла перерезал себе четыре вены и истек кровью. В течение многих дней он не приходил в сознание... Бесплезно тратить королевские деньги на лекарства и мои посещения. Только изменение условий содержания, чистый воздух и возможность двигаться могут спасти его от полной слепоты и хотя бы в какой-то степени вернуть утраченное здоровье».

Неизвестно, что повлияло в большей степени — заключение ли врача, смена коменданта Бастилии, а может быть, и то, что во время очередного разлива Сены затопило каземат Латюда, но его все же извлекли оттуда, сняли кандалы и поместили в одну из башен. Позднее ему была разрешена ежедневная двухчасовая прогулка на плоской крыше крепости.

### *От отчаяния к надежде*

Разрешение на прогулку было дано после посещения Бастилии начальником парижской полиции де Сартином. Этот чиновник заинтересовался необычным узником и, побеседовав с ним, намекнул на возможность перемен к лучшему. Однако, за исключением прогулки, никаких перемен не последовало. Узник, воспрянувший было духом, опять потерял надежду. Через некоторое время, немного успокоившись и понимая, что разжалобить свою мучительницу ему не удастся, Латюд решил апеллировать к общественному мнению. Для этого следовало подробно изложить историю своих мытарств, отправить рукопись на волю и с помощью верных друзей размножить и распространить ее. И Латюд с упоением принялся за работу. Теперь ему давали книги, хотя отказывали в письменных принадлежностях. Мастер на все руки, он изготовил перо из мелкой монеты, чернила из сажи, вместо писчей бумаги использовал чистые страницы из книг. В свое сочинение Латюд вложил весь пыл своей души. Когда оно было закончено, он, тщательно свернув рукопись, обмотал пакет кусочками кожи от своего костюма. Посылка на волю была готова. Но как переправить ее? Во время прогулок по крыше Бастилии Латюд стал внимательно присматриваться к находившейся внизу улице Сент-Антуан. На противоположной стороне ее было несколько домов. Однажды он заметил двух девушек, сидевших у окна; лица их ему показались добрыми и приятными.

\* Узникам Бастилии, как правило, меняли имена.

Дождавшись, когда одна из них взглянула в его сторону, Латюд постарался привлечь ее внимание: сделал приветственный жест рукой и вежливо поклонился. Девушка, видимо, сказала об этом сестре, которая тоже посмотрела на него... Постепенно завязалось знакомство, которое Латюд тут же использовал. Он показал девушкам пакет, давая понять, что хочет переслать его с их помощью. Девушки поняли его намерения. Удачный бросок, и сверток пошел по назначению...

Прошло несколько месяцев. И вот однажды — это случилось 18 апреля 1764 года — юные знакомки Латюда выставили в своем окне лист бумаги, на котором гигантскими буквами было написано: «ВЧЕРА СКОНЧАЛАСЬ МАРКИЗА ДЕ ПОМПАДУР».

Словно небеса разверзлись... Латюд едва устоял на ногах. Счастье, счастье-то какое! Настал час свободы!..

Он настолько был в этом уверен, что даже поспешил уложить свои вещи.

### *Третий побег*

Дни шли за днями, а приказа об освобождении не поступало. Даже стражники и сам комендант явно сочувствовали Латюду. Наконец один из них намекнул, что дело, в сущности, не сдвинулось с мертвой точки. Маркиза умерла, но наследники ее не желали позорных разоблачений и справедливых требований со стороны тех, кто стал жертвами ее злобы. И без того циркулировали слухи о том, что по рукам путешествует некий памфлет, написанный в Бастилии. По-видимому, начальник полиции имеет твердые инструкции.

Итак, смерть гонительницы ни к чему не привела. Он стал слишком опасным, ибо слишком много претерпел от власть имущих. И поэтому его не желают освобождать. Эта мысль привела Латюда в дикую ярость. Не стесняясь в выражениях, он изложил обуревавшие его чувства в письме к де Сартину. Письмо было отправлено 27 июля 1764 года. Латюда вновь бросили в подземелье, а затем, 14 августа, перевели в Венсенн.

Венсенн был памятен Латюду. Вот и теперь, едва попав в замок, он стал думать о бегстве. Комендант разрешил ему обычную двухчасовую прогулку. Латюд прекрасно знал расположение дворов и ворот Венсенна. При первом удобном случае он рискнул...

23 ноября 1765 года около четырех часов дня он гулял по саду в сопровождении двух часовых и сержанта. Погода была ясной, но вдруг неожиданно спустился туман, который быстро начал густеть. Это обстоятельство показалось Латюду как нельзя более подходящим для осуществления его замысла. Обращаясь к сержанту, он спросил:

— Как вам нравится эта погода?

— Очень не нравится, — ответил тот.

— А мне она кажется весьма подходящей, — спокойно сказал Латюд, внезапно отстранил локтями часовых, с силой оттолкнул сержанта и бросился бежать.

После секундного замешательства сержант завопил:

— Стой! Держи его!..

Со всех сторон стали сбегаться люди. находчивый Латюд, воспользовавшись сутолокой, прорвался через толпу и, протянув вперед руку, словно указывая на злоумышленника, закричал еще громче:

— Держите его! Держите вора!

Обманутые преследователи побежали ловить воображаемого преступника. Латюд был почти у цели, когда стражник, стоявший у ворот, почуяв недоброе, направил на него ружье, угрожая штыком.

— Старина,— воскликнул беглец,— ты ведь обязан арестовать меня, а не убивать!

Замедлив шаг, он с видимым дружелюбием подошел к часовому и вдруг, резко вырвав ружье, сбил парня с ног, перепрыгнул через него и очутился за оградой Венсенна. До темноты он скрывался в лесу, а затем, избегая проезжих дорог, направился в Париж. Здесь он без колебаний явился к тем двум молодым особам, с которыми завязал знакомство, совершая прогулки на крыше Бастилии. Они приняли беглеца как родного. Люди небогатые (отец девушек оказался парикмахером), они приютили Латюда и поделились с ним небольшими сбережениями. В этой семье, размышляя о том, как узаконить свою свободу, он прожил несколько недель.

### *В равелине*

Латюд начал с того, что написал де Сартину, пытаясь объяснить причины своего поведения и моля о справедливости. На это послание ответа не последовало. Поняв, что от начальника полиции пощады ждать не приходится, Латюд стал искать других путей. Он добился приема у принца Конти, который когда-то его немного знал. Рассказ о бедствиях «вечного узника» тронул вельможу; он обещал свое содействие, но этим дело и кончилось. Тогда беглец решил обратиться к самому герцогу де Шуазелю, первому министру Людовика XV. Министр вместе с двором находился в Фонтенбло. 18 декабря пешком, избегая дорог и страдая от холода, Латюд добрался до места, предварительно отправив Шуазелю слезное письмо. В приемной герцога ему предложили подождать. Затем появились двое жандармов, которые, сказав, что герцог ждет его в другом месте, усадили просителя в экипаж и повезли в столицу. Все еще не догадывавшегося о своей участи беднягу доставили в тюрьму Консьержери, а оттуда в Венсенн...

Всю глубину «милости министра» несчастный понял лишь в тот момент, когда очутился в страшном подземелье разелина без окон, с массивными стенами, на голом каменном полу, а все вопросы его остались без ответов. Очевидно, о нем решили «забыть», предоставив холоду, голоду, непроглядной тьме и болезням довести дело до желаемого конца. Но смерть в тюрьме ему не была суждена; как и прежде, его и спасала и поддерживала страстная жажда жизни — чем меньше оставалось надежды выйти на свободу, тем более горячо он желал этого, чем полнее его изолировали от других людей, тем настойчивее он искал контактов с ними. Большой, весь опухший, безмерно страдая от сырости подземелья, он умудрялся при свете самодельной копилки строчить собственной кровью на лоскутах, отодранных от рубашки, послания своим мучителям; ценою неимоверных ухищрений и упорного многодневного труда ему удалось пробуровать отверстие в толстой стене своего каменного мешка и вступить в общение с узниками, которым были разрешены прогулки во дворе равелина. Последнее несколько отвлекло Латюда от постоянных назойливых мыслей о собственной судьбе. Он хоро-

шо запомнил истории, рассказанные кое-кем из его товарищей по несчастью...

...Шевалье де Ларошгро двадцать три года просидел в разных тюрьмах за написание брошюры, которой он в действительности не только не писал, но и не видел. Барон де Венак томился в заключении девятнадцать лет за сведения, которые доставил фаворитке и которые задели ее самолюбие. Парижский священник Приер седьмой год «коротал» в Венсенне за реформу французского языка, которая кому-то показалась подозрительной...

А сколько их было еще... И все они оказались «забытыми» — причины их бедствий не интересовали никого...

## Шарантон

— Ну, ваши несчастья кончены. Пришел приказ о вашем освобождении!

С такими словами тюремщик распахнул дверь камеры Латюда 27 сентября 1775 года.

Яркий дневной свет чуть не ослепил. Его привели в канцелярию и заставили подписать какую-то бумагу. Затем полицейский офицер как бы между прочим заметил:

— Министр считает необходимым, чтобы вы медленно и постепенно приучались к свежему воздуху. Поэтому сначала вы проведете несколько месяцев в монастыре, поблизости отсюда. Мне приказано проводить вас туда.

Слова эти не понравились Латюду. Еще менее утешительным показалось, что перед тем, как посадить его в экипаж, стражи крепко связали ему руки и ноги.

По дороге в «монастырь» он узнал, что несколько месяцев назад скончался король Людовик XV... Итак, ни фаворитки, ни ее покровителя уже не было в живых, а их жертва продолжала нести наказание за свой «проступок» по отношению к ним...

Экипаж прибыл в Шарантон, где полицейские сдали Латюда на руки «братьям милосердия» — монахам. Действительно, это оказалась обитель, но обитель особого рода. Вскоре Латюд понял, что находится в сумасшедшем доме — вот где его решили власть имущие «приучать к свежему воздуху». Несчастного поместили в камеру с обычными решетками на окнах и запорами в дверях, а снизу раздавались непрерывные вопли: под полом его каземата находились палаты буйнопомешанных.

Когда первое отчаяние улеглось и Латюд осмотрелся, он понял, что здесь, во всяком случае, было привольнее, чем в Венсенне: разрешались ежедневные прогулки и общение с другими «больными»; вскоре он понял при этом, что они такие же «больные», как и он сам, причем некоторые «болеют» уже не одно десятилетие. Впрочем, в монастыре доставало и подлинных душевнобольных, как правило, неизлечимых.

Случайно Латюду стало известно, что в Шарантоне, в одной из ячеек подземелья, содержится его старый товарищ по бегству из Бастилии, Далегр. После ареста в Брюсселе и возвращения в тюрьму рассудок бедняги не выдержал: он впал в буйное помешательство и теперь сидел на цепи. Латюд добился от «братьев» разрешения навестить Далегра. С трепетом вошел он в темницу и бросился на шею ее обитателю. Тот резко оттолкнул его.



— Разве ты не узнаешь старого друга? — воскликнул Латюд. — Ведь мы же вместе бежали из Бастилии! Помнишь?

Далегр был ужасен. Тощий, как скелет, дико вращая зрачками, он прохрипел:

— Нет... Убирайся отсюда... Я — бог!

Рыдающего Латюда насильно увели из темницы.

Вскоре подобие надежды опять замаячило перед ним. В Шарантоне, среди прочих, он познакомился, а затем и подружился с неким шевалье де Мойриа, тоже выходцем из Лангедока. Шевалье был виновен в том, что в порыве ярости поднял шпагу на своего брата. Проступок был несерьезен, и вскоре его освободили из Шарантона. Прощаясь с Латюдом, он дал клятву на свободе заняться его делом и сдержал обещание. Семья Мойриа имела высокопоставленных друзей в Париже. Шевалье удалось заинтересовать судьбой Латюда генерального контролера двора Сен-Виктора и министра Амело. После некоторых колебаний Амело подписал указ об освобождении Латюда. Указ был доставлен в Шарантон 7 июня 1777 года.

### *Гримасы судьбы*

Итак, свобода! Долгожданная свобода, свобода не в результате побега, а вполне официальная, черным по белому обозначенная на бланке министерства юстиции и подписанная самим министром!..

В первый момент Латюд растерялся настолько, что даже не вник как следует в содержание указа. Потом, когда вник, его радость несколько поубавилась. Дело в том, что свобода не была полной. В документе речь шла скорее о ссылке. Освобождаемому предписывалось явиться к лейтенанту парижской полиции Ленуару, а затем он должен был отправиться к себе на родину в город Монтиньяк, где поступал под строгий надзор местной полиции и лишался права на выезд. Таким образом, после бесконечно долгих лет тюрьмы Латюд осуждался на вечное изгнание; лишенный семьи (отец его давно умер, мать тяжело болела), без средств, без друзей, он был обречен на жалкое существование поднадзорного, лишенного права посещать общественные места и передвигаться по стране...

И все же это был конец его почти тридцатилетней неволе; он получал видимость свободы и отныне мог жить не в тюремной камере. Со смешанным чувством радости и печали покинул Латюд Шарантон и пешком направился в столицу. Без шляпы, в рваных чулках, в ветхом, полусгнившем сюртуке, купленном когда-то в Брюсселе, месил он жидкую придорожную грязь давно прохудившимися башмаками. В Париже, заняв немного денег у одного из земляков, он купил приличное платье и отправился на прием к Ленуару. Тот встретил его с видимым сочувствием, указал на лицо, которое по поручению матери должно было дать деньги на дорогу, и повторил приказание немедленно следовать в Монтиньяк.

И вот Латюд отправился в дальний путь. Как и раньше, сберегая последний грош, он шел пешком. На душе у него лежала тяжесть, и, как показало ближайшее будущее, не напрасно. 15 июля, когда он находился в сутках ходьбы от Парижа, его нагнал конный офицер. Назвавшись полицейским чиновником Демаре, он потребовал документы Латюда и заявил, что должен его арестовать. Несчастный, словно громом пораженный, вначале онемел, а затем, ссы-

ляясь на указ, заявил, что это очевидная ошибка. Но Демаре ответил, что никакой ошибки здесь нет, что ему приказано задержать освобожденного из Шарантона и вернуть в Париж. Он обыскал Латюда, забрал все бумаги и деньги и заметил, что имеет приказ заковать его в цепи, но готов удовольствоваться словом не делать попытки к бегству. Слово Латюд дал; впрочем, он был в таком состоянии, что о бегстве и не помышлял. В ближайшем населенном пункте Демаре погрузил его на телегу и на следующий день доставил в столицу. Латюд отсидел три дня в тюрьме Шатле, после чего был переведен в Бисетр. Вся подоплека случившегося осталась для него неизвестной. Почему был отменен указ Амело? Что заставило Лемуара, и притом так быстро, изменить свое первоначальное распоряжение? Боязнь разоблачений? Персональное вмешательство кого-то из власть имущих? Личная акция де Сартина, оскорбленного, что не посчитались с его мнением? Но факт остается фактом: указ об освобождении был аннулирован, и Латюд вновь оказался преступником, на этот раз подлежащим содержанию в исправительной тюрьме для уголовников-рецидивистов.

### *Бисетр*

Да, ему предстояло испытать чашу до дна. То место, куда его теперь водворили, показалось ему подлинным дантовым чистилищем. Если в большинстве прежних мест заключения Латюд был лишен или почти лишен возможности общаться с другими арестованными, то здесь все обстояло совсем иначе: «общение» было, но оно доставляло мало радости. В Бисетре камеры, или «каюты», как их называли, ограничивались решетками и располагались по обе стороны узких коридоров таким образом, что заключенные могли видеть и слышать друг друга. Двери камер имели форточки, через которые надзиратели давали пищу. В один и тот же час все форточки раскрывались, арестанты просовывали в них головы и начинали переругиваться, а то и драться, швыряясь бутылками, башмаками и всем, что подворачивалось под руку, пока не появлялись надзиратели и с помощью палок не наводили порядок. Здесь сидели закоренелые преступники — грабители и убийцы. Естественно, «новичка» сразу же стали допытывать вопросами: сколько краж он совершил и были ли на его счету «мокрые» дела.

— Уж наверное, тебя посадили сюда не за то, что ты ходил к обедне, — со смехом заметил Латюду один из них, бывший каторжник, по кличке Шевалье. — Я выпутался из двадцати восьми дел; все мои судьи знали, что я за птица, но мне плевать на них... Я спас от виселицы десятка два ребят, и тебе смогу оказать ту же услугу...

Латюд предпочитал сидеть в глубине своей камеры и носа не высовывать.

В Бисетре можно было платить за улучшение своего содержания, можно было даже кое-что покупать, и располагавшие деньгами уголовники ни в чем не нуждались. Однако те, кто жил лишь «за счет короля», имели ежедневно кроме куска хлеба лишь несколько ложек бурды, именуемой «бульоном», да горсть гороха, в котором кишели черви. Поскольку Латюду вернули часть денег, конфискованных у него Демаре, он первое время докупал хлеб и даже приобрел бумагу и перья. Но его резервы — несколько луидоров — исчерпа-

лись быстро, и тогда пришлось выпрашивать грязные корки, которые надзиратели собирали для домашнего скота.

Все еще желая добиться справедливости или, по крайней мере, выяснить, за какое новое преступление его сюда посадили, Латюд стал писать на волю ряду лиц, в числе прочих — и Сен-Виктору. И тогда он узнал, что его обвиняют... в ограблении одной знатной дамы, о которой в действительности он не имел ни малейшего понятия! Враги спокойно оклеветали его, зная наперед, что не дадут ему смыть с себя эту клевету. Естественно, Сен-Виктор и другие отказались хлопотать за «отпетого преступника». Даже родная мать, пораженная «гнусным бесчестьем» сына, отрекалась от него...

Все это подорвало моральные и физические силы Латюда. Как некогда в подземелье Бастилии, он впал в отчаяние. Недвижный валялся он на койке, вследствие чего не получал даже положенного «бульона»: поскольку он не подходил с миской к форточке, надзиратели швыряли ему один хлеб. Заедаемый паразитами, страдая от голода и грязи, он вскоре сверх всего заболел цынгой: ноги и бедра страшно распухли, десны стали кровоточить, зубы — вываливаться. Поскольку, почти теряя сознание, он перестал отвечать на вопросы соседей и окрики тюремщиков, к нему прислали врача. По распоряжению врача его уложили на носилки и отнесли в лазарет.

## *В лазарете*

Описание тюремной больницы Бисетра принадлежит к числу самых страшных страниц повести Латюда; если исправительная тюрьма показалась ему чистилищем, то здесь был сущий ад...

...Большая палата поражала невероятной грязью и скученностью; казалось, сюда переводили не для того, чтобы вылечить, а с целью поскорее уморить. Половину палаты занимали венерические больные, половину — цынготные. Поскольку и тех и других было слишком много, кровати сдвинули, матрацы положили поперек и несчастных наваливали штабелями, буквально одного на другого. Здесь вперемежку оказывались живые, умирающие и мертвые, которых не спешили уносить. Простыни, никогда не стиравшиеся, пропитанные потом, лекарствами и испражнениями, испускали страшное зловоние. Грубые санитары, из числа заключенных, отбирали у больных деньги, белье, воровали казенный хлеб и всех без различия поили тошнотворным «отваром» из общей грязной лохани. В первую ночь пребывания в лазарете Латюд чувствовал себя так скверно, что стал мечтать о смерти как о блаженстве. Но и сейчас умереть ему не было суждено.

Врач оперировал десны Латюда и предписал дважды в неделю накладывать ему на тело пластырь из подогретой бензойной смолы. После пяти месяцев подобного лечения больной попытался впервые подняться с постели. Поскольку одежду его украли санитары, он удовольствовался полусгнившими кальсонами, снятыми с очередного мертвеца. Сначала он передвигался на костылях, а через несколько недель окреп настолько, что смог стоять и ходить без палки. Тогда Латюд стал просить, чтобы его поскорее выписали из лазарета. Просьба его была уважена, и он вновь очутился в одной из камер Бесетра.

## *Ищи женщину*

Французы говорят: «Ищи женщину!» Выражение это как нельзя лучше применимо к судьбе Латюда: женщина его погубила, но, в конечном итоге, женщина же спасла от гибели. Вот как это произошло.

15 сентября 1781 года Бисетр посетил некий судья Гург. Зная от других заключенных, что это добрый и справедливый человек, Латюд поведал ему историю своих страданий. Гург, с удивлением и сочувствием выслушавший этот рассказ, предложил, чтобы он был изложен в письменной форме. Латюд быстро составил свою записку — это было ему не впервой — и отправил с тюремным служащим на дом к судье. Однако посыльный, по дороге посетивший несколько кабаков, умудрился потерять пакет где-то на одной из улиц Парижа. Это обстоятельство, прислорбное само по себе, обернулось для вечного узника исключительной удачей.

Пакет нашла молодая женщина, жена мелкого чиновника Легро. Вскрыв обертку, разорвавшуюся от сырости, она с интересом начала читать исповедь Латюда. И по мере того, как женщина продвигалась вперед, ее охватывал ужас. Она еще не вполне верила прочитанному — разве можно сразу поверить подобному? Но ее уже увлекло желание установить истину и добиться справедливости. Своим энтузиазмом она заразила мужа. Сняв копию с записки Латюда, господин Легро отнес подлинник по адресу. Но оказалось, что судья Гург, успевший поговорить с де Сартиниом, пришел к выводу о бесполезности хлопот по этому делу, о чем и поставил в известность супругов Легро.

Однако энергичная мадам Легро уже приняла решение. Шесть месяцев она тратит на то, чтобы собрать справки и проверить правдивость слов Латюда. А затем, когда все сходится, она добивается свидания с необычным узником, выслушивает его устную исповедь и начинает беспрецедентную кампанию за справедливость, трехлетнюю борьбу за освобождение и реабилитацию незинного. И самое поразительное, что вступает в эту борьбу она одна — даже муж временами отказывает ей в поддержке, — без средств, без покровителей, при полном равнодушии всех тех, в двери к которым она стучится. Ей удивлялись, ее обнадеживали, обманывали, а зачастую и просто выгоняли, но с непреборимыми верой и упорством мужественная женщина продолжала начатое, не останавливаясь ни перед какими препятствиями.

Долгое время мадам Легро надеялась на помощь сильных мира сего. Она пробивалась в приемные аристократов и министров, фрейлин двора и высокопоставленных церковников, пока не дошла до самой королевы. Все это оказалось безрезультатным. Тогда неутомимая правдоискательница решила обратиться к широкой общественности. Ей удалось заинтересовать делом Латюда двух видных юристов, которые, составив подробный мемуар, размножили его в сотнях экземпляров и распространили в разных слоях общества. Это оказалось более действенным средством; круг сторонников оклеветанного стал расширяться, и полицейскому аппарату правительства было все труднее ему противостоять. Начинаясь подлинная кампания за спасение Латюда. Это происходило во время, когда французский абсолютизм, потрясенный до основания острым политическим и финансовым кризисом, уже стал терять былую устойчивость

и прочность. Знаменитые разоблачения Вольтера, добившегося пересмотра ряда несправедливо решенных судебных дел, ослабили упорство твердолобой королевской юстиции. В этих условиях лозунг «Свобода Латюду!», скандировавшийся на улицах столицы, должен был нейтрализовать все козни и интриги сартинов и лемуаров. Именно все это, вместе взятое, и обеспечило победу мадам Легро: в конце концов министр внутренних дел подписал новый ордер на освобождение Латюда.

### *Освобождение*

Впрочем, до полной победы было еще далеко. Прежде всего, Лемуар попытался задержать приказ министра. Затем, когда это ни к чему не привело, полицейские власти, как и во время первого освобождения Латюда, попытались отправить его в ссылку в Монтиньяк. Но мадам Легро не прекратила борьбы. По ее совету Латюд отказался от подобного «освобождения» и заявил, что не покинет Бисетр до тех пор, пока не будет полностью реабилитирован. Это демонстративное упорство на волне продолжающегося всеобщего возмущения в конце концов принесло плоды. 22 марта 1784 года торжествующая поборница справедливости принесла в тюрьму новый приказ, на этот раз о полном освобождении Латюда, разрешавший ему проживать в Париже. «То был день, величайший в моей истории, а может быть, и в истории человечества, день, когда я возродился к новой жизни», — такими словами заканчивает он свое поздравление. И, несмотря на явную гиперболичность подобного утверждения, в нем есть зерно истины: дело Латюда, на своем последнем этапе, внесло свой вклад в предысторию и подготовку Великой французской буржуазной революции; 14 июля 1789 года восставшие парижане взяли штурмом Бастилию, которая вслед за тем была полностью разрушена как страшный символ ненавистного прошлого...

Что же касается Латюда, то этим его история не закончилась. Выйдя из тюрьмы после тридцати пяти лет заключения, он не потерял ни физических, ни умственных сил, сохранил и бодрость, и любовь к жизни. Он прожил еще двадцать лет — до января 1805 года, — был неизменно весел и остроумен и, весьма заботясь о своем здоровье, усердно занимался гимнастикой. Правительство — сначала королевское, потом республиканское — выплачивало ему пенсию, и он занялся сочинением своих знаменитых мемуаров, остающихся одним из ярчайших памятников жестокого произвола абсолютизма.

## ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

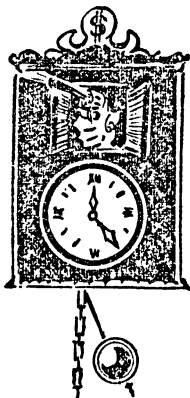
### ТАИНА ГАМБУРГСКОЙ ПОЛИЦИИ



Из автоматической намеры хранения главного железнодорожного вокзала в Гамбурге (ФРГ) полиция извлекла целый чемодан героина. Его доставили в здание полицейпрезидиума и заперли в специальный сейф на пятом этаже. На следующее утро наркотиков в сейфе не оказалось, хотя доступ в это помещение (а тем более ключи от сейфа) имеют только сотрудники группы борьбы с наркотиками... Вообще же с 1975 года количество уголовных преступлений, совершенных сотрудниками гамбургской полиции, возросло в 2,5 раза...

### ЧАСЫ С «РЕВОЛЬВЕРНЫМ» БОЕМ

Когда-то символом тихого мещанского благополучия были настенные часы с кукушкой. Недавно одна тexasская часовая фирма выпустила часы, олицетворяющие пресловутый «американский образ жизни». Это те же мещанские ходики, только из окошка вместо кукушки выбрасывается миниатюрная рука с револьвером, и соответствующая серия выстрелов указывает время.



### ЧЕЛЮСТЬ НОМЕР...



Среди забытых в транспорте и утерянных вещей в Швеции теперь почему-то нзиболеe часто попадают... вставные челюсти. Утеря зубных протезов стала настолько обычным явлением, что шведское министерство здравоохранения распорядилось клеймить каждую новую вставную челюсть десятизначным номером, по которому легко будет разыскать ее рассеянного владельца. Это нововведение горячо приветствовали криминалисты, получившие дополнительную возможность идентификации возможных жертв преступлений.

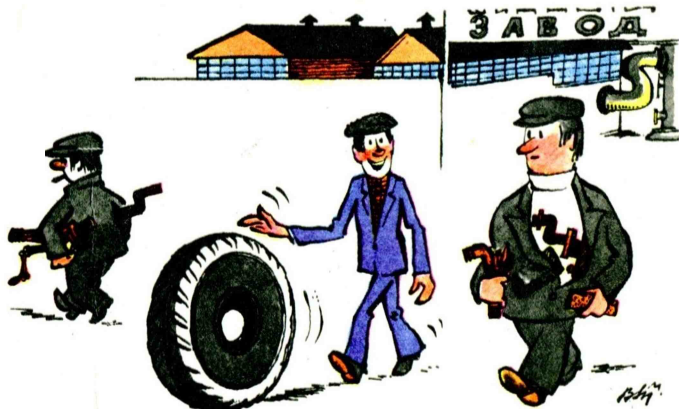
Рис. Н. Носова.

— Ну и фокусник ты,  
Кузьмич...



— Зато никто не назовет меня «несуном».

Рис. В. Тамаева.



— Настоящий иллюзионист: в десятилитровую  
канистру вмещается пятнадцать литров!

Рис. Г. Пирцхалава.



